

Содержание

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

У Ч Р Е Д И Т Е Л И:

Союз писателей России
ООО "ИПО писателей"

Международный фонд
славянской письменности
и культуры

Издается с 1956 года

Главный редактор
Станислав КУНЯЕВ

Общественный совет:

В. И. БЕЛОВ,
Ю. В. БОНДАРЕВ,
А. В. ВОРОНЦОВ,
В. Н. ГАНИЧЕВ,
Г. Я. ГОРБОВСКИЙ,
Г. М. ГУСЕВ,
Т. В. ДОРОНИНА,
С. Н. ЕСИН,
Л. Г. ИВАШОВ,
С. Г. КАРА-МУРЗА,
В. Н. КРУШИН,
А. Н. КРУТОВ,
А. А. ЛИХАНОВ,
М. П. ЛОБАНОВ,
С. А. НЕБОЛЬСИН,
Ю. М. ПАВЛОВ,
И. И. ПЕРЕВЕРЗИН,
В. Д. ПОПОВ,
В. Г. РАСПУТИН,
Е. С. САВЧЕНКО,
А. Ю. СЕГЕНЬ,
С. Н. СЕМАНОВ,
В. В. СОРОКИН,
С. А. СЫРНЕВА,
А. Ю. УБОГИЙ,
Р. М. ХАРИС,
М. А. ЧВАНОВ

Проза

Евгений ШИШКИН
Правда и блаженство.
Роман 7

Антон ГАГАРИН
Первое свидание. Рассказ 149

Поэзия

Абдулла ДАГАНОВ
Поздний визит 3

Юрий ЛОЩИЦ
Воды Галилейские 145

Владимир КОРОБОВ
Души ранимые прозренья... 158

Василий СТРУЖ
Я не уеду... 171

Очерк и публицистика

Юрий ГОДИН
Как сохранить
здоровье нации? 174

Алексей ВУЛЬФОВ
"Какая жизнь отликовала..." ... 184

Владимир ДЕНИСОВ
Северное сияние
для опорного края 195

Память

Сергей КУНЯЕВ
"Ты, жгучий отпрыск
Аввакума..." 161

Дневник современника

Александр КАЗИНЦЕВ
Поезд убирается в тупик 210

Редакция

Приемная —
(495) 621-48-71

А. И. Казинцев —
зам. главного редактора —
(495) 625-01-81

Е. В. Шишкин —
зав. отделом прозы —
(495) 625-30-47

С. С. Куняев —
зав. отделом критики,
отдел поэзии —
(495) 625-02-81

Отдел публицистики —
(495) 625-30-47

Н. С. Соколова —
зав. редакцией —
(495) 621-48-71,
факс (495) 625-01-71

Г. В. Мараканов —
зав. техническим центром —
(495) 621-43-59

М. А. Чуприкова —
гл. бухгалтер —
(495) 625-89-95

Критика

Сергей СЕМАНОВ
Мистика! 226

Георгий АБСАВА
Против антилермонтоведения 229

Сергей НЕБОЛЬСИН
Чайка и буревестник 236

Юрий ИЗУМРУДОВ
Сергей Клычков
и Борис Садовской 250

Среди русских художников

Лидия СЫЧЁВА
Сила таланта 261

Патриотика

Илья КОМАРОВ
Мой старинный друг 272

Карнас смеется

С. СЛАВЯНИН
“Быют женщины...” 278

Редакция внимательно знакомится с письмами читателей и регулярно публикует лучшие, наиболее интересные из них в обширных подборках не реже двух раз в год. Каждая рукопись внимательно рассматривается и может, по желанию автора, быть возвращена ему редакцией при условии, что объем рукописи по прозе — не менее 10 а. л., поэзии — 5 а. л., публицистике — 3 а. л. Срок хранения рукописей прозы 2 года, поэзии и публицистики — 1,5 года. За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Компьютерная вёрстка: Г. В. Мараканов

Операторы: Ю. Г. Бобкова, Е. Я. Закирова, Н. С. Полякова

Корректоры: С. А. Артамонова, И. А. Горбатова

Зарегистрирован Мининформпечати Российской Федерации 20.06.03. ПИ № 77-15675.

Подписано в печать 28.06.11. Формат 70x108 1/16. Бумага газетная.

Офсетная печать. Усл. печ. л. 25,4. Уч.-изд. л. 23,8. Заказ №2723. Тираж 9000 экз.

Адрес редакции: Москва, 127994, Цветной бульвар, д. 32, стр. 2.

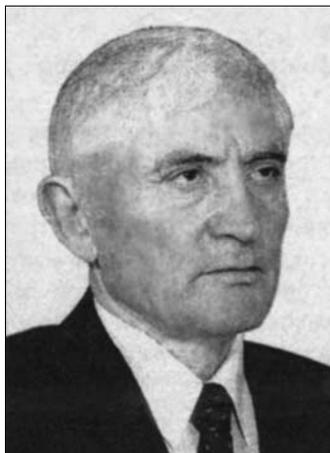
Адрес журнала в интернете: www.nash-sovremennik.ru

E-mail: n-sovrem@yandex.ru

(Рукописи по e-mail не принимаются)

Отпечатано в типографии ОАО “Издательский дом “Красная звезда”,
123007, г. Москва, Хорошевское шоссе, 38. www.redstarph.ru

АБДУЛЛА ДАГАНОВ
народный поэт Дагестана

ПОЗДНИЙ ВИЗИТ

К 170-летию со дня гибели Лермонтова

На Кавказе вновь лето в разгаре —
Раскаляется солнечный круг.
И влечёт меня сердце недаром
В этот край, где сияет Машук.

У подножья горы знаменитой,
Где столетья летят, не спеша,
Скорбь о русском поэте убитом
Ранит сердце большее ножа.

На заре своего восхожденья
Был он пулею злобной сражён —
Принял вызов судьбы без волненья,
Хоть и знал, что на смерть обречён.

В наказание за правду и смелость
Был он брошен царём на войну,
Что тогда на Кавказе кипела,
Будоража большую страну.

ДАГАНОВ Абдулла — известный аварский поэт, окончил факультет журналистики МГУ и Высшие литературные курсы при Литинституте, автор многих поэтических сборников, член Союза писателей России. Живёт в Махачкале

Я стою в этом проклятом месте,
И сжимается сердце в груди —
Здесь погиб узник правды и чести,
Ты его, Абдулла, защити...

* * *

...Из автобуса люди выходят,
Нескончаем их вечный поток...
Хоть поэзия
                                нынче не в моде,
Русский гений, ты не одинок.

Всё меняется — люди и время...
Неизменно лишь Слово одно.
Воспарило над всем и над всеми
И застыло в граните оно.

Улыбается Лермонтов снова,
С высоты молча глядя на нас.
Знает он, что не пуля, а Слово
Покорило немирный Кавказ.

И в ответ я ему улыбаюсь,
Мол, прости,
                                друг, за поздний визит...
Понимаю, когда я покаюсь,
Он мне эту оплошность простит.

*Перевод с аварского
Марины Ахмедовой-Колюбакиной*

ЕВГЕНИЙ ШИШКИН

ПРАВДА И БЛАЖЕНСТВО

РОМАН

*Наверху — обман и блаженство,
правда и радость — внизу.*

Часть первая

I

Это было счастливое время в России. Начало шестидесятых.

Уже затянулись ожоги войны, и слезы о погибших не были так солонны... Страна зализала раны и наново отстроилась, — и дерзнула на космос. Первенец землян во вселенной Юрий Гагарин чаровал солнечной улыбкой советских людей и вместе с ними грезил о Марсе.

И вольное было это время! После XX съезда КПСС и клейменной речи кулакастого Никиты Хрущева о культе Сталина по острогам и зонам прокатились освободительные сквозняки. Еще опасно косился советский гражданин на “черные воронки” и держался стороной “серого дома”, но анекдоты про нового генсека, про хрущевскую кукурузу уже шпарил без оглядки.

ШИШКИН Евгений Васильевич родился в 1956 г. в городе Кирове (Вятка). Работал на заводе, служил в армии, окончил филологический факультет Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского и Высшие литературные курсы в Москве. Автор книг «До самого горизонта», «Только о любви», «Монстры и пигмеи», «Южный крест», «Концерт», «Бесова душа», «Закон сохранения любви». Автор пьес и сценариев к документальным фильмам. Член Союза писателей России. Живет в Москве.

Информация о полном авторском тексте романа – на официальном сайте писателя:
www.shishkin-ev.ru

ЮРИЙ ЛОЩИЦ

ВОДЫ ГАЛИЛЕЙСКИЕ

ЛЕГИОН

Слышишь, камни ворочает море?
По дну ворочает, чуешь?
Море отчее, чуешь, ворочает,
волочит по дну чудовищ.
По дну их, пьяных, прокатывает.
Лбами трещат, стонут.
Утробными, чуешь, проклятьями
возмущают нечистый омут.
Ты сдурел, пловец, коль решился.
Окровянишь башку и руки.
Скорлупа — цена твоей жизни.
Пощадят они разве от скуки.
То один, как бешеный, скочет.
То другой как с цепи сорвётся.
Опротивело морю ворочать
уродов таких, уродцев.
Что друг в друга лбищами целите?
В этой мути, в темени, в иле
что вы там никак не поделите?
Аль вселенную не поделили?

ЛОЩИЦ Юрий Михайлович родился в 1938 году в селе Долинском Одесской области. Окончил филологический факультет МГУ. Автор книг “Сковорода”, “Гончаров”, “Земля-именинница”, “Дмитрий Донской”, “Слушание земли”, “Унион. Проза последних лет”, романа “Полумир” и сборников стихов “Столица полей” и “Больше, чем всё”. Член Союза писателей России. Живёт и работает в Москве.

ИОНА

Позабыв свои чёт и нечет,
спрятав жёсткие удила,
море так по-детски лепечет,
будто нежность его родила.
Будто просит у нас прощенья,
что не каждому зреть дано
это ласковое погруженье
зыбких светов на сонное дно.
Я поверю ему, поверю,
я войду в его звонкий храм
и усталое сердце отдам
прямо в пасть лучезарному зверю.

НАГОРНАЯ

Мы от берега входим на холм,
где ветер шевелит ковыльный шёлк.
Мы по кругу расселись и, как дети, ждём
Того, Кто слово сказать пришёл.
А внизу прислушалось море спиной,
прозрачное, до камней и рыб, —
море нищих,
кротких,
плачущих,
жаждущих правды,
море милостивых,
латающих, будто сети, мир,
море изгнанных, клятых судом,
море обременённых трудом,
до трещин на коже омытых потом и горем.
Веселья и радости нашей небесной
блаженное море.

КАК ЖЕ МЫ ЛЮБИМ ТЕБЯ...

Как же мы любим Тебя,
когда и бранишь, попрекаешь,
в маловерии уличаешь.

Как же мы любим Тебя,
когда в лодке спишь,
свернувшись калачиком.
Про себя зовём
учителем нашим и мальчиком.

Как же мы любим Тебя —
бородку, власы до плеч,
Твою тихую или гневом
захлёбывающуюся речь.

Как же мы любим внимать ей
на кремнистой тропе вскрай колосьев,
при самаритянском колодце,
где вода Твоя плещет живая.

Как же мы любим Тебя,
примолкшего у морского припая.
Так бы в шёпote волн и жили,
горя не зная.

Как же мы любим Тебя
на пыльном пути к голгофскому пеклу,
где кровка твоя свернулась в серые катушки.

Как же мы любим сиротство своё умирять
в тени Твоей тихой матушки.

ВЛАСТЬ ИМЕЮЩИЙ

Власть имеющий буре сказать: “Укротись!”,
прокажённому повелеть: “Очистись!”,
в этом мире внимают Тебе даль и близь,
но не знают пророка в Его отчизне.
Власть имеющий буквы писать на песке
морском, чтобы волны их целовали,
учеников своих оставил в тоске.
Но узрели вновь. Онемели, возликовали.
Вновь по берегу тихой стопой бредёт
власть имущий и у костра садится,
рыбой печёной кормит оголодавший народ,
окропляет взглядом изнурённые лица.
“Съешь и сам”, — говорим. Пьёт и ест
власть имущий. В очаге задумался пепел.
А из вод галилейских вырастает солнечный крест,
власть имеющий всех спасти,
вспетый.

ДИОНИСИЙ АРЕОПАГИТ

Богат Дионисий Ареопagit.
В собрание афинян не с краю сидит
и любит, как все, насладиться беседой,
уйдя в эмпиреи изысканных мыслей.
Но нынче безмолвствует Дионисий.
Ведут иноземца.
— Чужак, проповедуй!
Не ты ли с востока пожаловал к нам
урон нанести Олимпийцам-богам?
— Какого-то чтить неизвестного бога?
— ...воскресшего якобы?..
— ...басни и срам!..
— Что слушать смутьяна?
Гоните с порога!

Но вдруг
молодой Дионисий,
зевак
афинских оставив
и Ареопag,
за Павлом
уходит в Божественный мрак.

В Афинах богинь и богов в преизбытке —
на каждом дворе и у всякой калитки!
Но Павел узрел Неизвестного Бога.
За ним Дионисий
и правит свой шаг
в Божественный мрак.

Неведомый Бог разминулся с богами.
Невидимый. Неуловимый словами.
Не мраморный, не золотой истукан,
не камень, не воздух, не лёд и не пламень,
не дым, не мерцанье, не сон, не обман,
не звук, не мечта, не галактик туман,
не символ, не след, не подсказка, не знак,
не призрак, не знаменье, не виденье, —
Он то, что уходит от уразуменья,
Он — в славе имён, но при том безымян,
Тверёз, но от преизобилия пьян.
Он — всё, он — везде. Он — ничто и нигде.
Он в круге, в кресте — не в кругах на воде.
Как ни изостряй человеческий зрак,
Он сверхпостижим,
Он — Божественный мрак.

Витии земли, как тщеславьем ни дышат,
ни словом, ни кистью его не опишут.
Божественный мрак — сокровение света,
в котором и солнце всегдашнее это
мелькает, как тень, как времянка-комета,
как зеркальца дрожь среди чрева пещеры.
Зачем ты проник в световечные сферы?
Измерить сиянья, что паче всей меры?
Но коль уж ты здесь, созерцанью учись
и сердце земное молчаньем очисти.

В Божественный мрак восхищён Дионисий,
где ум у головокружительных высей
и далее томим в добровольном плену,
где Троицу хор херувимов прекрасных
поёт, приглашая на праздников праздник...
И ангелы к Божьему Хлебу-Вину
его, испытав, наконец, призывают...
Нет, оком не вызреть, душой не объять
разверзшуюся перед ним благодать.
От радости сердце, как воск, истекает.

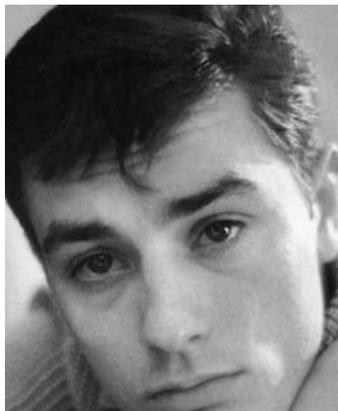
...И он на века, на века умолкает.

РУБЦОВ

О Русь — великий звездочёт!

По осени, в зиму и летом
чистый доносится зов —
жемчужным полнится светом
слово твоё, Рубцов.
Таинствен сей свет и ясен —
из глубины течёт.
Он — дар у Господних яслей —
от русских широт.

АНТОН ГАГАРИН

ПЕРВОЕ СВИДАНИЕ

РАССКАЗ

Сергей приехал на полчаса раньше назначенного времени. Обошел вокруг памятника Пушкину, с волнением вглядываясь в немногочисленных прохожих, хотя понимал, что на первое свидание Таня, скорее всего, опоздает. Так положено девочкам. Алые розы, завернутые в целлофан и обвязанные такой же алой ленточкой, Сергей держал неуклобо, неуверенно. Ему хотелось их спрятать за спину, чтобы никто не видел. Казалось, что прохожие смотрят на него с насмешкой: мол, придурок приперся на свидание, а девчонка не пришла. Кому ты нужен?

Сергей прошел в сквер к фонтану и сел на скамейку. Здесь, возле фонтана, в такую жару обычно бывало многолюдно, но сегодня вся Москва была окутана дымом от горящих торфяников, и почти все скамейки пустовали. Он положил цветы рядом с собой, вытер платком лоб и стал смотреть в сторону выхода из подземного перехода, откуда должна была появиться Таня. Он чувствовал, как сердце быстро и тревожно бьется в его груди. “Здорово было бы, если бы она не пришла!” — мелькнула мысль. Тогда бы он выбросил розы в урну и ушел. Вспомнилось, как долго он выбирал эти розы, крутил в руке, разглядывал, чтоб ни один лепесток не был тронут тленем. Выбирая, представлял, как протянет Тане свой первый букет. Он снова оценивающе взглянул на цветы и подумал: “Как хороши розы! Жалко будет выбрасывать в урну. Может, лучше привезти их своей сестренке и подарить?”

ГАГАРИН Антон Сергеевич родился в 1989 году в поселке Мучкап Тамбовской области. Студент журфака Тамбовского университета. Печатался в областных газетах и журнале “Наша молодежь”. Автор книг “Встретимся в полночь” и “Вторая встреча в полночь”. Живет в Тамбове. В литературном журнале печатается впервые.

В социальной сети “В контакте” девушка, которую он ждал, представлялась как Танька Ковылёва. И волосы ее пахли ковылем. Однажды в автобусе, когда Сергея толпа притиснула к Тани сзади, он почти коснулся носом ее волос и вдохнул их чудесный сладчайший запах. Почувствовал нежное щекотание на своем лице и с замершим сердцем отстранился, опасаясь, что она обернется и взглянет на него. Он надавил на поручень своими сильными руками, оттеснил толпу от Тани, и тотчас же в образовавшийся просвет протиснулась ее подруга, и Сергей повернулся спиной к девушкам, словно готовясь к выходу. В тот день он счастливый ворвался к себе домой, увидел сестренку Катюку за столом, за компьютером, подскочил к ней и поцеловал в затылок. Волосы у нее пахли точно так, как у Тани. Он подумал, что просто запах волос девушки остался с ним навсегда, и стал, смеясь, целовать сестренку в голову, в ее такие же нежные и мягкие волосы.

Катюка тоже засмеялась, закрутила головой, приговаривая:

— Ой, щекотно, щекотно!

Ей было двенадцать лет. Она почему-то больше дружила с ним, старшим братом, которому недавно исполнилось двадцать, чем с младшим — шестнадцатилетним Вовкой.

— Ты чо, влюбился? — повернулась к Сергею Катюка, глядя на него горящими черными глазами.

— Какая ты догадливая! — воскликнул радостно Сергей, и ему снова захотелось поцеловать сестренку в ее вспыхнувшие от радости щеки.

— Она красивая?

— Очень-очень! И волосы у нее пахнут ковылем.

— А как пахнет ковыль?

— Так же, как ты.

— А почему ковылем?

— Потому что она с далекого севера, оттуда, где растет ковыль и гуляют олени. Они с удовольствием вдыхают запах ковыля, а потом едят его. А зимой олени копытами раскапывают снег, вдыхают сладчайший запах и думают, как чудно пахнет ковыль, прямо как волосы Тани Ковылёвой.

— Значит, ее зовут Таня? — засмеялась сестренка.

— Да, да. Это самое чудесное имя в мире.

— А зачем ты врешь? — серьезно спросила Катюка.

— Откуда ты взяла?

— На севере растет не ковыль, а ягель. Это его олени зимой раскапывают и едят. А ковыль растет в южных степях и совсем не пахнет, — назидательно сказала сестренка.

— Какая ты у меня умная! — Сергей не удержался и расцеловал Катюку в обе щеки, представляя, что целует он не сестру, а Таню.

— Она с тобой учится? — продолжала расспрашивать Катюка.

— Нет, она из другого университета.

— Она знает, что ты ее любишь?

— Нет.

— Почему? — удивилась Катюка.

— Откуда ей знать?

— Сам скажи.

— Как же я ей скажу? Подойду и ляпну: “Я тебя люблю!”?

— Ну да.

— А если она ответит: “А я тебя нет”?

— Нет, она так не ответит... Это же ты! Разве можно тебе так сказать? Если мне мальчик скажет, что он меня любит, я ему сразу отвечу, что я его тоже люблю.

— А если он тебе не нравится?

— Ну, тогда... тогда... — растерялась Катюка.

— Ну вот, видишь?

— А ты ей напиши “В контакте”, задружись, а потом скажешь, — указала Катюка на компьютер.

— Это мысль.

— А как ты с ней познакомился?

— Андрей познакомил... — Сергей не стал говорить сестре, что Таня даже не догадывается о его существовании.

— Андрей у тебя хороший друг, — с удовлетворением подтвердила Катька.

— Ну да, — согласился Сергей, со стыдом вспоминая, как Андрей пытался знакомить его с девушками. — Это ты поставила? — строго спросил он, увидев на своем столе маленькую елочку, сплетенную из тонкой медной проволоки с нанизанными на нее маленькими бисеринками зеленого и голубоватого цвета. Елочка стояла в маленьком пластмассовом стаканчике, наполненном застывшим воском.

— Я... Я нашла ее в чулане... Ты раньше ее так любил... — растерянно пробормотала Катька.

Сергей взял елочку и хотел выбросить в мусорное ведро, но вдруг вспомнил Таню и приостановился. Елочку эту сплела и подарила ему на Новый год Кристина, ещё до армии. Да, действительно, он любил держать эту елочку в своих руках, разглядывать, представляя, как тонкие пальцы Кристины нанизывают бисер на проволоку, как плетут веточки, скручивают ствол, закрепляют его в расплавленном воске. Эти видения вызывали томительную нежность в его душе, умиротворение. Он даже хотел взять елочку с собой в армию, но побоялся там ее смять, разрушить. Оставил дома дожидаться его. Елочка его дождалась, а Кристина — нет. Тогда он выбросил ни в чем не повинную елочку в чулан, а теперь хотел выкинуть в мусорное ведро. Но, вспомнив о Тане, так похожей на Кристину, передумал. Почудилось ему, что не Кристина сплела эту елочку, а Таня. Не Кристину теперь будет напоминать она, а Таню. Сергей поставил елочку на свой стол.

Вечером на тренировке в университетском спортзале Сергей был особенно гибок, быстр, легок. Шпага в его руке была неутомима и точна. Тренер обратил на это внимание, и когда Сергей в очередной раз сделал точный укол сопернику, крикнул на весь зал:

— Вот как надо работать!.. Леша, — позвал он самого лучшего фехтовальщика университета Алексея Чекмарева, — поработай с Сергеем. На полном серьезе! — предупредил он обоих студентов. — До пяти уколов. Я судить буду!

Все студенты прекратили тренировку и окружили дорожку, на которой напротив друг друга приготовились к схватке Сергей с Чекмаревым. Редко когда удавалось Сергею на равных сражаться с Алексеем, но сейчас он был уверен в своей победе. Ему казалось, что Таня наблюдает за ними, болеет за него, и он старался не подвести ее. Первый укол он нанес мгновенно, едва шпаги их коснулись друг друга. Алексей откинул шлем и усмехнулся.

— Держись! — сказал он.

Но и второй укол не заставил себя долго ждать. Зато когда сошлись в третий раз, Алексей сражался яростно, словно на кону стояла его честь, и все же он не смог коснуться первым гибкого и быстрого Сергея. Пропустил снова. Проиграл вчистую.

— Что-то ты тяжел сегодня, — недовольно глянул на Алексея тренер.

— Я не тяжел, это он... Что-то с ним сегодня... — огорченно кивнул Алексей в сторону Сергея.

— Работает парень, — ответил тренер и обратился Сергею. — Молодец, Серега! Будешь так стараться, на Универсиаду в Турцию поедешь ты, а не он.

Сергей правильно понял, что тренер говорит так, что поддеть Алексея, заставить его тренироваться активней.

Ночью Сергей не спал, вспоминал то бой с Алексеем, то Таню в автобусе, то день, когда он впервые увидел девушку.

В тот день друг его Андрей хотел познакомить Сергея с Наташей, студенткой из Шолоховского университета, которая составляла какой-то молодежный журнал. Андрею нравились стихи Сергея, и он уговорил его пойти вместе с ним к той студентке, показать стихи. Сергей не хотел идти, стеснялся, говорил Андрею, если уж тот хочет показать его стихи, пускай сам передаст те, что ему нравятся. Но Андрей уперся: "Нет, отдашь сам, заодно познакомишься с Наташкой. Она очень энергичная, заводная девчонка".

Войдя вместе с Андреем в аудиторию университета, где собрались друзья Наташки, Сергей прошел вглубь помещения, стараясь держаться слева от студентов, сел за стол и стал прислушиваться к разговору. Студенты распределяли роли в журнале: кто на какую тему напишет статью в ближайший выпуск. Наташка оказалась маленькой щупленькой девчонкой, действительно шустрой, заводной. Говорила быстро, строго, и в то же время очень точно и четко. Таня Ковылёва сидела позади всех, на другом ряду, сидела молча, видимо, она уже получила задание. Сергей взглянул на нее сбоку, когда она поправила свои длинные прямые волосы, лежащие на плечах, и вздрогнул, похолодел, приняв ее за Кристину, у которой была точно такая густая челка, закрывающая лоб до самых бровей. И волосы у Кристины были приятного темно-каштанового цвета. Сергей стал искоса наблюдать за девушкой, так похожей на Кристину. Сердце у него тревожно ныло. “Хорошо, что сижу слева от девушки, — мелькнуло в голове. — Лицо у нее серьезное, умное. Наверно, отличница!” — Наташка в это мгновение вдруг обратилась к нему, спросила, как его зовут, с какого он курса, почему она его видит впервые и на какую тему он будет писать в журнал? Сергей смутился, замаялся, промямлил, что он из университета культуры, что принес стихи и впервые слышит, что нужно писать какие-то статьи.

— Оставишь мне стихи, посмотрю, — уверенно и властно сказала Наташка и повернулась к другому студенту.

Может быть, и не осталась бы в его памяти Таня Ковылёва, несмотря на то, что она была так похожа на его бывшую девушку, если бы не шутка одного из парней. Не помнится теперь, что это была за шутка, но все ребята засмеялись, и Сергей увидел, как оживилось, преобразилось лицо серьезной девушки с длинными волосами, как вспыхнули, блеснули ее глаза. “Нет, она совсем не похожа на Кристину!” — душу Сергея в этот миг вдруг охватил непонятный восторг, словно с ним случилось что-то необыкновенно хорошее. В тот день Сергей даже имени девушки не узнал. Закончили разговор студенты и разошлись. Стихи он оставил Наташке.

Вечером он лежал в постели, вспоминал энергичную Наташку, разговор в аудитории, а перед глазами всё стояло лицо девушки с челкой в тот миг, когда оно озарилось непонятным внутренним светом. “Нет, она совсем не похожа на Кристину! — повторял и повторял про себя Сергей. — Она очень серьезная! Она не могла бы, как Кристина, назвать его Жареным! Нет, не могла!”

И утром лицо ее не выходило у него из головы. Днем, в университете, он не слушал лекцию, по-прежнему видел перед собой девушку и разговаривал с ней. По дороге из университета домой Сергей, смущаясь, спросил у Андрея:

— Ты всех шолоховцев знаешь, с которыми встречались вчера? Как зовут девчонку... такую... с челкой и длинными волосами?

— Да, симпатичная девчонка, — ответил Андрей. — Но я таких не люблю, слишком серьезная. Мне пока нравятся легкомысленные. А ты бы мог найти с ней общий язык, — уверенно сказал Андрей. — Узнать, как ее зовут?

— Брось. Это я так... — пробормотал Сергей.

— Узнаю, узнаю.

В тот же вечер Андрей позвонил ему и сказал, что зовут ту девушку Таня Ковылёва, она студентка второго курса.

И снова Сергей весь вечер думал о Тане. Запершись в ванной комнате, с тоской разглядывал в зеркале свою уродливую правую половину лица: изрытую глубокими шрамами щеку, скошенный вниз уголок рта, красный, с опущенным вниз веком глаз. Когда он улыбался, зубы справа открывались полностью. Не улыбка, а неприятный оскал. Сергей, зная это, старался улыбаться сомкнутыми губами, никогда не хохотал от души. Поэтому все его считали сдержанным серьезным человеком. “Разве можно полюбить такого человека? — с отчаянием думал он. — Разве может Таня обратить на меня внимание? Не полюбит, нет. Просто пройтись за руку. О, какое это счастье — держать в своей руке руку девушки, чувствовать ее нежно-бархатистую кожу, беззащитные пальцы, ласкать, перебирать их тонко и бережно! И как недостижимо это счастье для него. Урод! Настоящий урод! Только

горба не хватает. Даже у Квазимодо, наверное, лицо было приятней... Жареный! Да-да, жареный, тысячу раз права Кристина, когда порвала с ним сразу после его возвращения из Чечни! Разве можно целовать эту уродливую щеку? Стошнит! Зачем его спасли? Лучше бы он остался дожариваться на броне, пока не сгорел бы совсем!”

Всплыло в памяти, как он, с тревогой вглядываясь в придорожные кусты, покачивался на броне катившего по горной дороге БТРа рядом с шестерыми солдатами из своего отделения, и как из этих кустов затрещали автоматные очереди. Четыре пули мигом прошли его насквозь, и он сразу потерял сознание, распластался на броне. Он не слышал выстрела гранатомета, не чувствовал, как подпрыгнул, взорвался под ним и вспыхнул бронетранспортер. Сергей лежал, прижимался щекой к броне, которую с каждой секундой накалял изнутри огонь. Когда после боя сняли его с брони, правая щека его сгорела до кости. Почти год пролежал он в больнице, несколько пластических операций пережил, но так и остался уродом.

Вспомнилось, как друг его Андрей хотел, чтобы и он, Сергей, наконец переспал с девчонкой. Привел двух легкомысленных доступных. Когда посидели, выпили, насмеялись над шутками говорливого Андрея, тот подхватил свою девчонку на руки и сказал, смеясь:

— Мы в спальню, а вы тут располагайтесь. Мы надолго.

Сергей, оставшись один на один с девчонкой, не знал, как подступиться к ней, что говорить, что делать. Когда он смущенно и ласково прикоснулся к ее руке, проговорив: “Какая у тебя нежная рука!”, девчонка резко отдернула руку, выскочила из-за стола и бросилась в спальню к подруге и Андрею. Сергей слышал, как она быстро и нервно прошептала им:

— Не могу я! Не могу я с этим уродом!

Сергей, услышав это, выбежал из квартиры.

Утром его долго утешал Андрей, говорил, что та девка полная дура, ни одной извилины, обижаться на такую — самому дураком быть.

— Давай проституток снимем? — предложил он.

— У тебя крыша поехала, да? — буркнул в ответ Сергей.

— Чо тут такого? Мы не один раз брали. Там есть такие симпатяшки. Плачу я. Позовем ко мне.

Андрей уговорил его, но вышло еще хуже, чем с теми девицами. В постели у него вдруг начали страшно трястись колени. Просто ходили ходуном. Озноб охватил всего. Девчонка смеялась, спрашивала: “В первый раз? Ничего, сейчас научим”. Но она только коснулась его, как он весь содрогнулся, и все кончилось. А после этого страшно затошнило, чуть не вырвало на постель. Он выбежал в туалет. Потом потихоньку оделся и выскользнул из квартиры, ощущая ужасный позор перед девицей. Теперь и она тоже считает его уродом.

“Урод! Жареный! Кристина права!” — с тоской думал Сергей, разглядывая себя в зеркало.

Ночью он впервые тихо заплакал от отчаяния. К утру смирился. Пусть так, пусть! Разве не счастье просто видеть Таню издалека?

Утром он поехал не в свой университет. Неожиданно спокойно прошел в здание с толпой студентов, спешащих на лекции, узнал, в какой аудитории второй курс, и стал ждать в коридоре у окна, когда будет перерыв, притворяясь, что читает книгу. Когда студенты хлынули в коридор, он, делая независимый и спокойный вид, пошел навстречу студентам, острым взглядом окидывая их исподтишка. И вдруг словно взрыв вспыхнул в его груди. Таня шла навстречу, повернув голову к подруге, которая что-то говорила ей. С трепещущим сердцем и ватными ногами прошел Сергей мимо, держась с левой стороны, чтобы она не увидела его уродливую сторону лица. Счастливым, слетел по лестнице вниз, к выходу из здания. Он видел ее! Она шла мимо, и он чуть не коснулся ее плеча! Сергей долго еще чувствовал легкое движение воздуха, которое шло от нее, когда она легко и быстро проплыла мимо.

Услышав совет сестренки написать Тане письмо в социальной сети, Сергей удивился, почему он не додумался до этого сам. Ведь туда можно

вообще не ставить свою фотографию или поставить какого-нибудь красавца. Нет, лучше ничего не ставить. И он зарегистрировался “В контакте”, но не сразу нашел Танию Ковылеву, она представлялась там, как Танька Ковылёва. Это домашнее — Танька тронуло его нежностью, почему-то появилась надежда, что они могут подружиться, просто подружиться. Он хотел посмотреть на ее фотографии. Но все данные ее были открыты только друзьям. И он предложил ей себя в друзья. Ответ от нее пришел быстро. Таня спрашивала:

— А мы знакомы?

Что ей ответить? Она-то с ним не знакома. Это он знаком с ней. Это его запах ее волос сводит с ума. Но она видела его тогда, у Наташки, когда он приносил стихи; слышала, как он называл свое имя, и Сергей ответил кратко:

— Да.

— Что-то я не припомню, сорри. Не напомните?

Он ответил. Она, конечно, не запомнила его. И они стали переписываться. Было это в последние дни летней сессии. А после экзаменов Таня написала ему, что уезжает в Латвию работать вожатой в лагере.

Как он мучился ночами, представляя, как обнимает ее сейчас на берегу моря под легкий шум набегающих на песок волн какой-нибудь ловелас-красавчик! “Пусть, пусть! — уговаривал он себя. — Ведь такое счастье не для меня. Мне бы хоть изредка видеть ее издали. И это невыразимое счастье! А она пусть будет счастлива так, как хочет, и с кем хочет!

В августе, когда Москва изнывала от жары и была вся окутана дымом лесных пожаров, Таня вернулась в Москву и сама написала ему. Между строк он читал, что она здорово провела время в Латвии, что радость распирает ее, и ей нужно с кем-то поделиться. И Сергей расхрабрился, написал ей: “Ты знаешь, а я на прошлой неделе стал победителем межвузовских соревнований! Я — фехтовальщик. Тренер говорит, что у меня реальный шанс попасть на Универсиаду! Давай встретимся, поедим мороженого в “Макдоналдсе”, и ты расскажешь мне, как тебе работалось в Латвии”.

Таня сразу согласилась встретиться у памятника Пушкину и посидеть в “Макдоналдсе”.

И вот он ждет ее, поглядывает на часы, на Пушкина, который стоит к нему спиной, смотрит на выход из подземного перехода, словно тоже ожидает, когда появится Таня. И появится ли вообще? Часы показали пять, время встречи. Сердце Сергея заколотилось сильнее. “Нет, — думал он. — В пять она не придет. Минут на двадцать опоздает”. И в то же мгновение он увидел Танию. Она легко, стремительно выскочила из перехода к памятнику, огляделась и остановилась спиной к нему, метрах в пяти от памятника. Он встал и быстро пошел к ней, чувствуя, как ноги его слабеют и начинают мелко дрожать.

Сергей подошел к ней сзади, закрыл свое лицо букетом роз и проговорил тихо, дрожащим голосом:

— Таня!

Она обернулась. Он видел сквозь цветы, как лицо ее радостно вспыхнуло, озарилось, точно так, как в аудитории, когда он впервые увидел ее. И точно такой восторг, как тогда, охватил его, он забыл, что улыбаться надо сомкнутыми губами, улыбнулся от души, протягивая ей цветы, и с ужасом увидел, как лицо Тани мгновенно изменилось, словно вместо цветов он протянул ей лягушку. Разочарование и отвращение на миг отразилось в ее глазах, но она быстро взяла себя в руки и улыбнулась уже дежурной улыбкой не ему, а цветам, говоря:

— Какие прекрасные розы!.. Ну что, пошли есть мороженого. — И пошла впереди его. Он шел следом, с тоской и нежностью разглядывал ее полуоткрытую спину, короткие шорты, стройные и загорелые до черноты ноги.

В “Макдоналдсе”, стоя в небольшой очереди (Таня ожидала его за столом), Сергей немного успокоился, принял как должное то впечатление, которое он произвел на Танию.

Подошел к столу с подносом, бодрым видом и с полуулыбкой.

— Ну что, рассказывай, как ты мучила детей в “Альбатросе”! (Так назывался лагерь, где работала Таня.)

— Ой, — наигранно бодро воскликнула Таня. — Три дня можно рассказывать. Столько событий, столько интересного!

Она стала рассказывать, как они с детьми бывали в Юрмале, в Риге, как ездили на экскурсию в Эстонию, в Таллин. Рассказывала Таня с восторгом, глаза ее снова загорелись, и она даже стала изредка отрывать взгляд от мороженого, на миг взглядывать на него. А Сергей любовался ею, стараясь скрыть тоску, охватившую его. Но чем больше Таня говорила, чем чаще взглядывала на него, тем глуше становилась тоска, затеплилась надежда, что пусть не любовь, пусть просто дружба возникнет между ними после этой встречи, и они изредка будут встречаться в кафе, чтобы просто поболтать, как вот сейчас.

И когда Таня стала рассказывать, как любили ее дети, он не удержался, восторженно воскликнул:

— Разве можно тебя не любить! — и невольно коснулся пальцами ее руки.

Таня вздрогнула и быстро отдернула руку, словно к ней поднесли раскаленный утюг, и умоляла на миг. Сергеем вдруг вспомнилась девица, которая так же, как Таня, отдернула руку, когда он прикоснулся к ней, и убежала в спальню к Андрею. Вспомнилось и почудилось, что Таня сейчас тоже назовет его уродом. Он мгновенно сжался, ожидая удара. Но Таня сказала другое, не менее страшное для него:

— Да, да, дети там были чудные! И вожатые... да, вожатые... в общем, я в основном пришла сказать... да, сказать... Я там встретила парня... Он тоже студент... студент из МГУ... Мы, наверно, с ним поженимся... Он ревнивый страшно. Всех друзей “В контакте” повычеркивал. Я и пришла сказать, — улыбнулась она уверенней, не глядя на него, — что больше мы переписываться не будем.

“Нет у нее парня... не было среди вожатых студента МГУ... обманывать еще не умеет...” — глядел на нее Сергей. Ему стало больно до тошноты.

— Я сейчас, — выдавил он глухо и заторопился в сторону туалета, прошел мимо него и выскочил из здания.

По подземному переходу пересек Тверскую улицу и двинулся по Малой Дмитровке в сторону Садового кольца. Он не думал, куда и зачем идет, просто быстро шел, ощущая в ушах шум и непонятно чей истошный тонкий крик: А-а-а! А-а-а! И он тоже постанывал в такт крику: А-а-а!

Редкие прохожие в дымной Москве оглядывались на него с удивлением. Вдали, там, где кончалась улица, за Садовым кольцом сквозь плотный дым виднелась какая-то непонятная зловещая темная громадина. Она словно нависала над городом, словно какое-то мрачное инопланетное существо. Эта громадина манила его к себе, притягивала. И он шел, торопился к ней, убыстряя шаг. Почти бегом пробежал подземный переход под Садовым кольцом и выскочил по ступеням вверх на Долгоруковскую улицу. Эта зловещая громадина оказалась недостроенным домом. Окон в нем еще не было. Сергей зачем-то направился к нему через полукрытые ворота.

— Эй, ты куда? — крикнул ему сторож из вагончика. — А ну вернись!

Но Сергей не обратил внимания на его слова, влетел в дом и побежал по лестнице вверх, хрустя рассыпанным по бетону песком. Остановился, когда задохнулся от быстрого бега. Отдышавшись немного, вошел в одну из квартир, у которой были только бетонные стены. Вышел на балкон без перил и стал смотреть на проглядывающие сквозь дым крыши домов. Сердце у него разрывалось в груди от боли, тоска, страшная тоска давила душу. В голове шумело. Подгашивало. Дыма здесь, на высоте, было меньше, и было видно мутно-голубоватое небо. И по этому небу летала стая голубей, ослепительно белая на ярком солнце.

“Почему я не родился голубем? — мелькнуло в голове. — Летал бы я беззаботно над Таниной головой, любовался бы ее счастьем со студентом МГУ... когда тот у нее появится... Что меня держит, я и сейчас могу стать голубем, я и сейчас могу летать над ее головой”.

Сергей шагнул к краю балкона и услышал сзади торопливый скрип песка под ногами бегущего по ступеням человека, тяжелое дыхание. Невольно оглянувшись, увидел высокого худого парня в спецовке охранника.

Парень остановился на верхней ступени, провел ладонью по реденьким светлым усам и тяжело выдохнул:

— Фу-у!.. Ну... ты... и бегаешь... — произнес он, задыхаясь от бега, но как-то добродушно, словно близко знакомому приятелю, достал из нагрудного кармана спецовки пачку сигарет и спросил тем же тоном: — Огонек есть?

Сергей покачал головой, растерянно глядя на охранника, который спокойно направился к нему, неловко вытаскивая сигарету из пачки.

— Бери, — протянул парень сигарету Сергею, говоря: — Зажигалка у меня что-то барахлит.

— Я не курю, — хрипло сказал Сергей, но сигарету взял.

Парень достал зажигалку и чиркнул. Огонек появился сразу.

— Опа! — удивленно и радостно воскликнул парень. — Заработала! — И протянул огонек Сергею.

Тот послушно прикурил. Парень затаился сигаретой, шумно выдохнул дым и спросил:

— В Чечне был?

Сергей закашлялся от непривычного дыма и закивал головой.

— Я тоже... Зовут тебя как?

— Се... рега, — прокашлял Сергей.

— А меня Николай... У меня портвешок есть... Пошли, Серега, пойдим. — Парень, прихрамывая, уверенно направился к лестнице.

Сергей послушно двинулся следом, почему-то чувствуя в душе расположение и доверие к парню. Николай на лестнице стал хромать сильнее, видно, у него болела нога. “Он ведь догадался, что я хотел сделать!” — промелькнуло в голове Сергея. Ему стало нестерпимо стыдно перед парнем и горько за свое малодушие.

В вагончике Николая было чисто, уютно, открытое оконце наполовину завешено белой занавеской так, чтоб были видны ворота. За столом сидела худенькая девушка в джинсовых шортах и белой маечке. Конопатое узкое лицо ее было приветливо и миловидно. Короткие рыжеватые вьющиеся волосы чуть-чуть прикрывали щеки. На столе перед девушкой стояла открытая бутылка вина, на тарелке — куски хлеба, колбасы и сыра. Видимо, она хозяйничала в вагончике.

— Настя, — представил девушку Николай. — Друг мой детства... Садись к столу! — указал он Сергею на табуретку.

Сергей назвал себя девушке и смущенно улыбнулся сомкнутыми губами. А она по-мужски протянула ему руку для пожатия и широко улыбнулась, показывая ровные зубы, и легонько тряхнула волнистыми волосами. Рука у нее была горячая, хрупкая и необыкновенно нежная.

— Он тоже в Чечне был, — сказал Николай и стал разливать алое вино в стаканчики.

Вино, которое Сергей раньше пил редко и понемногу, подействовало на него сразу. На душе потеплело. Тяжесть и тоска быстро рассасывались. После второго стаканчика ему стало казаться, что с Николаем и Настей он знаком всю жизнь. Да и они вели себя с ним так, словно он был их давним приятелем. Настя смотрела на него с улыбкой, словно не замечала его изуродованного лица. Это Сергей отметил сразу. А после третьего стаканчика он совсем забыл о своем уродстве, стал шутить, смеяться, с нежностью поглядывать на Настю. Николай обратил на это внимание и спросил со смешком, поглаживая худыми пальцами свои редкие усы:

— Нравится Настя?

Сергей смущенно улыбнулся. Неожиданно прямой вопрос Николая напомнил о сожженной щеке.

— Мне тоже нравится, — продолжил шутливо Николай. — Жениться хочу на ней... Не идет...

— Женилку надо было в Чечне беречь, — со смешком подхватила его тон Настя, снова мило встряхивая волосами. — Ему проще, — кивнула она

в сторону Сергея. — Подправят лицо, сейчас это не проблема, и жених готов. А с тобой что делать?

Сергея поразили слова девушки о Николае. Он с тяжким холодком в душе понял, что произошло с парнем в Чечне, и подумал, что слова девушки обидят того. Но парень ничуть не смутился, не сменил шутливый тон. Видимо, они часто иронизировали над его бедой.

— Как что делать? — сказал Николай. — Немцы, я слышал, научились маргтышкины пересаживать. Деньги подкоплю, съезжу, таким орлом вернусь. Пойдешь тогда?

— Ну да, — залилась смехом Настя. — Обезьяном ты вернешься, а не орлом. Хочешь, чтоб я тебе маргтышат наражала.

Когда девушка смеялась, Сергею казалось лицо ее необыкновенно приятательным и родным.

— А чем плохо? — продолжал шутить Николай. — Новую породу людей выведем... — Он поднял пустую бутылку над столом. — Э-эх, закончилось...

— Я сбегаяю, — с готовностью вскочил Сергей. Ему страстно хотелось сделать что-нибудь хорошее для новых друзей. — Тут магазин через дорогу...

— Деньги есть?

— Есть, есть...

— А то я, ты слышал... на Германию коплю, — снова пошутил Николай.

— Снайпер? — приостановился в двери вагончика, оглянулся Сергей. — Белые колготки?

— Вот чего я не успел разглядеть, так это колготки. Может, синие? Как теперь узнаешь...

Сергей засмеялся и с легким сердцем выскочил из вагончика. Он давно не чувствовал себя так легко и свободно.

ВЛАДИМИР КОРОБОВ

ДУШИ РАНИМЫЕ ПРОЗРЕНЬЯ...

СОН

Памяти мамы и брата

Чайная Горка. Черешни в цвету.
Март расстилает туман по оврагам.
Переступив незаметно черту,
В детство войду нерешительным шагом.

Странно бродить в этом сумрачном сне
По сорнякам босиком в огороде.
В хрупкой, сырой и далёкой весне
Вновь оказался я, Господи, вроде.

Мать улыбается, смотрит в окно.
В дверь постучу — встанет брат на пороге.
Прошлое крутится, словно кино,
Где все герои сопьются в итоге...

Как мне спасти их, вернувшись назад?
Правду от них я старательно прячу.
Только войдя в наш черешневый сад,
Не удержусь вдруг и горько заплачу.

КОРОБОВ Владимир Борисович родился в 1953 году в г. Тобольске. Долгие годы жил в Крыму, работал садовником, экскурсоводом, научным сотрудником Дома-музея А.П. Чехова в Ялте. Окончил Литературный институт им. А.М. Горького (семинар Анатолия Жигулина) и аспирантуру при Литературном институте. Секретарь Правления Союза российских писателей. Лауреат Всероссийской премии имени Иннокентия Анненского. Живет в Москве.

* * *

Голубь, зазевавшийся у трассы,
Быстро угодил под колесо.
Из обыкновенной серой массы
Именно ему не повезло.

Птицу подобрав с проезжей части,
Я под пыльным деревцем зарыл.
В наше время это ли несчастье?
Пара окровавленная крыл.

* * *

Дерево к ночи — подобье гнезда,
Тихий приют, примиривший собою
Птиц, утомившихся в небе, когда
Сердце пресытится вдруг высотой.
Те, что устали, найдут на Земле
Отдых и кров. Значит, время гнездиться.
Пусть в обессиленном ветром крыле
Жажда по небу до срока таятся.
Горлицы спят...

И хранит темнота
Хрупкий союз, что задумали двое.
О, как целебно мерцает звезда
В час этот поздний над кроной сквозною!

БАБОЧКА

Как будто вырезана, сшита
Перстами лёгкими, она
Спешит присесть на куст самшита,
Благословляя жизнь. Весна!

Господнее благодаренье —
Благоухающий овраг,
И белой бабочки паренье,
Когда она вступает в брак.

Белянка? Бархатница? Кто ты?
Как безупречен твой узор!
Спеши! Заполнит скоро соты
Июль, и пожелтеет бор.

Лишь только лист земли коснётся,
Свой волен замысел стереть
Творец... И значит — остаётся
В небытие перелететь.

В БОЛЬНИЧНОМ САДУ

Н. А.

Больничный сад зарос травой.
Сжигают мусор у оград.
И над опавшею листвою
Кружит последний листопад.

И там, в осеннем запустенье,
За лёгкой дымкой пустоты,

Ребёнок, напрягая зренье,
Следит, как падают листья.

Его глаза сквозь толщу стёкол
Едва улавливают их.
Но, озираясь одиноко,
Он, может, счастлив в этот миг?

Ему так хочется запомнить
До бесконечных мелочей
И сад болезненно огромный,
И листопад, совсем ничей...

Потом, когда больное зренье
Устанет всматриваться в тьму, —
Души ранимые прозренья
Помогут мир открыть ему.

ТРОЕКУРОВСКОЕ КЛАДБИЩЕ

Памяти Анатолия Жигулина

Вот и пришли мы к вам в гости.
Тихо и пусто окрест.
Словно на сельском погосте:
Капли росы на берёсте
И покосившийся крест.

Здесь, у последнего края,
В пышном убранстве могил,
Ваша — не в камне, простая,
Встала, берёзкой сверкая,
Видеть её нету сил.

Бабочки лишь да стрекозы
К сорной прибились траве —
Радости краткие слёзы,
Сны или метаморфозы
В каменной сердцем Москве.

Комья разохшейся глины,
Горестный путь ваш земной,
Веточка чёрной калины —
Всё это станет отныне
Болью и нашей виной.

* * *

Огонь и воду мы прошли,
Но трубы медные молчали,
И только в небе журавли
О чём-то жалобно кричали.

Молчали рощи и луга,
И ты, любимая, молчала,
Моря сменяли берега
И повторялось всё сначала —

Зачем? Об этом знает Бог,
Что жнёт и сеет нас, как травы,
И властно манит за порог,
Где нет ни родины, ни славы...

СЕРГЕЙ КУНЯЕВ

“ТЫ, ЖГУЧИЙ ОТПРЫСК АВВАКУМА...”

Глава 24. Прощание с Вытегрой

“Гагарью судьбину”, записанную Архиповым, Клюев правил в начале 1922 года. Первый полный сказ о своей жизни, частично перекликающийся со сказом, написанном ещё в 1919-м, свое “житие” Николай почёл возможным рассказать под запись и проверить после того, как отвергла его народная власть... Уже в конце 1921 года в местной прессе пошли ядовитые и колкие выпады против него, что у тех “кактусов”, которых, как он писал когда-то Есенину, “избегать... нам с тобой необходимо для здоровья как духовного, так и телесного...” Ни тогда избежать не удалось, ни, тем паче, теперь.

На один из таких выпадов пришлось ответить Коленьке Архипову. Тот свой ответ дал в “Трудовом слове” – так ныне стала называться “Звезда Вытегры”. Истребляли всякий намёк на “религиозность” – и не было никакой случайности в том, что сие переименование свершилось практически сразу после извержения Клюева из рядов ВКП(б).

А Николай Архипов писал, обращаясь к “рецензенту В. В.”:

“Считаю рецензию о концерте в Союзе молодёжи, напечатанную в № 113 газеты, жалкой и непристойной выходкой против поэта Н. А. Клюева, участие которого в наших вытегорских, в сущности, весьма скудных концертах является гордостью и украшением последних.

Нахожу излишним разбирать по существу злостные выпады против дорогого поэта, светлая личность которого достаточно известна всей образованной России”.

...Клюев ещё продолжал выступать в “весьма скудных концертах” и на творческих вечерах. На концерте в пользу голодающих Поволжья в городском театре он выступил с чтением своей не известной ныне сказки, где говорил, если судить по заметке анонимного рецензента, “что крест страданий народных можно нести только миром”...

“Крест страданий народных...” Речь тут не только о страшном голоде, поразившем Поволжье, о котором печатались леденящие кровь сообщения в каждом номере газеты. Рядом с сообщениями из восставшего и осаждённого Кронштадта, с извещением о том, как “повсеместно на конференциях

Продолжение. Начало в № 1–11 за 2009 год, № 1–3, 6, 7, 9, 10 за 2010 год, № 1, 3, 5, 6 за 2011 год.

и съездах крестьяне одобряют замену развёрстки продналогом” читались, словно не типографской краской, а засохшей кровью напечатанные восклицания: “На помощь крестьянству!” И рядом – “Камень вместо хлеба”, о Европе, не желающей помочь... И – далее: “Помогите! От имени крестьян деревни Ольховой Чувашской области.

Дорогие товарищи, хлеб наш уничтожен засухой, трава сожжена. Вместо хлеба едим траву, листья деревьев и огородные овощи. Придёт зима, и не будет даже зелени. От чрезмерного употребления в пищу зелени очень многие пухнут и после долгих мучений отправляются в могилу.

Не дайте умереть бедным детям! Ваша помощь не забудется веками. И мы при малейшем вашем несчастье откликнемся дружно и общими силами преодолеем бедствие”.

Через месяц в газете – извещение о роспуске комитета помощи голодающим при ВЦИК. И рядом рецензия Ключева на спектакль по пьесе Г. Хейерманса “Всех скорбящих” за подписью “Неграмотный”.

“Всех скорбящих” – пьеса, нужная в наши злые дни, она полна чистых слов и прекрасных устремлений”.

Через неделю – новый вопль со страницы “Трудового слова”: “Сдавайте продналог! Спасайте от мук голода своих братьев!”

Тут же – снова Ключев. Заметка без подписи, посвящённая юбилею актёра Н. В. Извольского и заметка “Концерт в Пролетклубе”.

“Будьте здоровы, искренне почитаемый Н. В.! Капля вашей крови горит багряным рубином в сокровищнице русского искусства, сугубо страстного и святого в наши крестные, но и прекрасные дни”.

“Свежие люди, люди из гущи обыденности, всей душой рвущиеся к свету, к красоте. Неловкое положение, неумелая, робкая речь, но за всем этим бьющая буйным ключом молодость – вот это новый, оригинальный концерт. Была прекрасная музыка, ослепительный танец юного Ивана Черняева, в каждом движении которого столько пока неосознанного вкуса, силы и влюблённости. Мы искренне любовались этой неожиданной пламенной Турцией, силой несомненного таланта, перенесённой в нашу серую, дождливую Вытегру. Работайте, товарищи, не унывайте. Пострадайте за искусство, и оно сторицей воздаст вам!”

Кажется, что Ключев, также анонимно публикующий на страницах “Трудового слова” фельетоны о всяческих вытегорских безобразиях вроде ликвидации Олонецкого губернского отдела народного образования или махинаций с мукой, куда подмешивают “хорошую порцию дресвы”, или маслом, что “при выдаче служащим оборотилось в чёртовы потроха”, цепляется из последних сил за то, что может порадовать глаз и согреть душу... Но даже под театральными рецензиями не ставит свою фамилию – дабы не дразнить гусей. Он уже местному начальству – не товарищ. И дурные предчувствия – не оставляют.

* * *

Ещё в июле 1921 года был образован при ВЦИК комитет помощи голодающим под председательством Калинина.

Через 10 дней образуется ещё один комитет помощи голодающим под председательством патриарха Тихона.

14 августа комитет под председательством патриарха был распущен. А через две недели был распущен и комитет, возглавлявшийся Прокоповичем. Кусковой и Кишкиным – старыми социалистами – по обвинению в контрреволюционной деятельности.

2 января 1922 года Лев Троцкий разрабатывает план изъятия церковных ценностей со следующим “железным аргументом”: “...Лучше выручить в этом году 50 млн руб., чем надеяться получить 75 млн на следующий год, ибо на следующий год может произойти мировая пролетарская революция... и тогда денег нигде уже не будет”. Ещё в июне прошлого года на III заседании Коминтерна он же заявлял: “Мы только сейчас видим и чувствуем, что не стоим непосредственно близко к конечной цели, к завоеванию власти в мировом масштабе, мировой революции...” Теперь же цель, кажется, близка. На дворе – новая экономическая политика, та, что “всерьёз и надолго”. Всерьёз и надолго она требует денег. Больших денег. Необходим стартовый капитал

для частного предпринимательства. На международной арене нужно убедить всех в экономической состоятельности новой власти. И это – главная цель.

Клинический прогноз Троцкого станет своего рода дополнительным импульсом для поспешного насильственного ограбления Русской Православной церкви. По сути, это была кульминация религиозной войны, уже четвёртый год бушевавшей на просторах России, войны, сопровождавшейся мощной идеологической кампанией.

Голод в Поволжье, как мнилось, был идеальным поводом для её победоносного завершения.

10 января 1922 года в “Петроградской правде” появилась статья под понижающим заголовком: “Мертвецы зашевелились”. В той атмосфере эту фразу можно было бы воспринять как жуткую фантазмагорию и связать её с новыми картинами чудовищного голода, о котором уже не просто сообщали, нет – его расписывали в самых жутких тонах и красках, как будто реальных ужасов было мало.

Но не об умерших от голода повествовал автор. Совсем о других, “мертвецах”.

“Если кто и виноват в голоде и разрухе России, то это церковно-монархический блок, который в течение веков “опекался” над трудящимися России, принуждая их к смирению, терпению и молитве, и ничего не делал, чтобы улучшить обработку земли и повышать производительность труда в промышленности”.

Это была, что называется, “первая ласточка”. Далее – словно налёт хищной стаи. “Хлеб из золота” – пишет следующий анонимный автор 9 февраля. За хлеб, который можно купить на Западе, нужно платить. Чем? Золотом. Где его взять?

А вот где: “Житейская правда оскорблена. Никола Угодник, Иоанн Воин, Фёдор Стратилат купаются в золоте и роскоши, а Николаи, Иваны, Фёдорыдохнут, как мухи”.

Следующий день. Та же газета. “Золото для спасения голодающих есть: оно – в православных храмах”. И далее – подробное перечисление на вес этого самого золота – в фунтах и пудах.

16 февраля ВЦИК принимает Постановление об изъятии церковных ценностей для помощи голодающим. А через 2 дня будущий обновленческий священник Александр Введенский выступает с обращением под заголовком “Церковь и голод”. И это не плач по умирающим с голоду. Это хорошо отработанная истерика наёмного провокатора.

“С Поволжья приходят кошмарные вести. Жуть охватывает душу: в безумии голода матери убивают детей и пожирают трупы...”

Плачет сердце слезами кровавыми...

Плачет сердце над ними, далёкими, умирающими, забытыми. Кем забытыми? Христианским миром...

Я, христианский священник, бросаю это обвинение всему христианскому миру!”

В тот же день ВЦИК принимает постановление об изъятии церковных ценностей для помощи голодающим.

Далее – события ускоряют свой бег и, кажется, уже никакая фантазмагория не выдержит сравнения с будничной реальностью. Спустивший с постаментов своего коня и путивший его в галоп по петроградским улицам Пётр I уже никого не удивил бы в те дни. Самая страшная сказка становилась былью.

22 февраля Ленин подписывает секретную директиву о конфискации церковных ценностей и репрессиях против духовенства.

Через 3 дня публикуется декрет об изъятии церковного имущества.

1 марта. Ленин на Всероссийском съезде металлистов призывает учиться торговать и вещать о необходимости “мозги сделать более гибкими и скинуть всякую коммунистическую, вернее, русскую обломовщину...” Оговорка более чем симптоматична. Многие слушатели могли сделать однозначный вывод, что борьба против обломовщины неотделима от борьбы против “русскости”, а что касается коммунизма, то не так уж и много в нём русского начала...

5 марта датируется письмо митрополита Петроградского Вениамина, ксати, олончанина, земляка Клюева. Митрополит писал:

“Вся Русская Православная Церковь по призыву и благословию своего отца, Святейшего патриарха, ещё в августе месяце 1921 года со всем усерди-

ем и готовностью отозвалась на дело помощи голодающим. Начатая в то же время и в Петроградской Церкви работа духовенства и мирян на помощь голодающим была, однако, прервана в самом же начале распоряжением советской власти.

В настоящее время правительством вновь предоставляется Церкви право начать работу в помощь голодающим. Не медля ни одного дня, я, как только появилась возможность работы на голодающих, восстановил деятельность Церковного комитета помощи голодающим деньгами, вещами и продовольствием. Святейший патриарх, кроме того, благословил духовенству и приходским советам с согласия общин верующих принести в жертву голодающим драгоценные церковные вещи, не имеющие служебного употребления.

Однако недавно опубликованный в “Московских известиях” (от 23 февраля) Декрет об изъятии на помощь голодающим церковных ценностей, по-видимому, свидетельствует о том, что приносимые Церковью жертвы признаются недостаточными.

Остановливаясь вниманием на таком предположении, я, как Архипастырь, почитаю священным долгом заявить, что Церковь Православная, следуя заветам Христа Спасителя и примеру великих Святителей, в годину бедствий для спасения от смерти погибающих всегда являла собой образ высокой христианской морали, жертвуя всё своё церковное достояние вплоть до священных сосудов.

Но, отдавая на спасение голодающим самые священные и дорогие для себя, по их достоинству, а не материальному значению, сокровища, Церковь должна иметь уверенность:

- 1) Что все другие средства и способы помощи голодающим исчерпаны.
- 2) Что пожертвованные святыни будут употреблены исключительно на помощь голодающим.
- 3) Что на пожертвование их будет дано благословение и разрешение высшей Церковной власти. . .”

Что могло вызвать чтение этого послания в душах исполнителей директивы о конфискации церковных ценностей, многие из которых воспитывались в “знании”, что Христос — “мамзер” (“незаконнорожденный”), иконы — нечисть, а мощи — мусор?

Только лишь ещё большую жажду разорения храма и убийства тех, кто станет у них на пути.

13 марта патриарх Тихон разъяснил в Послании “Ко всем верным чадам Российской Православной Церкви”, что изъятие не должно касаться священных сосудов и других предметов для богослужебного употребления. Это и в самом деле было для власти покушением на сами основы безбожия, что “свиной хребет о звёзды утренние чешет”, как напишет Клюев 10 лет спустя. Это было воспринято, как новый сигнал к продолжению гражданской войны уже и с тем населением, которое полностью было на стороне большевиков и не отделяло заповедей Революции от заповедей Христа.

И через 2 дня. . .

В Шуе Иваново-Вознесенской губернии была остановлена верующими уездная комиссия по изъятию ценностей. Был вызван отряд красноармейцев, которому противустали мужики с вилами и кольями. Всё закончилось пулемётным расстрелом прихожан и ограблением храма.

Политбюро было ошарашено. Уже три года продолжались убийства священнослужителей, и это считалось в порядке вещей. А здесь огонь пришлось открыть не по “толстопузому попу” и не по “белогвардейцу”. Кажется, чем можно было пронять новую власть? По стране бушевали крестьянские восстания и подавлялись, и снова разгорались с высшей степенью озверения и с одной, и с другой стороны. . . Ко всему можно было бы привыкнуть.

Можно было бы. . . Да при всём том — не привыкалось. Герои “красного террора”, солдатики, стрелявшие в своих же земляков, в неостановимом революционном порыве мечтавшие дойти “хоть до Перу, хоть до Ганга” — долго ещё потом бились в падучей (в прямом и в переносном смысле), продолжали жить с повреждёнными душами и быстро успокаивались, не дожидая своего жизненного срока, либо их у с п о к а и в а л и навсегда где-нибудь в Бутово или в общих могилах при Донском монастыре. . . Так или иначе, Политбюро, не на шутку встревоженное, приняло тогда решение о прекращении дальнейших изъятий церковных ценностей.

Ленин на этом заседании не присутствовал. Узнав о решении, он продиктовал своё знаменитое секретное письмо – инструкцию по уничтожению духовенства.

“Я думаю, что здесь наш противник делает громадную стратегическую ошибку, пытаясь втянуть нас в решительную борьбу тогда, когда она для него особенно безнадёжна и особенно не выгодна. Наоборот, для нас именно данный момент представляет из себя не только исключительно благоприятный, но и вообще единственный момент, когда мы можем 99-ю из 100 шансов на полный успех разбить неприятеля на голову и обеспечить за собой необходимые для нас позиции на много десятилетий. Именно теперь и только теперь, когда в голодных местностях едят людей и на дорогах валяются сотни, если не тысячи трупов, мы можем (и поэтому должны) провести изъятие церковных ценностей с самой бешеной и беспощадной энергией и не останавливаясь перед подавлением какого угодно сопротивления. Именно теперь и только теперь громадное большинство крестьянской массы будет либо за нас, либо, во всяком случае, будет не в состоянии поддержать сколько-нибудь решительно ту горстку черносотенного духовенства и реакционного городского мещанства, которые могут и хотят испытать политику насильственного сопротивления советскому декрету”.

И далее – формулируется главная цель: ради чего должна быть произведена эта “операция”. Ни слова в этом письме не сказано о собирании средств ради помощи голодающим. Речь совершенно о другом.

“Нам во что бы то ни стало необходимо провести изъятие церковных ценностей самым решительным и самым быстрым образом, чем мы можем обеспечить себе фонд в несколько сотен миллионов золотых рублей (надо вспомнить гигантские богатства некоторых монастырей и лавр). Без этого фонда никакая государственная работа вообще, никакое хозяйственное строительство в частности и никакое отстаивание своей позиции в Генуе в особенности совершенно немыслимы. Взять в свои руки фонд в несколько сотен миллионов золотых рублей (а может быть, в несколько миллиардов) мы должны во что бы то ни стало... Никакой иной момент, кроме отчаянного голода, не даст нам такого настроения широких крестьянских масс, который бы либо обеспечивал нам сочувствие этих масс, либо, по крайней мере, обеспечил нам нейтрализацию этих масс в том смысле, что победа в борьбе с изъятием ценностей останется безусловно и полностью на нашей стороне...”

И далее – разъяснение средств к кратчайшему достижению цели:

“Официально выступить с какими-то ни было мероприятиями должен только тов. Калинин, – и никогда и ни в каком случае не должен выступать в печати, ни иным образом перед публикой тов. Троцкий.

Посланная уже от имени Политбюро телеграмма о временной приостановке изъятий не должна быть отменена. Она нам выгодна, ибо посетит у противника представление, будто мы колеблемся, будто ему удалось нас запугать (об этой секретной телеграмме, именно потому, что она секретная, противник, конечно, скоро узнает)...

На съезде партии устроить секретное совещание всех или почти всех делегатов по этому вопросу совместно с главными работниками ГПУ, НКЮ и Ревтрибунала. На этом совещании провести секретное решение съезда о том, что изъятие ценностей, в особенности самых богатых лавр, монастырей и церквей, должно быть проведено с беспощадной решительностью, безусловно ни перед чем не останавливаясь и в самый кратчайший срок. Чем большее число представителей реакционного духовенства и реакционной буржуазии удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше. Надо именно теперь проучить эту публику так, чтобы на несколько десятков лет ни о каком сопротивлении они не смели и думать...”

Нет, что ни говори, человек этот был гениальный. В любой проигрышной ситуации – будь то решение о вооружённом восстании, заключении Брестского мира или войны с религией он находил единственно верное для себя решение. И здесь, как и в случае с вооружённым восстанием: “Сегодня рано, а завтра – поздно”. И здесь, как и с Брестским миром – против Политбюро, – и полная победа над большинством. Формулировки безукоризненны с точки зрения поистине дьявольской логики, средства достижения цели обозначены с предельной чёткостью. А главное – абсолютно точное понимание ситуации и абсолютная решимость в главном вопросе: “Цель оправдывает средства”.

И чрезвычайно интересный нюанс. “Секретная телеграмма” должна стать известной “именно потому, что она секретная”. А это секретное письмо так и осталось секретным. И не помогло никакое выдвижение Калинина на первый план вместо Троцкого, который уже достаточно “засветился”...

А Ленин – так и остался спасителем в глазах миллионных масс. Он им и был в годы гражданской войны. Но на лик спасителя не должно было лечь ни одного тёмного пятна. Все телеграммы и письма с требованиями расстрелов спокойно публиковались в издававшихся и переиздававшихся собраниях сочинений. Но это письмо было спрятано за семью замками.

И ещё кажется, что в этом письме, помимо всего прочего, содержится едва ли не прямой ответ на послание митрополита Вениамина. Во всяком случае, эти два документа словно нарочно ложатся рядом для обозначения жесточайшего бытийного и человеческого контраста.

Теперь расстреливать священнослужителей стали уже не в порядке ожесточённого своеволия против православия, а на основании ленинского письма. И это деяние, кто бы что бы ни думал, не прошло для вождя без последствий.

В том же марте один припадок начинает сменять другой. 25 мая новый приступ (склероз сосудов мозга) привёл к частичной потере речи.

Он ещё успеет, оправляясь от болезни, санкционировать высылку из России двухсот враждебно настроенных против власти интеллигентов (как бы в контраст с расстреливаемыми митрополитами, архимандритами, настоятелями, духовными профессорами, которым никакая высылка не “грозила”). Он ещё успеет отвергнуть сталинский план “автономизации” и обосновать идею создания Союза Советских Социалистических Республик, и это приведёт почти через 70 лет к развалу государства. Он ещё успеет поучаствовать на расстоянии в противостоянии Сталина и Орджоникидзе с одной стороны и грузинских национал-шовинистов с другой, причём обвинит Сталина в великорусском национализме. Он ещё успеет продиктовать серию статей, где предлагал расширить состав ЦК за счёт рабочих и крестьян – что не было выполнено, и текст так называемого “завещания” был препарирован и искажён до такой степени, что историки потом не смогут определить – что здесь от Ленина, а что от его так называемых “преемников”.

* * *

Всё это нарастающей волной дошло до “глухой” Вытегры, которая, якобы, “не слышала урагана”...

Мотив голода в стране и мотив конфискации церковных ценностей сливались в один.

“Трудовое слово” от 22 апреля 1922 года:

“ЦЕННОСТИ – ГОЛОДАЮЩИМ!”

В Уральске скопилось 8000 голодающих детей. Приток бесприютных детей в Уфе ежедневно до 200 человек. В Немкоммуне на Волге насчитывается 26000 детей, не получающих никакого питания. Трупы умерших от голода лежат недели...

В деревнях находят мёртвых матерей, крепко держащих в своих объятьях ещё живых детей. Нансен заявил, что мародёрство и трупоедство принимают массовый характер...

Здесь уже не говорят. Уже не стонут. Тишина кладбища. Жуть одной общей братской могилы. И эти страшные, открытые глаза мертвецов, застывшие с немым укором...

В хлебе спасение Поволжья. В хлебе – победа.

Церковь полна серебром и многими ценностями.

Тот, кого называют своим учителем и богом, велел голодного накормить, нищему отдать последнюю рубашку; он не сказал, что сокровища всего мира не стоят души одного умершего человека; а тех, которые строят гробницы пророкам и памятники, очищают внешность чаши и блюда, между тем как оставили главное в законе – милость, и внутри полны хищения и неправды, он назвал – повапленными гробами”.

И тут же – воззвание петроградских священников о помощи голодающим. Имена этих пастырей уже были хорошо известны: обновленцы Введенский, Красницкий и их соратники.

У Клюева была возможность вспомнить, как ещё перед революцией в “Ежемесячном журнале” у Миролюбова появилась заметка Яна Демиховича о Введенском, который тогда неустанно боролся с сектантами. М. Муратов разнёс вдребезги книжку Введенского “Сектанты о сектантах”, изданную в Одессе, а Демихович писал:

“Я посоветовал бы Вам, почтенный пастырь, вместо того, чтобы изыскивать средства для изобличения сектантов, приложить Ваше пастырское старание к очищению церкви Христовой от всего того, что служит причиной отпадения от церкви чад ея”.

Вот Введенский и приложил, наконец, “пастырское старание”.

И это старание не осталось бесплодным. “Я счастлив быть пастырем храма Св. Тихона Амафутского (Арбатская площадь), прихожане которого так горячо откликнулись на мой призыв **снять ризы и лампы и отдать их вместе с лишними сосудами для спасения гибнущих сестёр и братьев, пока ещё не поздно.**

Священник И. Борисов”.

Это – всё в том же “Трудовом слове”.

Тут же сообщение о клюевской сказке, где “крест страданий народных можно нести только миром”. Крест голода. Крест помощи. И – крест поругания веры.

Бог поругаем не бывает. Но надругательства над храмами, святыми мощами и рабами Божьими – тоже нести остаётся только миром. Всем миром.

Он и сам писал о “патриаршей анафеме”, полетевшей “на голову воскресшего Христа-народа”, сам клял её, “обезьязыченную церковь”, “гной и оподление риз Христовых”... Жаждал сошествия распятого народа-Христа с креста, а дождался поругания всего святого.

Что ж он – с обновленцами?

Присматривался к ним внимательно. Пытался понять их жажду. Не чуял и не знал, что “живцы” (как их презрительно называли) в “случке” с карательными органами и действуют по их указке.

Но чем дальше, тем больше виделось ему наступление нового никонианства, петровской поступи, разоряющей монастыри и храмы, чуялся вихрь с Запада, убивающий живую красу.

От этого мёртвого дыхания, от этой поступи – новая “мука лютая”. И страшно вспоминать стало о прежнем уповании: “Чует рабоче-крестьянская власть, что красота спасёт мир”. Тут другое впору вспомнить:

*Мы очнёмся в Красном Содоме,
Где из струн и песен шатры,*

*Где русалкою Саломия
За любовь исходит в плясне...
Обезглавленная Россия
Предстаёт, как поэма, мне.*

“Двенадцать снов царя Мамера” вспомнит Клюев в “Песне о великой матери”. Давно известно ему это сказание, списанное с Кирилло-Белозёрского списка, книга, пришедшая из Сербии, а туда пришедшая из Индии через Иран и Византию, повествующая о снах-загадках царя города Ириин Шахаиши и толкованиях раба-философа Мамера на эти сны. Он сам видит вещицы сны, рассказывает их Коленьке Архипову и сам пытается разгадать их смысл, а мрачные пророчества из “Сказания” не отпускают и мнятся сбывшимися. “И рече Мамер: приидет година тя злая иереи всех начнут учить закону, а сами закона не брегоуще ходят... цари будут борзи и восстанут царь на князя, а князь на царя и крамолу сотворят. И друг другу будет враг и мятежно вельми, и пролиется кровь человеческая. И тогда восплачутся мнозице горько; и восстанет господин на раба и раб на господина, а старцы на старца, а сосед на соседа... судьи неправедные начнут судити по мзде, а не по правде: виноватого оправдают, а правого обвинят...”

О чём это он? О том, как церковь – инструмент государства – была на стороне сильного, а не слабого? И за это – страшное возмездие ей ныне? Или о том, как отшатнулись от церкви толпами, слоями, стали искать “истинного Христа”, впадая в ереси и в полное безбожие? И за это – возмездие им всем?

Сам же был против старой власти — и в тюрьме сидел, и под наблюдением полицейским сколько лет ходил... Дождался — вот оно, счастье народное! Сошло с креста русское слово! Чтобы вновь распятым быть, как Христос, явившийся Петру, когда тот уходил из Рима... “Развенчана мать-красота”... Да не сам ли пророчествовал ещё в 1917-м: “Чашу с кровью всемирным причастьем нам испить до конца суждено”?

Тяжкие думы одолевают, вопрошает-вопрошает — и нет ответа.

... Он уехал в Питер в августе 1922 года, повёз с собой для издания “Мать-Субботу” и макет исправленного, подготовленного к переизданию “Львиного хлеба”.

Он прибыл в Петроград 13 августа, в тот самый день, когда был расстрелян митрополит Петроградский и Гдовский Вениамин вместе с архимандритом Сергием (Шейным), Юрием Новицким и Иоанном Ковшаровым после почти двухмесячного судебного процесса.

* * *

Он навестил давних знакомых супругов Гариных, оставил в альбоме записи, адресованные и Сергею Александровичу, и Нине Михайловне. Хозяину дома предназначалось: “От олонецкой пестрядиной зари, от родных рябиновых косоогоров, из избы-матери, песни мои преподношу Сергею Александровичу Гарину в память чистых слов о Свете Неприкосновенном, о неопалимой любви и нетленной России”.

Навестил Иванова-Разумника в бывшем Царском, а ныне — Детском селе на Колпинской улице. В компании созданных гостей читал “Мать-Субботу” и, видимо, столкнулся с такой реакцией, что потом, в другом месте при других людях вспомнил и произнёс: “Все змии собрались”.

Да и Разумник, ещё недавно разливавшийся восторгами по поводу “Четвёртого Рима”, судя по всему, поэму не принял. Во всяком случае, нигде и никогда о ней не упоминал.

А Клюев потом пришёл в Вольную философскую ассоциацию на вечер произведений Блока. Там и познакомился с тем, кто стал его добрым знакомым в течение последующих лет — литературоведом Павлом Медведевым.

Это уже не “змей”. Этот — понимающий, восторженный, слушающий внимательно.

А сам Медведев тогда же записал своё первое впечатление от Клюева:

“... Невысокого росту, довольно крупная голова, широкий овал лица, умный, крутой лоб, “медвежье солнце в зрачках” — солнце и скорбь, волосы — русые, жидкие, в скобку, богомольные руки, здороваются — ладонь ковшиком, ситцевая русская рубашка — синяя с горошком, штаны в голенище, смазные сапоги без скрипа, поверх — зипун и широкополая шляпа. Общий вид — благообразный, благолепный, тихий, скромный, прислушивающийся; в голосе — мягком, приятном, тенорового тембра заметный местный акцент.

Понравился. Говорит изнутри. Внутренним слухом силён. Умён, но, кажется, и хитёр. Есть что-то от начётчиков...

Дважды читал... “Мать-Субботу”. Читает очень своеобразно, совершенно неповторимо и для стиля его музыки — прекрасно. Читая, порою плачет. У него вообще “слёзный дар” Только слушая Кл., чувствуешь всю органичность его поэзии, глубину её. В интимной беседе говорит много, умно, ярко, откровенно”.

А Клюев говорил Медведеву, что любит слова “мягкие, росные, внутренним сцепленьем взятые, внутренним громом рождённые...”. Говорил, что “нужно быть верным Рублёвскому письму”... Рассказывал о деде, который “всю жизнь медведя водил и песни пел”, о матери, что 30 000 гнёзд народных песен знала... Хорошо говорил о поэзии Клычкова и Николая Тихонова. Пастернак, по его мнению, “с ватерпасом в брюхе”. А Князев — вообще дурак.

Поделился и своей нуждой. Кроме устройства книг приехал продавать сервиз с беломорским жемчугом и кресты серебряные, дониконовские.

“От дедов святое — от великого горя взято...”

Недолго пробыл Николай в Петрограде. В день отъезда он пришёл ещё раз в “Вольфилу” на очередной вечер памяти Блока, где Иванов-Разумник читал отрывки из “блоковского дневника” Андрея Белого, пребывавшего в это

время в Берлине. Со смешанным чувством собравшиеся слушали, с неуютом, с тревогой неявленной.

“Соня Каплун мне сейчас рассказала про один разговор её с А. А. Блоком о “Двенадцати”. Она: “В Киеве считают вас в “РКП”? Блок: “Как, неужели меня считают коммунистом?” (Сказал с мрачной горестью). Она: “Нет, я вовсе не вижу в “Двенадцати” никакой партийности и менее всего коммунизма, но я вижу октябрь”. Блок: “Как я рад, что, наконец, это начинают понимать!” Блок до конца остался при “Двенадцати”, но никогда ничего общего не имел с коммунизмом.

Р(азумник) В(асильевич) рассказал мне, что он не любил “Скифов”. После того, как Р(азумник) В(асильевич) провёл параллель между “Скифами” и “О чём шумите вы, народные витии”, – Блок сказал, что он теперь понимает, почему он холоден к “Скифам”: у Пушкина он холодно отмечает “О чём шумите вы” и наоборот – очень любит “Медного всадника”. В его “Дневнике” о “Двенадцати” сказано, что да – там есть капля политики; есть ли эта капля яд, отравляющий “Двенадцать”, или нет, это покажет будущее...”.

Выступали Владимир Гиппиус, Княжнин... “Вчера заседание Вольфилы началось в 3 1/2, кончилось в 8 1/2 ч. в(ечера), – писал Иванов-Разумник Константину Эрбергу. – Было очень хорошо. Публики большой зал – все сидели, не шелохнувшись до самого конца...”

Выступал ли Ключев? Безусловно, он был оповещён и специально приглашён Ивановым-Разумником, и дал согласие, и имя его стояло в афише. Но кроме имени ничего неизвестно ни о его выступлении, ни о том, были ли вообще оглашены им какие-либо воспоминания о Блоке. Едва ли слушая Белого в исполнении Разумника, он дал себе волю делиться какими-либо воспоминаниями, хотя много что мог бы рассказать. Но – перед кем? “Змии все кругом”.

Через Петрозаводск он добрался до родной и становившейся всё более чужой и чуждой ему Вытегры. Наслушался о своей поэзии, о своих новых вещах в это посещение бывшей столицы. Наслушался – и делился теперь заветным с Коленькой Архиповым:

– Разные учёные люди читают мои стихи и сами себе не верят. Эта проклятая порода никогда не примирится с тем, что человек, не прокипячённый в их ретортах, может быть истинным художником. Только тогда, когда он будет в могилке, польются крокодиловы слезы и печати, и общества; а до тех пор доброго слова такому, как я, художнику, ждать нечего. Скорее, наши критики напишут целые книги про какого-нибудь Нельдихена или Адамовича, а написать про меня у них не поднимется рука. Всякому понятно, что всё то, чем они гордятся, самое их потаённое, давно уже проглочено и оставлено позади себя. Сказать про это вслух нашим умникам просто опасно: это, значит, похерить самих себя, остаться пустыми бочками, от которых по мостовой шум и гром, а доброго вина ни капли.

Говорил без злорадства, без раздражения, с тихой печалью, как о чём-то давно понятом про себя самого.

Вспомнил блоковский вечер. И как-то само произнеслось с раскавыченной блоковской строкой:

– Не хочу быть литератором, только слов кощунственным творцом. Избави меня Бог от модной литературщины! То, что я пишу, это не литература, как её понимают обычно.

Белый, некогда близкий и пытливый собеседник, стал теперь совершенно чужим.

– Наша интеллигенция до сих пор совершенно не умела говорить по-русски; и любая баба гораздо сложнее и точнее в языке, чем “Пепел” Андрея Белого”.

...Стол в горнице, простая небогатая трапеза. Они вдвоём сидят под китом, под Спасом донионовского письма, неторопливо вечеряют, душевно беседуют, словно чувствуя, что недолго осталось.

Тогда же и написались стихи другу, печальные стихи, в которых кроме Николая Архипова – его одиннадцатилетний сын Илья. И Ключев обращается к другу:

*Не ласкай своего Ильюшу
Под рябиновый листопад.
Не закликать зяблика-душу
В сырой обглоданный сад.*
.....

*Овдовеет диван семейный
Без стихов, без гостя в углу,
И ресницею златовойной
Не разбудит лампадка мглу.*

*Чёрный ангел станет у двери
С рогатым тяжёлым ковшом,
Чтоб того, кто любви не верил,
Напоить смердящим вином...*

Печаль от кратковременности счастья, от ощущения быстротекущей жизни оборачивается ужасом от пришедшего видения. Ничего не мог в точности знать Клюев наперёд, но как прозрел внутренним взором “чёрного ангела” у двери друга, не верящего любви...

Уже в 1937 году, обороняясь от наветов, в предчувствии ареста Николай Архипов напишет письмо В. Бонч-Бруевичу, оправдываясь в своём знакомстве с Клюевым, который, погибающий в Томске, воспринимался уже буквально как прокажённый. И вот что писал Архипов:

“С поэтом Клюевым я познакомился в 1918 г. в бытность мою в Вытегре (бывш. Олонецкой губернии). Я ещё в университетские годы занимался вопросами искусства и на этой почве, в обстановке уездной глуши, произошло моё сближение с поэтом Клюевым. Писал он в те годы (я полагаю, под моим влиянием) много революционных стихов и гимнов, но позднее, после переезда в Ленинград, когда мы оказались разобщёнными (я работал в Петергофе), он попал под чуждые влияния, и наши отношения вступили в полосу охлаждения и окончательно порвались с переездом Клюева в Москву... Знаю, что позднее он был выслан из Москвы в Сибирь, но за что и где находится в настоящее время — мне неизвестно. Моего знакомства с ним я скрывать не имел основания, и в 1930 г. я давал сведения в Ленинградское отделение НКВД о его творческой работе и окружающей его среде...”

К оперативным материалам на Клюева у нас доступа нет, и что это были за донесения Архипова — неизвестно.

*...Чтоб того, кто в ржанных просонках
Не прозрел Господних чудес,
Укачал в кровавых пелёнках
С головою ослиной бес:*

*“Баю-бай, найдёныш любимый,
Не за твой ли стыд и кураж
Ворота Четвёртого Рима
Затворил белокрылый страж?”*

“Чёрный ангел” скоро навестил и Клюева. В июне 1923 года поэт был арестован в Вытегре. “Дело”, заведённое на него, нам неизвестно, но нетрудно предположить, что оно напрямую связано с изъятием церковных ценностей, тех, которые Николай пытался, по-возможности, спасти из разоряемых церквей... Обвиняли его в воровстве? В утайке золота и серебра от голодающих крестьян? Или обвинение было куда более серьёзным?

Так или иначе, но Клюев был препровождён в Петроград на знаменитую Гороховую улицу, мелькнувшую когда-то у него в “ленинском” цикле в соединении с любимой птицей Максима Горького.

*Чу! Кричит буревестник... К Гороховой, 2
Душегубных пучин докатилась молва.*

Докатилась...

(Продолжение следует)

ВАСИЛИЙ СТРУЖ

Я НЕ УЕДУ...

* * *

Звучат серьёзно наши недра —
Бегут по жилам нефть и газ.
И смотрят из Сибири кедры
Во много миллионов глаз!

Лишь вышли с газом перебои —
Экономический разлад
И политические боли
Коснулись всех. Без газа — ад!

И это поняли случайно
Все сотни миллионов вряд
Жильцов Европы! — что для чая
И дружбы нужен русский брат!

И началась, увы, война.
Вы скажете — ни грамма,
А я уверен — страшен кран! —
И всё, что возле крана!

СТРУЖ Василий Сидорович родился в 1961 году. Трудовая биография начиналась в воспитательно-трудовой колонии. Работал мотористом, автослесарем, дрессировщиком медведей в цирке, артистом театра кукол, руководителем сельского коллективного хозяйства. Автор книги стихов “Косноязычие” (М., 2007).

* * *

И там меня добьёт работа,
Какая русскому — не мёд,
Когда в России беззаботно
Он жив пятидесятый год!

Полезут каверзно болезни
В него, и боли из него.
Прелестней не иметь претензий
К недугам тела своего!

Больная старость, что обычно,
Не лучший провиденья дар.
В полёте — умирают птички!
А эмигрант — в болезнях, стар.

Я не уеду. Здесь мне страшно,
Но там — позорен я себе.
Я лучше сдохну в рукопашной
С российской пашнею, в узде!

* * *

Ну что, крестьянин и рабочий!
Я говорю вам как поэт —
Что нашей партии-то, впрочем,
В России не было и нет!

Опять грядёт принять решение
Большое время — это наш
Не частый шанс в опроверженье
Несправедливости! — Шабаш!

Идёмте снова в коммунисты!
Идеология тех лет
Почти что наша и плечиста,
Хоть принесла немало бед.

* * *

Вот умрёшь, а жил для Родины,
Хоть работы избегал.
И светился наглой родинкой
В массе потных тел, не лгал! —

Оказалось — жил для Родины!
Песни родные творил!
А другие наработали —
Дым вокруг, в аду горим!

* * *

То, что сотворил Ульянов,
Или даже натворил,
Грандиозно! — В большей, явно,
Схватке смертный не парил!

И Наполеон, и Цезарь,
Гитлер — правила войной.
Ленин, хоть в войне был дерзок,
Строил мир! — Конечно, свой...

Ленин крутанул Россию —
Мир поставил кверху дном!
Остальные новой силой
Прежний заполняли трон.

Пусть идея устарела,
Что кухарка — госпожа!
Но идея-то горела
Не в одной груди вождя!

Весь народ, огнём охвачен,
Сердце знаменем пронёс
В будущее — не иначе —
Через войны мир возрос!

* * *

Я жил в огромном государстве.
Я не желаю жить в ином.
Мы были в тридевятом царстве
Народом с ликами икон!

Я жил в огромном государстве.
Тем, кто не жил в нём, не понять:
Какое жалкое гусарство
Его обломки представлять...

Я жил в огромном государстве.
Я не желаю жить в ином.
Мы будем в тридевятом царстве
Народом с ликами икон!

Поздравляем нашего автора Василия Стружа с пятидесятилетием! Желаем здоровья, вдохновения и новых живых, непричёсанных стихотворений!

ЮРИЙ ГОДИН,

доктор экономических наук, профессор, член-корр. РАН

КАК СОХРАНИТЬ ЗДОРОВЬЕ НАЦИИ?

*Здоровье нации, ее будущие успехи
прямо зависят от того, какое природ-
ное наследие мы оставим детям.*

Д. Медведев

*Конечно, приоритет номер один —
это здоровье нации, сохранение.*

В. Путин

Понадобилось двадцать лет, чтобы высшие руководители новой России признали депопуляцию страны самой серьезной угрозой ее выживанию. Об этом впервые было заявлено в Послании Президента России Д. А. Медведева Федеральному Собранию РФ 30 ноября 2010 года и в выступлении Председателя Правительства РФ В. В. Путина на Всероссийском форуме медицинских работников 13 апреля 2011 года. Главные тезисы их обращений к стране выделены в данной статье в качестве эпиграфов. Ее автор как исследователь проблем экономической безопасности России рассматривает причины и следствия необычного феномена нашей тысячелетней цивилизации – вымирания России, в том числе вследствие деградации отечественной системы здравоохранения как на общероссийском, так и местном уровне.

Главная угроза России

Итоги переписи населения Российской Федерации, проведенной в октябре 2010 года, настораживают любого, кому небезразлична судьба нашего Отечества. Сегодня нас насчитывается 142,9 млн человек, тогда как по переписи 2002 года население РФ на начало XXI века составляло 145,2 млн человек. **На протяжении последних двадцати лет Россия ежегодно теряла за счет превышения смертности над рождаемостью от 700 тыс. до 1 млн человек.**

Демографическая статистика зафиксировала, что, начиная с 1991 года, когда в суверенной России стали набирать ход гайдаровские реформы “шоковой терапии”, в стране одновременно произошел переход от естественного прироста населения к его вымиранию. Если за последние 20 лет советского периода (1970–1990 годы) прирост населения составил 17 млн человек, то последующее двадцатилетие (1991–2010 годы) показало его сокращение на

16,4 млн россиян¹. Только за период 2000–2007 гг. естественная убыль населения составила более 6,0 млн (около 860 тыс. чел. в среднем за год). **Несмотря на предпринимаемые властями меры, включая массовое привлечение иммигрантов на постоянное место жительства, только за последние пять лет население России уменьшилось на 500 тыс. человек. По признанию Путина В. В., “это тяжелые цифры”².**

За годы рыночных реформ в России существенно снизилась средняя продолжительность жизни. Если перед развалом СССР средняя продолжительность жизни составляла 69 лет (мужчины – 64 года, женщины – 74 года), то в 2009 году этот показатель равнялся 58,6 года³. Продолжительность жизни в нашей стране ниже, чем в соседних европейских странах, на 8–15 лет. Смертность населения от болезней превышает показатели стран Западной Европы в 4–5 раз, младенческая смертность в 1,2–2 раза выше⁴.

Перспективы развития демографической ситуации в нашей стране не дают ясной картины. Например, по оценке экспертов ООН, к концу XXI века население России может составить от 53 млн до 116 млн человек, а по расчетам Центра демографии и экологии человека Института народнохозяйственного прогнозирования РАН – от 64 до 144 миллионов⁵. Согласно оценкам Доклада Национального совета по разведке США “Проект 2020”, при сохранении нынешней динамики депопуляции России численность ее населения к 2020 году сократится до 130 млн чел., а по более пессимистическим прогнозам – даже больше. Если тенденция низкого уровня рождаемости и продолжительности жизни будет неизменной, к 2050 году население России сократится до 86 млн человек⁶.

Спрашивается, почему мы видим в оценках экспертов такой большой разброс цифр в прогнозируемой численности населения России? Конечно, всем понятны слова Президента РФ Медведева Д. А. в его последнем Послании Федеральному Собранию, что “мы (т. е. власть – Ю. Г.) взяли за демографическую проблему всерьез и надолго”. **Однако совершенно очевидно, что без существенного укрепления здравоохранения, превращения его в действительно современную отрасль охраны здоровья людей, острую проблему “сбережения народа” не решить.**

Демографический кризис, переживаемый нынешней Россией, представляет собой самую серьезную внутреннюю угрозу ее выживанию в современном мире.

Во-первых, **для национальной экономики**, поскольку потенциально сокращает трудовые ресурсы, уменьшает численность экономически активного населения, обостряет дефицит квалифицированных кадров специалистов в ряде отраслей экономики.

Во-вторых, **для ее вооруженных сил и обороноспособности**, так как с каждым годом обостряется проблема набора призывников.

В-третьих, **для национальной идентичности**, поскольку одним из главных способов преодоления демографического кризиса является миграция.

По мнению большинства серьезных экспертов, чтобы преодолеть отрицательную динамику демографических процессов, России требуется новая экономическая стратегия, направленная на преодоление кризисной ситуации в стране в целом и в системе здравоохранения, в частности. Необходим также выбор приоритетов в реализации эффективной социально-демографической политики. Какие же факторы определяют актуальность такого подхода?

Факторы выживания государства

Россия переживает особый период в своей новейшей истории. Его специфика определяется совмещением двух чрезвычайно важных и сложных задач: рыночной трансформацией экономики и интегрированием в мировой хо-

¹ См. Братищев И. М. Бой в литавры, или станет ли “слово” делом? “Экономическая и философская газета”. М.; № 49–50, декабрь 2010.

² Выступление Путина В. В. на Всероссийском форуме медицинских работников 13.04.2011 г.

³ См. Статью Братищева И. М.

⁴ См. Выступление Путина В. В. 13.04.2011 г.

⁵ См. Статью Братищева И. М.

⁶ Карта будущего. Доклад Национального совета по разведке США “Проект 2020”. М., Фонд “Единство во имя России”, 2005.

зайство. Россия реализует линию на внешнеэкономическую открытость своей внутренней экономики, чтобы включиться в систему мирохозяйственных связей в качестве равноправного участника.

Возрастание экономической открытости меняет соотношение внутренних и внешних факторов развития. Если на ранних стадиях интернационализации хозяйственной жизни решающая роль принадлежала внутренним факторам, то, по мере вовлечения национально-хозяйственного комплекса в мировую экономику, внешнее воздействие становится все более важным в выборе экономической стратегии. Это означает, что государство в нынешних условиях вынуждено регулировать хозяйственную жизнь внутри страны с учетом процессов, происходящих в мировом хозяйстве. Следовательно, социально-экономическое развитие, в особенности стран, переживающих переходный период, испытывает усиление влияния внешних факторов. В этом случае государственная экономическая политика концентрируется на приспособлении национального хозяйства к новой системе мирохозяйственных связей, которые сегодня функционируют иначе, чем в прошлом.

Нынешний этап интернационализации хозяйственной жизни именуется в совокупности глобализацией мировой экономики. С горечью приходится констатировать, что серьезного, ответственного отношения к своему будущему в рамках усиливающейся глобализации в России на верхних этапах власти до сих пор не выработано.

Попробуем спрогнозировать, что нас ждет в уже ближайшем будущем, если не будет преодолен пагубный процесс депопуляции.

Как утверждают ученые, в современных условиях глобализации происходит “процесс пересдачи карт Истории”. Какие-то страны и цивилизации ждет взлет, какие-то будут ведущими, а кто-то ведомыми, а кто-то уйдет с исторической арены. Американский политолог и социолог Сэмюэл Хантингтон называет XXI век эпохой столкновения цивилизаций, временем схваток за ресурсы между крупнейшими геополитическими игроками. Именно они будут определять проекты будущего в ходе острой конкуренции и противостояния в экономической, военно-политической, информационной сфере¹.

Россия, втянувшаяся сначала в пагубную горбачевскую перестройку, а затем с 1990-х годов в бесплодные разрушительные реформы, вполне может упустить свой шанс, так как наше государство вот уже двадцать пять лет действует неадекватно вызовам постиндустриальной эпохи. **Исследователи Института прикладной математики им. М. В. Келдыша РАН (ИПМ), занимающиеся в том числе компьютерным моделированием будущего, на основе анализа нынешней ситуации, когда Россия обладает 30% всех мировых природных богатств, а ее доля в глобальном валовом продукте составляет только около 3%, делают нерадужное для нас заключение: “Такая страна не может жить долго”².**

Россия с ее огромными, слабо освоенными пространствами и, к тому же, вымирающим населением оказывается в весьма невыгодном положении, поскольку на юге и востоке она граничит с государствами, имеющими высокую плотность быстро растущего населения. Только в приграничных с югом Дальнего Востока районах Китая проживает свыше 150 млн человек.

К середине XXI века в Казахстане, Центральной Азии, Азербайджане, Афганистане, Ираке, Саудовской Аравии, других странах зоны Персидского залива, Иране, Пакистане и Турции численность населения превысит 1 млрд человек. Концентрация многомиллионных армий безработных в этих странах может существенно изменить геополитическую ситуацию, вызвать мощную миграционную экспансию, на которую Россия вынуждена будет реагировать в соответствии с международными нормами и обязательствами. Для России эти миграционные процессы будут не только ее внутренним делом. Они уже сейчас становятся предметом интереса международного сообщества. **Очевидно, что Россия должна направить миграционные процессы в русло ее собственных национальных интересов. В противном случае Россия вряд ли выживет с “русским лицом” и вообще – сохранится как государство среди цивилизованных стран!**

¹ См. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., Издательство АСТ, 2003.

² Малинецкий Г. Г. Проектирование будущего как неотъемлемый компонент промышленной политики и модернизации России. Выступление на “круглом столе” Комитета по промышленности Государственной Думы РФ 18.05.2010.

Совершенно очевидно, что решение социально-экономических задач, стоящих перед страной, и обеспечение геополитических интересов России в современном мире обуславливают объективную необходимость выработки и проведения такой внутренней социально-экономической политики, которая бы адекватно отвечала внешним и внутренним вызовам современности. Ведь одна из главных причин невозможности позитивно решить крайне обострившуюся демографическую проблему в России вытекает из реализации нынешней экономической модели. Об этом, в частности, говорит “непримиримый противник экстремистских стратегий проведения реформ”, Нобелевский лауреат 2001 года по экономике Дж. Стиглиц, — “таких, как “шоковая терапия”, столь позорно провалившаяся в России”¹.

Российская Федерация терпит чрезмерные социальные издержки – массовое вымирание коренного населения и резкое снижение рождаемости, прежде всего, среди государствообразующего народа, составляющего опорный стержень государственности тысячелетней России. В сложившейся ситуации сохраняющийся и поддерживаемый Правительством РФ низкий уровень цены рабочей силы по сравнению с ценами на большинство товаров и услуг (т. е. по сравнению со стоимостью ее воспроизводства) является самым серьезным тормозом роста производительности труда и расширения внутреннего рынка из-за отсутствия надлежащего платежеспособного спроса у большинства населения России.

Как известно, сторонники экономического ультралиберализма, доминирующие в российской власти вот уже двадцать лет, не обращают внимания на интересы работников наемного труда. Поэтому неслучайно Всемирный банк (МБРР) в своих ежегодных отчетах неоднократно отмечал большое число людей в России, живущих “в бедности и исключительной бедности”. Сейчас их – больше половины населения. Такой деформированной структуры общества, как в России, нет ни в одной развитой стране мира. У нас доля очень бедных людей с доходами ниже прожиточного минимума равна 16%, малоимущих – 50-60%, так называемого среднего класса – 15-20%².

С одной стороны, в Послании Президента Федеральному Собранию было сказано, что “все последствия кризиса уже преодолены... и выполнение наших социальных обязательств останется безусловным”. С другой стороны, как понимать, почему доходы населения России относительно ВВП падают с 22,4% в 2008 году до 16,8% в 2013 году?³ Ответ прост: антисоциальная динамика цифр свидетельствует о дальнейшем понижении уровня цены рабочей силы. Для сравнения, доля заработной платы в ВВП стран Евросоюза составляет в среднем 73%, в США – 73%, в Японии – 75%⁴. В союзной Белоруссии – 56%⁵.

Нищета и бедность населения России усугубляется проблемой чрезмерного социального расслоения, принявшего за годы реформ крайне болезненные формы. Например, в СССР различие в доходах 10% верхних и нижних слоев населения не превышало соотношения 5:1. В новой России средний доход беднейших слоев в 30 раз меньше среднего дохода богатых, а в Москве – в 50 раз (а по некоторым оценкам – даже в 90 раз). Тогда как в странах ЕС этот разрыв составляет 7-10 раз, в США – около 15 раз⁶. В союзной Белоруссии – в 5 раз⁷.

Понятно и совершенно очевидно, что беспрецедентное неравенство в распределении доходов и безучастность государства к судьбам большинства населения оказывают гнетущее воздействие на экономический рост и демографическую ситуацию в стране. По утверждению академика РАН Богомолова О. Т., при годовом росте реальных доходов основной массы населения на 10 процен-

¹ Стиглиц Дж. Глобализация: тревожные тенденции. М., “Мысль”, 2003, с. 8.

² См. подробнее: Сенчагов В. К., Годин Ю. Ф. Бюджет инерционного развития. “ЭКО”, № 11, 2007.

³ См. Федеральный бюджет и Прогноз социально-экономического развития РФ на 2011 г. и на плановый период 2012 и 2013 гг.

⁴ Львов Д. С. Россия: рамки реальности и контуры будущего. М., Институт экономических стратегий. 2007, с. 99.

⁵ По данным Института экономики Национальной Академии наук Беларуси.

⁶ См. Богомолов О. Т. Капитал справедливости. “Литературная газета”, 13-19 апреля 2011.

⁷ См. Доклад Президента А. Г. Лукашенко на четвертом Всебелорусском народном собрании, г. Минск, “Беларусь сегодня”, 7.12.2010.

тов удалось бы преодолеть процесс депопуляции страны¹. Однако для этого требуется, как отмечалось выше, переход на другую экономическую модель, чтобы стимулировать спрос (методами повышения бюджетных расходов, в том числе на поддержку малоимущих граждан) и стимулировать предложение (методами налоговой политики, включая введение прогрессивного налогообложения).

Следует понимать, что сокращение населения страны непосредственно сказывается на состоянии национальной экономики. Ведь прямым следствием усугубления этого фактора социального неблагополучия является стремительное сокращение трудового потенциала. Экономическое развитие России уже в ближайшие годы столкнется с острым дефицитом рабочей силы, поскольку соответствующая демографическому спаду альтернатива, такая как адекватный рост производительности труда, не может набирать силу соответствующими темпами.

Именно главным образом по этой причине не удалось выполнить широко разрекламированный властью «План В. В. Путина по удвоению ВВП к 2010 году». Ведь при сохранении современного уровня занятости производство ВВП в расчете на одного работника должно было удвоиться и составить к 2010 году 9,5 тыс. долл. США, для чего ежегодный темп роста этого показателя должен был быть не менее 9%. Такие темпы роста производительности труда российской экономикой – даже гипотетически – не достижимы. Более того, и у тех стран, которые по тем или иным докризисным характеристикам сходны с Россией, темпы роста производительности труда в конце XX века не превышали 5%. Ежегодный рост производительности труда в экономике России на такую величину (5%) мог обеспечить прирост ВВП к 2010 году только на 40%. В этом случае численность занятых должна была быть увеличена на 60% и составить 103,5 млн человек. По оценке Госкомстата РФ, эта цифра превышает самый благоприятный вариант прогноза численности трудоспособного населения на 24,3 млн человек. Доля занятых в общей численности населения (по среднему варианту демографического прогноза – 133 млн человек) должна была составить 78%. Это нереально.

Таким образом, в России с каждым годом усиливается разрыв между потребностью в занятых и численностью собственных трудовых ресурсов страны. А это бумерангом отражается на сокращении ее экономического потенциала. До начала горбачевской перестройки наша страна имела вторую экономику мира, составлявшую около 60% американского ВВП, и примерно в 5 раз превышала китайскую. Нынешняя российская экономика составляет 6% американской и 1/5 китайской. Как образно замечает заместитель директора ИПМ проф. Малинецкий Г. Г., за последние 25 лет так называемых реформ по-российски, «отечественный «экономический слон» (по мировым меркам) превратился в москву².

Такова нерадостная оценка «достижений» российской цивилизации новейших времен, при которых исчерпаны возможности «добиваться экономического развития не умением, а числом».

Чтобы преодолеть неблагоприятные демографические тенденции и нарастить свой экономический потенциал, необходимый для выживания в этом мире, России предопределен выбор в пользу форсированного процесса модернизации и экономического роста на основе научно-технического прогресса, именуемого ныне инновационным развитием. При этом не следует забывать, что образование, здравоохранение и культура непосредственно участвуют в формировании ресурсной базы инновационной экономики. Финансовая обеспеченность социальных отраслей должна быть сбалансирована с решением текущих и долгосрочных стратегических задач. Это аксиома, которая не оспаривается серьезными учеными из Российской Академии наук, а, наоборот, защищается в спорах с ультралибералами.

Нас не спасет дешевая медицина!

Развитие социальной сферы, в первую очередь системы здравоохранения, не может приостанавливаться даже в условиях перехода к рынку или финансово-экономического кризиса, так как именно отрасли этой сферы форми-

¹ См. Статью Богомолова О. Т. в «ЛГ», 13–19 апреля 2011.

² См. Выступление Г. Г. Малинецкого в Государственной Думе 18.05.2010 г.

руют человеческий потенциал и его основные составляющие, которые являются невестественным богатством нации: общественное здоровье, а также образовательный и культурный потенциалы.

Когда В. В. Путин откровенно разъясняет нам, что в свое время, в 2005 году, когда принималось решение по нацпроекту “Здоровье”, в правительстве было много сомневающихся по поводу вложения денег в здоровье нации¹, оно и понятно. Ведь всем известно, что высшие структуры российской власти консультируют эксперты неолиберального толка. Они все, как один, являются сторонниками неолиберальной монетаристской модели, разработанной для нас “гарвардской школой” и реализуемой в России; выступают в соответствии с ее постулатами за сокращение государственных расходов и, в первую очередь, на социальные нужды.

По-видимому, чтобы не тратиться на восполнение коренного населения, российские неолибералы-реформаторы даже готовы заменить титульные нации России на иммигрантов. Мне стало это ясно, когда, работая в высших структурах власти, в 2003 году участвовал в заседании Центра стратегических разработок (на Якиманке) при Президенте РФ. Тогда, помнится, обсуждалось на полном серьезе восполнение рабочей силы России не путем улучшения демографической ситуации в стране, а за счет трудовой иммиграции – причем до 40 млн человек в ближайшие десятилетия! Это, можно сказать, был социальный заказ корпоративного сектора, который хотел бы привлечь низкооплачиваемых и бесправных иностранных рабочих-мигрантов в страну в массовом масштабе, что является серьезным демпинговым фактором на нашем внутреннем и так дешевом рынке труда.

Как ни парадоксально, российскую новую буржуазию вполне устраивают и нынешняя экономическая модель, которая “сделала” их богатыми людьми, и ее отличительные атрибуты с социальными последствиями – падение рождаемости и вымирание стержневой титульной нации. Ее предлагается постепенно заменить на иммигрантов, которые обходятся бизнесу намного дешевле.

По данным, приведенным в Послании Президента России Федеральному Собранию РФ 16 мая 2003 года, за 1990-е годы, т. е. за первое десятилетие существования новой России, к нам переехало около 7 млн чел., в основном из стран СНГ. Миграционный прирост, по данным Росстата РФ, в 2000-х гг. компенсировал примерно половину численности потерь российского населения².

Истоки недофинансирования системы отечественного здравоохранения, как говорится, налицо, что непосредственно и сказалось на ее деградации за последнее двадцатилетие.

Сегодня более 30% российских больниц не имеют горячей воды, свыше 8% – водопровода, 9% не имеют канализации. В капитальном ремонте нуждается четверть медицинских учреждений Российской Федерации. Если говорить о техническом состоянии и оснащении, то более 60% рентгеновских аппаратов и почти половина аппаратов УЗИ и электрокардиографов выработали свой ресурс. Зарплаты многих медицинских работников едва превышают прожиточный минимум³. **Все эти официальные данные озвучил В. В. Путин на форуме медицинских работников и фактически поставил нелицеприятный диагноз нынешнему состоянию отечественной медицины: “Такое отношение к врачу в свою очередь оборачивается низким качеством медицинской помощи – совершенно очевидный факт”. А в конечном счете, заключил премьер, – “все острые проблемы нашего здравоохранения складываются в одну большую проблему, название которой – снижение престижа и авторитета профессии”⁴.**

Все правительственные разработки (Стратегия-2020, Концепция демографической политики РФ до 2025 года, Прогноз развития страны на 2011–2013 годы, нацпроект “Здоровье”, антикризисная программа и т. д.) опираются сегодня на представления о развитии и “болевых точках” здравоохране-

¹ См. Выступление В. В. Путина на Всероссийском форуме медицинских работников 13.04.2011 года.

² Экономическая безопасность России. Общий курс. Учебник. Под редакцией академика РАЕН В. К. Сенчагова. Институт экономики РАН и РАЕН. М., “Бином. Лаборатория знания”, 2009

³ См. Путин В. В. Выступление на Всероссийском форуме медицинских работников 13.04.2011 года.

⁴ Путин В. В. Там же.

ния, которые сформировались за последние двадцать лет. **В них не учитывается в должной мере, что основная зона риска в отечественной медицине связана с кадровой составляющей.** Речь идет о креативном слое специалистов, не поддерживая который, страна рискует надолго остаться среди цивилизованных стран в роли отстающей и догоняющей.

Недостаточное понимание основных движущих сил и закономерностей экономического развития привело к тому, что бюджетное финансирование здравоохранения проводится “от достигнутого”, безотносительно к реальным потребностям общества и геополитическим вызовам современности.

Несмотря на заверения Премьер-министра о вливании в укрепление российской медицины полтриллиона рублей до 2013 года (это где-то порядка 115 долл. в среднем на россиянина – Ю. Г.), финансирование здравоохранения вызывает озабоченность. Об этом постоянно говорит известный врач Леонид Рошаль, который считает, что финансирование в здоровье нации требует увеличения – минимум в два раза. Вместо необходимых ресурсов – 6-7% от ВВП – сегодня оно имеет долю 3,9% от ВВП, а в 2012 году – составит лишь 4,8%. При этом подушевой норматив оказания бесплатной медицинской помощи в 2011–2012 годах остается практически на одном уровне – 7,7 тыс. рублей (т. е. порядка 200 долл. вместо минимально требуемых 400 долл.). Подушевой норматив программ Обязательного медицинского страхования (ОМС) несколько вырастет (до 4,1 тыс. рублей в 2012 году), но он также не удовлетворяет потребности в финансах. Постепенное увеличение частных расходов (рост доли в ВВП с 2,3% в 2007 году до 2,58% в 2012 году), включая лекарственное обеспечение и платные медицинские услуги, не может решить проблему для населения, значительная доля которого относится к категории бедных¹.

Таким образом, приведенные выше фактологические материалы и их анализ позволяют только частично согласиться с утверждением главы Правительства РФ, что в результате предпринятых мер (начиная с 2005 года, когда был разработан нацпроект “Здоровье”), “мы остановили разрушительные тенденции, которые ставили под вопрос сами перспективы существования, развития государства, которые грозили нам настоящей катастрофой”². Ведь процессы депопуляции в стране, по признанию премьера, пока не преодолены, хотя и “отступили от этой крайней черты, от пропасти”³. **Значит, пока еще не достигнуты хотя бы пороговые значения демографической безопасности России. Чтобы преодолеть опасные тенденции, потребуется дополнительное и существенное финансирование системы здравоохранения как ключевой составляющей в развитии социальных отраслей в рамках разработанной компетентными специалистами и понятной для всех “Программы сохранения нации”.** Однако комплексное решение проблемы укрепления общественного здоровья, как залог устойчивого государства, возможен только при переходе на социально ориентированную экономическую модель развития.

Где Вы, доктор Акчурин?

Перефразировать народную мудрость: “На бесплатную государственную медицинскую помощь надейся, а сам не плошай!” – заставляет нас повседневная жизнь с тех пор, как “приказала долго жить” качественная “совковая” медицина, и страна перешла к строительству рыночной экономики. А в условиях рынка – вещают с утра до вечера и радио, и телевидение – все услуги стоят денег и требуют от каждого их оплаты.

Не дай Бог сегодня заболеть в нищей России! Ведь это только на первый взгляд выглядит, что мы по-прежнему пользуемся бесплатным медицинским обслуживанием. К тому же отлаженная система медицинского страхования – как это есть в цивилизованных странах – у нас пока отсутствует. А при на-

¹ Экспертное заключение на проект Федерального бюджета и Прогноз социально-экономического развития РФ на 2010 и плановый период 2011 и 2012 годов. Институт экономики РАН. М., 2009.

² Выступление В. В. Путина на Всероссийском форуме медицинских работников 13.04.2011 г.

³ Выступление В. В. Путина на Всероссийском форуме медицинских работников 13.04.2011 г.

ших мизерных пенсиях, которые чуть больше прожиточного минимума, и зарплатах, которые позволяют большинству россиян еле сводить концы с концами, у многих просто нет денег даже на лекарства, рецепты которых им выписывают врачи.

Приглядимся повнимательнее, с каким медицинским обслуживанием любой россиянин сталкивается каждый день на бытовом уровне, т. е. в прикрепленной поликлинике и больнице. Именно о значимости медицинской помощи, оказываемой населению на местном уровне, говорил В. В. Путин на Всероссийском форуме медицинских работников: **“От того, может ли человек получить качественную медицинскую помощь, от того, в каких условиях работают врачи и медсестры, как они выполняют свой долг перед пациентом, зависит судьба конкретных людей, их семей, будущее всего нашего государства”**. Вне всякого сомнения – это очень правильный призыв высшей власти, но как его реализовать в нынешней разоренной России?

Глава Правительства РФ в своем выступлении акцентировал тот факт, что наши граждане в основном “умирают от туберкулеза и от дорожных аварий, от болезней системы кровообращения и от онкологических заболеваний”. Однако мои коллеги-ученые из Российской Академии наук и Российской Академии естественных наук считают, что серьезные заболевания и повышенная смертность в новой России непосредственно связаны с нравственно-эмоциональными переживаниями и перегрузками, связанными с развалом СССР, т. е. с возникшим синдромом безысходности, невозможностью честным трудом вылезти из нищеты, отсутствием интереса властей всех уровней к опытным и квалифицированным кадрам специалистов, развалом национальной экономики и социальной сферы. Короче говоря, абсолютное большинство населения страны не приемлет начатую Гайдаром и продолжающуюся до сих пор “шоковую терапию”, реализуемую в русле неолиберальной модели, при реализации которой отдается предпочтение сфере обращения в ущерб развитию реального сектора и социальных отраслей. Как говорил недавно ушедший от нас академик Л. И. Абалкин, в России осуществляется “рыночная реформа для богатых”.

Работа в высших структурах власти более трех десятков лет, мне пришлось наблюдать, как “прессингуются” в постсоветской России компетентные, квалифицированные специалисты, не согласные с социально-экономическим курсом, наносящим серьезный вред национально-государственным интересам страны. Ведь именно эта категория специалистов со знанием дела раскрывает причины, приведшие к депопуляции страны.

А когда наступил мой 60-летний юбилей, вместо поздравлений и чествований за многолетний труд на благо Родины ваш покорный слуга испытал по полной программе безнравственно-аморальный прессинг “свыше”, чтобы заставить меня отказаться от мысли работать до 65 лет в соответствии с законом о государственной гражданской службе.

Как было сказано мне в службе кадров, они вынуждены меня “убрать” с работы в связи с негласной установкой “партии власти” выхолостить из аппарата компетентных специалистов и брать на работу – на государственную службу – лояльных молодых людей – до 35 лет по возрасту. Например, на мое место взяли девочку чуть старше 20 лет.

Вследствие вынужденного ухода с работы с циничной формулировкой: “уволен с государственной службы по собственной инициативе”, я попал в знаменитую больницу на Рублевке, затем в Реабилитационный центр и вновь вернулся в больницу – всего провел на больничной койке почти полгода жизни. За это время мне так и не был поставлен точный диагноз. В каждом из четырех лечебных отделений мне ставили свой “профильный” диагноз, т. е. соответствующий профилю отделения. Конечно, “кормили” таблетками и капельницами также по профилю отделения.

В результате подобного лечения мне “посадили” печень, но так и не вылечили. В конце концов, чтобы я “успокоился” и не беспокоил врачей элитной поликлиники и ЦКБ, мне дали инвалидность. И тогда я окончательно убедился, что официальная медицина вряд ли мне поможет, и без толку лежать в больнице – даже “на высоком уровне”. Теперь только вспоминаю, что, когда мне пришлось лечиться в больнице на Рублевке в советское время, то лечение всегда было эффективным. Помню также, что когда начали бороться с Четвертым главным управлением Минздрава СССР в начале 1990-х годов, новые управленцы России провозгласили необходимость подтягивания всей

системы здравоохранения до уровня так называемой элитной медицины и объявляли это как одну из главных целей рыночной трансформации страны. О вымирании нации, конечно, тогда вопрос не стоял. Сегодня мы пожинаем плоды и развала всей медицины, и, соответственно, демографической катастрофы страны.

В свою ведомственную поликлинику мне уже больше не хотелось обращаться за помощью даже при обострении болей. Из ведомственной поликлиника за два последних десятилетия превратилась фактически в коммерческую. По признанию ее работников, если раньше в данной поликлинике обслуживалось 7 тыс. пациентов-бюджетников, то сейчас к ним добавились 8 тыс. человек из частных фирм. При таком столпотворении в поликлинике ни о какой квалифицированной помощи говорить не приходится; чтобы попасть к врачу-специалисту, надо записываться за неделю, а к неврологу – за две недели. При такой нагрузке многие опытные врачи не выдержали и покинули поликлинику в поисках лучшего места работы.

Известная пословица учит: “Спасение утопающих – дело рук самих утопающих!” Поскольку у большинства граждан России не осталось надежд на помощь государственной медицины, то многие, от безысходности, стали обращаться к различного рода оккультистам, которых развелось несчетное количество по всей стране. Под давлением уговоров близких родственников я – вполне разумный и вроде образованный человек – “от безнадеги” тоже попробовал “полечиться” у целительницы-экстрасенса, которая живет далеко от Москвы – аж в Тверской губернии. Естественно, это мне не помогло, но потерял время и деньги.

Продолжая верить в то, что все-таки есть где-то на белом свете такой доктор, который поставит меня на ноги, я стал искать его в платных клиниках. И, к своему счастью, в конце концов, его нашел в нашей необъятной столице – на бульваре Яна Райниса.

Доктор Акчурин М. А. возглавляет вертеброневрологический медицинский центр. Сам доктор Акчурин – уникальная личность, выпускник известного Уфимского медвуза, прирожденный врач-невролог, взрастивший себя до уровня вертеброневролога, с почти 30-летним стажем работы в известных клиниках и больницах России по лечению патологий позвоночника, опорно-двигательного аппарата, центральной и периферической нервных систем. На основе широких знаний, тщательного изучения традиционных и новых, отечественных и зарубежных (особенно из восточных стран) методик излечения указанных выше патологий, доктор Акчурин сначала устанавливает точный диагноз болезни, в том числе на основе УЗИ-диагностики, а затем назначает лечебный комплексный курс по специальной системе. Подчеркиваю особо: **диагноз и лечение назначаются комплексно.**

Как профессиональный аналитик, хотя и из другой области знаний, я понял новаторские методики доктора Акчурина М. А. и согласился лечиться. Получив 10 сеансов терапии, подчеркиваю, **именно комплексной и системной терапии**, причем без использования лекарственных средств, по их окончании я вышел из клиники своими ногами.

Возникает вопрос: “А куда податься нищему россиянину, чтобы получить квалифицированную медицинскую помощь?” Ведь нынешняя система государственного здравоохранения не отвечает современным требованиям. Это подтверждают и Президент, и Премьер. Лечение в частных клиниках может позволить себе не каждый гражданин нашей страны. Разброс цен на оказание медицинских услуг составляет, как я выяснил, от 1 тыс. за один сеанс терапии до 160 тыс. рублей за полный курс лечения. Как говорят в народе: “Здоровье не купишь!” Однако, когда человек долго мучается и страдает от болей, остается одна надежда: найти того единственного и уникального доктора, который тебе поможет, хотя и на платной основе.

Тем не менее, поскольку мы строим, согласно Конституции РФ, социальное государство, народ России с надеждой воспринял заверения правящего “тандема”, что верховная власть будет вкладывать ресурсы в человека, в благополучие семьи. **“Цена задуманных нами преобразований, – заявил В. В. Путин на том же Всероссийском форуме медицинских работников, – очень высокая, но еще выше цена надежд и ожиданий миллионов граждан России. И наша с вами общая цель – оправдать эти надежды и это доверие граждан”.**

Конечно, всем простым россиянам хотелось бы, чтобы пафосное заявление главы правительства было реализовано в жизни. Однако, как экономист-международник, выскажу еще раз сомнение, что это вряд ли возможно при дальнейшем следовании постулатам неолиберальной монетаристской модели, при которой продолжается усугубление имущественного расслоения общества, а также происходит абсолютное и относительное обнищание (по К. Марксу) большинства его граждан. Так что проживем и совсем скоро увидим, какая судьба ждет лозунг о сохранении здоровья нации! Ведь президентские выборы в России “на носу”.

АЛЕКСЕЙ ВУЛЬФОВ

“КАКАЯ ЖИЗНЬ ОТЛИКОВАЛА...”

Из письма к современнику

Это действительно отрывок из письма, написанного в деревне Асташево под Костромой, где автор жил летом и осенью, одному московскому коллеге. В переписке обсуждались жизнь и творчество великого русского композитора Г. В. Свиридова, с которым автор письма и его адресат, оба музыканты, были хорошо знакомы. Тем не менее, письмо стихийно развилось далеко в сторону превышения сугубо музыковедческих масштабов, коснувшись трагической темы русской деревни, которая, как видно по настроению автора письма, глубоко его волнует.

Я из церкви домой иду со службы, или еду в Лыщёво на велосипеде к тете Нине за козьим молоком, или гуляю с собаками, с головой тону в травах, просторах и небесах, по сторонам гляжу – не нарадуюсь, и благодарю Бога всякий час, что я здесь. Но последнее время не о птичках, ягодках и облачках высказаться тянет на бумаге. Гляжу в даль нашей низины у леса вдоль долгого косогора и выцветшего к середине августа одичалого поля под ласковым или суровым небом “без конца и без края”, в ясную погоду различаю далеко вдаль в утреннем свете белые коробочки фермы в Чернопенье, – но не в умиление прихожу, а в замирание. Слышится оттуда, из некоей временной глубины, как бы из-под земли самый тянущийся каким-то суровым хором немолчный гул и стон, словно от боли, от незаживающего громадного синяка. Какой-то скорбящий вздох о том, что тут “было-померло”, о пролетевших над землёю этой да до конца так и не канувших бедах... Или голос это неслышимый каких-то усопших, но вечно живых клиросов, треск незримых, но негаснущих венчальных и поминальных свечей... Или тянут там какую-то несмолкаемую песенную жалобу девушки и бабы в ситцевых платках в горошек, улегшись щекой на кулаки... *И пенья нет, но ясно слышу я незримых певчих пенья хоровое...* Говорящие глаза глядят оттуда, из необычайного пространства, как с картин Честнякова... Усталым неутолимым вздохом отзовется эта даль всем дыханием своим, мешая умилению и восторгу, которых истинно заслуживают самые прекрасные на свете здешние земля и небеса. Всё это,

*Овеянное сказками и быльёю
Прошедших здесь крестьянских поколений...*

Все больше и больше убеждаюсь, что нашей земле ближе не славильщички и воздыхатели, а печальники... Не сиюминутное скоропреходящее возбужденное чувство, которое вскоре столь же легковесно, безо всякой ответственности будет забыто или заменено противоположно другим с полной переменой настроений и поступков (что так типично было всегда для многих представителей интеллигенции), а вечная тихая молитва и долгий труд.

...Вы подняли такой важный вопрос в своем письме в связи с обсуждением произведений Георгия Васильевича¹! Я не могу на это не откликнуться, тем более находясь в деревне. Недавно подарили мне одну потрясающе интересную краеведческую книжку, которую нигде не найдешь, что самое ценное – местную, костромскую, без столичной балды, и многому очень я нашел в ней и подтверждение, и уразумение. Быть может, что-то Вам пригодится для размышлений на нашу тему, если нет – простите за длинное и, может быть, слишком уж подробно-официальное письмо. Итак.

В истории гибели России одно из важнейших мест занимают, на мой взгляд, две основные составляющие:

1. уничтожение исконного крестьянского хозяйствования и уклада;
2. искусственное обезжизнивание территории, глобальный экологический ущерб (объявление “неперспективных территорий”; затопление водохранилищами; уничтожение лесов; промышленные стоки; загрязнение и забораживание рек и озер; мелиорация; авиахимработы 1970–80-х гг. и мн. др.).

Безусловно, физическое уничтожение крестьянства (как и всего народа в целом) имело место. Ни один класс не пострадал в России столь жестоко и безнадежно, сколь крестьянство.

Если проследить советскую историю Нечерноземья, то поражает та феноменальная живучесть, воистину христианское смирение и терпение, которые выказывало крестьянство.

Что удалось мне выудить для себя неожиданного в костромской краеведческой книжке²? Это не сами “головокружения” и раскулачивания, а то, как мужественно и споро во все времена восстанавливали крестьяне свое порушенное кем-то сверху дело – как муравьи восстанавливают порушенный муравейник. И как тупо и безжалостно, по-уродски торопливо очередные идиоты от власти это всё вновь и вновь уничтожали (и уничтожают донныне).

Да, “головокружение от успехов”, кошмарная коллективизация 1929 года – первый удар топором в хребет России. Однако к концу 1930-х гг. положение с сельским хозяйством всё же стабилизировалось. Если бы этого не произошло, в войну умерли бы все с голоду – и армия, и тыл. База колхозов к 1941 г. стала довольно сильной. Хлеб еще экспортировался, а не наоборот. Хозяйствовать механизированным способом научились; урожайность выросла во много раз; зерно и овощи хранить и перевозить научились. Пьянь, шпана и выскочки – первые председатели колхозов из “бедноты” – либо спились, либо попали на “стройки социализма”; на их место пришли люди хотя и без “кулацкой” (читай – коренной, базисной) культуры сельхозпроизводства, но все-таки нередко со светлыми головами, ответственные, сильные натуры (что вообще свойственно тому периоду всеобщей военизации). Это были настоящие *народные люди*. Власть если не поумнела, то, по крайней мере, поняла, что нужны реально-действенные, профессиональные, а не только политические решения. Численность сельского населения *росла*, а не падала. Традиции многодетности, да во многом и патриархальности еще были очень сильны, генетический запас нации почти не растрочен (численные потери и миграции в крестьянстве 1920–30-х гг., конечно, чудовищны, но запас старинной генетической закваски был покуда еще тоже очень велик). Поднялась и общая грамотность, и культура производства, что сказалось на качестве и объемах обработки земли, урожайности. Понятно, что всё держалось на “крепостном праве” – трудовне и паспортах в сельсовете, но всё-таки деревня к 1941 г. весьма окрепла.

¹ В письме на имя автора было написано: “Свиридов – из крестьян, и этим многое объясняется и в его жизни, во взглядах на жизнь, и в его творчестве. Свиридов был одним из тех проницательных художников, кто в своем искусстве не только показал русского крестьянина на крутом сломе истории, но одним из первых, кто почувствовал, что этому самому крестьянину наступает полный карачун”.

² Все статистические сведения в данном материале приводятся по книге: Костромской район: вехи истории. Кострома, администрация Костромского района, 2003 г.

По Костромскому району: в 1928 г. была пущена местная Шунгенская электростанция, электричеством пользовались 2185 дворов, 41 селение. Просвещение: 11 изб-читален, 2 клуба, 6 киноустановок. В 1930 году были поставлены задачи строительства дорог, телефонизации, создания МТС, укрепления кормовой базы. Рост стада: 1934 г. – крупный рогатый скот – 14114 голов, свиньи – 2125, овцы – 8340. 1937 г. – соответственно 16066, 6094, 20861. Надой: 1934 г. – 21,97 ц, 1938 г. – 42,12 ц. Урожайность: 1936 г. – яровые зерновые – 8,5 ц, картофель – 95 ц, лен – 3,3 ц. В 1938 г. – соответственно 15 ц, 185 ц, 4 ц. Лесхоз (только Костромского района!) в 1936 г. имел 10 га рассадников, в 1938 г. было запланировано рассадить 40 миллионов га леса (!). (Нынешнему губернатору Костромской области в 2008 г. пришлось запретить всякую рубку леса в области во избежание глобальной экологической катастрофы. Разумеется, это не помогло, лес всячески рубят, хотя я с вертолета видел – немного есть еще покуда). В 1938 г. был организован ягодный питомник, продано в 1938 г. малины – 290 тыс. штук, яблонь – 2400 шт., земляники – 800 тыс. шт. Огромное место в экономике района занимал лен: из 208 колхозов 108 было льноводческих. 12% посевных площадей отводилось под лен. Основная ориентация – на мясомолочное производство, травосеяние, овощеводство.

В 1935–36 гг. в районе обучались 6848 детей, в 1939–40-х – 9347. В школах района перед войной работали 274 учителя, было 3 детских сада, 138 сезонных детских площадок. (Простите меня, что столько цифр – неожиданно для самого себя! – привел, не любят у нас на Руси краеведения, раздражаются от цифр и фактов, вместо того чтобы учиться на них – но к чему такой разговор без цифр?).

Была создана в целом трудоспособная система – большое количество колхозов без административного укрупнения и централизации управления; то есть были созданы целостные не только большие, но и (в основном!) *маленькие* крепкие хозяйства, в которых все знают друг друга, а также землю, которую обрабатывают. Таких хозяйств было множество, их наличие к тому же обеспечивало регулярное хозяйственное освоение ныне глухих, а тогда очень бойких территорий; шло, таким образом, активное пополнение генофонда нации.

Параллельно с истинно крестьянским укладом жизни благодаря сельским школам¹ шло всеобщее образование народа (у нас здесь до 1970-х гг. были средние школы в Кузьминке, “на посёлке” в Сухоногово, в Гомонихе и в Чернопенье – весь этот регион занимает по диаметру 8 км).

Благодаря этому всеобщему школьному образованию, которое, что ни говори, является несомненной заслугой советской власти, стало возможным феноменальное явление в нашей литературе – рождение плеяды писателей-“деревенщиков”, читай – русских писателей: Абрамова, Распутина, Астафьева, Солоухина, Носова, Шукшина, поэта Николая Рубцова, обогативших своим самобытным творчеством словесность, саму русскую речь, как это всегда бывало с людьми, незаурядно одаренными. Писателей, бывших на протяжении целых десятилетий чуть не единственным голосом совести. Все они родились, возмужали и начали творить еще в крестьянскую пору.

До прихода к власти Н. С. Хрущева обычный колхоз состоял здесь из четырех-пяти деревень. Контора колхоза – изба председателя. Бюрократия – почти ноль. Уже до войны во многих местах района всё было электрифицировано и телефонировано (все-таки район центра области).

Как и при царе Алексее Михайловиче, и позже, вплоть до 1970-х гг. – вся территория Нечерноземной России, включая и Костромской район, была хозяйственно освоена; понятие “глушь” было практически к ней неприменимо (парадокс, но факт). Труд колхозников перед войной носил тяжелый и изну-

¹ Тем самым, которые сегодня так активно норовит “укрупнить”, читай – уничтожить – нынешняя центральная, так сказать, московская власть с ее сугубо дачно-городским подходом к проблемам деревни VIP-персон, ориентированных на “мировые” и, конечно, “неизбежные для России” ценности – исключительно материальные. Сегодня, как мы знаем из официальной периодики, власть объявляет войну сельским школам, продолжает активный процесс их закрытия и укрупнения и тем наносит последний и сокрушительный удар по остаткам деревенского мира в России – это тема для отдельного разговора-плача.

рительный, неблагодарный, униженный, но системный, налаженный характер. К тому же на селе также развивалась, как теперь ее называют, “социалка” — клубы при правлении, библиотека, школы, фельдшерские пункты, радиоизбы, то есть то, что нужно для нормальной активной жизни людей. Как и везде, очень многое зависело от председателя колхоза, его личности, характера, способностей.

Крестьяне в силу своей занятости в течение 18 часов в сутки (а не 8-ми, как рабочие) были к тому же и менее “политически подкованной” — читай, более по-человечески нормальной средой, далеко не столь развращенной, как горожане. Верования, обряды, песни, старинные сказания — все это перед войной на селе еще было совершенно живым и активно востребованным, хотя, конечно, уже не так масштабно, как в прежние времена. (Выдающийся фольклорист-современник В. М. Щуров и теперь еще записывает в экспедициях “дикие” крестьянские песни!) Появились и новые жанры крестьянского фольклора — советская частушка, например, да и советская массовая песня классиков этого жанра, которая быстро становилась благодаря кинематографу и радио песней народной, была по своей мелодичности сродни коренному фольклору (достаточно вспомнить выдающихся композиторов-песенников: братьев Покрасс, братьев Александровых, И. Дунаевского, В. Соловьева-Седого, А. Новикова, Н. Богословского, М. Блантера, Т. Хренникова, а впоследствии А. Лепина, А. Пахмутову и др.).

*И слышен смех
В тени под ветками,
И песни русские слышны,
Все чаще новые — советские,
Все реже — грустной старины...*

Как тут опять не вспомнить замечательную поэзию Николая Рубцова? Я ее, наверное, еще не раз вспомню в письме:

*Давно ли, гуляя, гармонь оглашала окрестность,
И сам председатель плясал, выбиваясь из сил,
И требовал выпить за доблесть в труде и за честность,
И лучшую жницу, как знамя, в руках проносил!*

*И быстро, как ласточка, мчался я в майском костюме
На звуки гармошки, на пенье и смех на лужке,
А мимо неслись в торопливом немолкнущем шуме
Весенние воды, и бревна неслись по реке...*

К 1941 г. возникли реальные предпосылки не только сохранения крестьянства как полноценного и численно преобладающего класса, что для России исторически естественно¹, но и полного сельхозблагоденствия (увы, его увидели только жители крупнейших городов, и только перед самой войной; продажи Москвы утром 22 июня 1941 г. представляли собой неслыханное по разнообразию и качеству продуктов изобилие). Село перед войной жило тяжело, но не голодно. Ему в большом объеме помогли механизация, тракторизация, переход на передовые культуры земледелия и животноводства, создание первых тепличных хозяйств, электри- и радиофикация. Активно трудились малые хозяйства, дававшие очень большие результаты в силу нерастратченного их труженниками трудового навыка и опыта земли. Но началась война...

В войну голод на селе был не от того, что есть было нечего, а от того, что всё без остатка у села отбирали, включая деньги, заработанные колхозниками. Известны все эти грабительские займы, сельхозналоги и проч. Драли шкуру. Однако фронт крестьяне прокормили — на нем не было голодно никогда, за исключением наших многочисленных окруженных группировок

¹ По данным переписи 1897 года, численность крестьянства составляла 84,1% от всего населения европейской России и 77,1% по империи в целом; при этом Петербург в указанном году был заселен крестьянами на 58,9% (!), Москва — на 63,7% (!). Данные приводятся по книге: Рябов Ю. А. Богохранимая страна наша Российская. СПб.: САТИС, 2004, с. 127–128.

в “котлах” и действующей армии на московских и западных рубежах в лютые 1941/1942 гг¹.

Да, в войну у крестьянина отбирали буквально всё. Тем не менее, труженники нашего Костромского района дали по госзаймам 32 млн рублей, на танковую колонну сдали более 5 млн рублей, на фронт отправили более 20000 посылок “и множество теплых вещей”. Все это в подавляющем большинстве поставляли женщины – сестры, жены, матери бойцов и старухи. Я поставил бы гигантский памятник русской деревенской женщине (жаль, Клыкова в живых нет!), матери шести-девяти детей, на которую в войну легло бремя немислимое². Муж на фронте, дети старше 13 лет – на работах, нередко за сотни километров от дома (отправляли на работы без всякой оглядки). Благодаря этим женщинам Гитлера побили. Прокормили фронт и страну многодетные бабы, дети, инвалиды и старики на таких землях, где всего вырастает раза в три меньше и слабее, чем под Курском или Воронежем. И никто – никто! – не полагал это подвигом. Поразительная скромность и совестливость народная! Мужиков с войны не возвратилось, по нашей местной статистике, примерно треть, из возвратившихся половина – с тяжелыми ранениями и инвалиды (впрочем, если сопоставить это с уменьшившимся на треть населением Костромской области в период 1989–2000 гг., по демографической части всё было тогда не так уж и ужасно; воистину всё познается в сравнении!). В голод 1946 г. многие из вернувшихся фронтовиков, как рассказывают тут у нас старики, умерли от истощения, попав на лебеду и крапиву после полкового мясного борща, американских тушенок и яичного порошка. Однако они вернулись к живым, действующим хозяйствам, к обитаемым многодетным деревням независимо от их территориального расположения. Отдавали государству натуральный оброк, работая на барщине социализма. В ходу были активные денежные поборы (это с колхозников-то!), но брали и натурой. Наш дядя Ардоля³ (тогда школьник) объезжал вечером с молочной бочкой дворы, где в каждом была корова, наполнял бочку доверху молоком (с четырех-то деревень) и вёз “сдавать государству”. Понятно, что за это молоко крестьянам никто не платил, как ничего не получали они ни за какие советские барщины и оброки. Зарплата насчитывалась не деньгами, а трудоднями – то есть почти ничем.

Костромской краевед Т. М. Карпова пишет: “В военное и послевоенное время из колхозов забирали всё. Не только колхозную продукцию, но и почти всё, что производилось в частном хозяйстве (курсив мой. – А. В.). Денег деревня практически не видела. На заработанные трудодни выдавали от 200 до 400 г сырого зерна, 400 г картофеля. А колхозники должны были платить военный налог – 1800 рублей, и должны были сдать государству помимо этого 40 кг мяса, 300 л молока, 150 шт. яиц, 400 г шерсти”.

К тому же после войны встала задача кормить “за идею”, “в рамках СЭВ” кучу разномастных зарубежных союзников всякого толка, а еще и самую многочисленную в мире армию. Тушенку бывшего секретного армейского запаса доели только недавно (вот одна соевая в магазинах и осталась). Но ведь кто-то эту тушенку и всё это содержимое “спецпайков” и “продовольственных заказов” производил!

Система малых и при этом практически самостоятельных хозяйств (по сути – замаскированно фермерская, хотя земля формально не была передана в собственность) полностью оправдывала себя по всем позициям. К тому же она и демографически хранила село и, как результат – Россию, ее генофонд. Она обеспечивала равномерное и повсеместное освоение территории страны.

*Мать России целой — деревушка,
Может быть, вот этот уголок...*

¹ И ведь в войну кормили и прокормили страну одни лишь Нечерноземье и Сибирь! Главные житницы – Орел, Курск, Белгород, Украина, Краснодарский и Ставропольский края были под немцем до 1943–44 г.

² Пахали на себе не потому, что трактора стояли, а потому, что все трактора и топливо были взяты на фронт. В Костромском районе пахали на себе так: шесть женщин тянут плуг, 9–12 детей, в зависимости от возраста, наваливаются на него. Пахали еще и так называемыми косулями, как в доисторические времена.

³ Имя у него такое – Ардолион. У нас еще тут есть велосипедный мастер, тоже в летах, так его зовут Иоиль, в просторечии Иоля – что в переводе с древнееврейского языка означает не что-нибудь, а – Господь есть Бог!

Данные по сельсовету Пустынь нашего Костромского района в 1945 году. Население: Пустынь – 400 человек, Колгора – 500, Шода – 300, Ямково – 600, Бугры – 250. Пашни: Пустынь – 110 га, Колгора – 140, Шода – 90, Ямково – 120, Бугры – 80. Скот (всего голов телят, свиней, овец, кур, лошадей): Пустынь – 1050, Колгора – 2780, Шода – 2080, Ямково – 2625, Бугры – 1400.

Сдавали государству в год по сельсовету Пустынь 260 т мяса, 2200 т молока, 140 тыс. шт. яиц, 1400 кг шерсти, 165 т хлеба, 235 т картофеля.

Все эти колхозы, наступи нормальный, а не ельцинский неокapитализм, скорее всего, превратились бы в фермерские хозяйства, а Россия благодаря этому могла бы в мясо-молочной и овощной отраслях стать Данией или Швейцарией.

Но вместо такого-то блаженства и тут настал “карачун” – раздался второй удар топором в хребет страны. Это – хрущевское укрупнение хозяйств.

Произошла глобальная централизация хозяйств с их укрупнением и, как следствие – безвластие и впервые наступившая откровенная бесхозяйственность. Кроме того, стране был нанесен первый мощный демографический удар: началось формирование пресловутых “неперспективных территорий” – тогда еще только лишь формирование, впоследствии переросшее в национальное самоуничтожение. Кукуруза, квадратно-гнездовой метод – эти “комиксы” мы хорошо знаем. А тут еще Целина нагрязнула, все средства и кадры (в основном молодежь!) – туда. “Кремлевские мечтатели” старались вовсю. Опять замахрел и зацвел, как буйный дурноцвет, политический подход к решению сугубо профессиональных – хозяйственных и экономических – проблем. На этот раз диагноз был иным – борьба с “индивидуализмом и перекрестками частнособственнических интересов” (термины той поры).

К тому же территория Нечерноземья активно затоплялась; единственный довоенный водный монстр – Рыбинское водохранилище – пополнился многими новыми “рукотворными морями”, как, например, наше Костромское (1956 г., начало выселения жителей – 1948 г.); его особенность в том, что оно, как выяснилось сегодня, было не нужно вообще. То есть если Рыбинское, Угличское и Горьковское способствовали хотя бы стабилизации волжских фарватеров и сбору воды для питания Москвы и Канала, то наше Костромское, как выяснилось позже, не имеет смысла *никакого*. Много деревень в процессе подготовки к затоплению было уничтожено (переселено и разобрано). Власть после войны при строительстве “рукотворных морей” проявляла немыслимую щедрость и лояльность, транжиря гигантские средства. Например, отец одной нашей бабушки, когда узнал, что будут затоплять (она переселенка вместе со всей семьей из затопленной деревни Вежи), пошел в сельсовет и попросил 20000 рублей на новую избу (чудовищные деньги для крестьянина того времени). И ему их дали! Соседу, который сугубо по-крестьянски наматал это на ус и губу имел не дуру, дали по его запросу 23000 рублей. И так многим (у нас вообще полдеревни – переселенцы... с собственной русской земли, в мирное время). А вот сводка уничтожения земель и жилфонда такова: в 1956 году на момент начала затопления dna Костромского водохранилища Костромской райисполком просил у облисполкома выделить на покрытие убытков от затопления 3 242 259 рублей. Надо полагать, их выделили. Остается только представить себе, сколько ценного имущества для реально еще работавших хозяйств можно было бы приобрести на эти деньги, сколько всего построить, создать, развить.

По территории и жилфонду: оказались затоплены водохранилищем (которое ныне активно зарастает травой) сёла Мисково, Жарки, Куниково, деревни Ведерки, Вежи, Овинцы, Прость, Семиново. Полностью разрушены и подготовлены к затоплению, но не затоплены (те еще грамотеи, видать, проектировали!) деревни и сёла Никольское, Новленское, Губачево, Пашутино, Митино, Скрывалово, Трохач, Дьяконово, Саково, Новоселово, Давыдово. Это только по Костромскому району – а ведь затапливали по всему ходу Волги!

Страшный ущерб земле нанесла начавшаяся вульгарная мелиорация (к тому же пожиравшая немыслимые деньги и ресурсы, столь необходимые для удовлетворения реальных потребностей села), авиационные работы, а также массовые вырубки лесов (хотя и не идущие ни в какое сравнение с нынешним апокалипсисом в этой области – ведь были и лесничества, и лесхозы, и лесопитомники, в 1940–60-х гг. вообще шло очень мощное восстановление ле-

сов). Началось быстрое запустение исконной национальной территории (тогда-то впервые и появилась в Центральной России так называемая “глушь”, о которой раньше и слыхом не слыхали со времен пятнадцатого столетия, когда сотворился “Сергиев пояс” монастырей, протянувшийся до самого Беломорья и сыгравший огромную роль, наряду с прочими, в том числе и в хозяйственном освоении территории).

Впервые в истории России начался процесс глобальной демографической деформации – массовый отток сельского населения в города, сочетавшийся с начавшимся процессом люмпенизации, деградации и вымирания русской деревни, в первую очередь – на “неперспективных землях”, то есть в коренном кормильце и поильце – в русском Нечерноземье¹, центре страны. Власть не использовала возможностей очнувшейся после первой встряски и во многом самоналадившейся колхозной системы (это произошло исключительно благодаря народному терпению, природной сметке и разуму, вообще здоровому генетическому естеству крестьян). Вместо дальнейшего эволюционного развития она прибегла к очередной глобальной суперакции в стиле известных активных персонажей Салтыкова-Щедрина (город Глухов) и Андрея Платонова (город Градов). Так или иначе, факты таковы, что в 1944 году городское население Костромской области составляло 220 тыс. человек, сельское – 664,2 тыс. человек, в 1959-м году соответственно – 366,4 и 544,8, а в 1989-м – 555,3 и 254,5²!

К тому же отмена трудодней, “демократизация” жизни в деревне, массовая продажа водки и хлеба³ и при этом падение “престижности” сельхозтруда резко усилили алкоголизм и бездуховность на селе, что было подкреплено вторым этапом воинствующего безбожия – хрущевского, не менее обвального и страшного, чем в 1930-х гг., разве что без расстрелов и лагерей⁴. У нас тут в Высоково-Троице над самой Волгой у кладбища стояла церковь (теперь и самого Высоково-Троицы нету). Одна оголтелая начальница-баба уже в 1950-е добилась, чтобы ее взорвали. Себе взяла образовавшийся камень на кирпич для печки. Да в первую ночь и взорвалась вместе с печкой от этого кирпича. Из деревенских больше оттуда ни один человек ни кирпичика не взял, так он и валялся, пока не убрали. .. Имелся случай уничтожения колокольни церкви в Костромском районе в 1962 г. при активной инициативе местной сельской учительницы, которой, правда, пришлось уговаривать власть это совершить, власть не согласилась, и тогда она наняла трактористов (!).

О том, что из всего этого произошло, часто цитируемый мною Николай Рубцов исчерпывающе пишет в 1960-х гг. в одном из писем Г. Я. Горбовскому про своё селение Никольское: “Почти исчезли и здесь классические русские люди, смотреть и слушать которых – одна радость и успокоение. Особенно раздражает меня самое грустное на свете – сочетание старинного невежества с современной безбожностью, давно уже распространившееся здесь”.

Централизация и укрупнения при Н. С. Хрущеве нанесли второй страшный удар по крестьянскому укладу России. Большинство малых колхозов развалились или были укрупнены (закрты). Предоставляю слово костромскому краеведу из Пустыни для печального финала его вначале бодрого повествова-

¹ Традиционно сельскохозяйственный и бойкий черноземный Юг, к счастью, и сегодня во многом таков же. Но там одна черная благодатная земля, а не сероземы и суглинки, там нет болот, лесов, урочищ. К тому же там никогда не отвыкали от частного сельского хозяйствования. Смотришь – птицы-то одной домашней! Зерно, овощи, фрукты! При Ельцине сильно запустели, разорили, обезлюдели и традиционно крестьянский Черноземный край (например, Курскую область) – но это тема для отдельного разговора.

² Приводится по книге: Букенева Л. А., Белова В. В., Груздева Н. А. и др. География Костромской области. Учебное пособие для средней школы. Управление администрации Костромской области. Кострома, 1995.

³ Эти-то продовольственные товары в магазинах 1960–85-го гг. в деревне были всегда! – подлейшее спаивание и обезделивание народа, последний и сокрушительный разврат русского крестьянина – воистину “Последний кабац у заставы”, как на картине величайшего скорбящего плакальщика В. Г. Перова!

⁴ Состояние, настроение деревни начала 1960-х, сочетавшее в себе пятьдесят на пятьдесят остатки укладности, живого народного естества и при этом бурно, как теперешний борщевник, разраставшуюся бездуховность, наиболее глубоко и ярко, на мой взгляд, представлено в рассказах 1960-х гг. величайшего гуманиста советской послевоенной поры – В. М. Шукшина. Взять хотя бы рассказ “Крепкий мужик” – перечитайте!

ния: “Пустынский с/с ликвидирован в 1958 г. и объединен с Сандогорским. Колхозы, его составлявшие, присоединены к другим при укрупнении и оказались на отшибе от центральных усадеб, на удалении 20–30 км. На сегодняшний день почти все деревни бывшего Пустынского сельсовета находятся в полном запустении”.

Конец цитаты. И крестьянству русскому, и сельскому хозяйству тоже – конец...

Хозяйствование стало вестись вульгарно, без всякой культуры производства, спонтанно, с постоянным бросанием начатого – отсюда столько по нашей Нечерноземной земле стоит пустоглазых ферм, молотилок, фабрик комбикорма, зернотоков и проч. Разумеется, все это сопровождалось не переменным угождением всесоюзной, областной и районной властям, а не первобытным и первоверховным кормящим силам погоды и плодородия. Внешне работы велись с размахом (давала себя знать плановая система – но отныне она все больше обещала и требовала, чем реализовывала по факту, что привело к возраставшим обманам и искажениям в экономических сводках). Впервые обозначилась проблема хранения и перевозки собранного урожая. Начались первые огромные потери сельхозпродукции из-за отсутствия должного навыка хозяйствования, которые в эпоху позднего “застоя” 1980-х приняли характер продовольственных гиперпотерь. Между столицами и областными центрами побежали, торопливо сбрасывая перевязанные коробки, мешки и возбужденных пассажиров на станциях, фантастические по степени абсурда “колбасные поезда”. Зерно начали массово ввозить в страну впервые за всю ее историю. Впрочем, все это тоже хорошо известно и перемолото, так что и на этом подробно останавливаться не хочется.

А в обреченной “глубинке” деревня к концу 1970-х г. уже почти умерла, впервые в истории России породив печальный феномен одиноких, полностью от обыденной жизни оторванных доживающих бабушек, до этого спасших во многих местах верование и даже сами храмы, каторжно отработавших в войну, родивших и порой схоронивших по несколько детей, перетерпевших пьяницу-мужа и сыновей-хулиганье, а теперь самим своим отрешенным, но свяטствующим присутствием хранящих само усыпавшее естество России.

Не забудем и доброе: медленно, но шло строительство асфальтовых дорог, в том числе между фермами и хранилищами, в новых домах устраивались канализация, удобства, шла массовая электрификация, полив полей, строились теплицы, отопляемые фермы, проводилось местное централизованное водоснабжение – у нас, например, колонки в деревнях устроили в 1971–1991 гг., на колонках эти даты написаны, хорошо – успели до Ельцина. К тому же тогда создавалась мощная машинно-тракторная база села (еще всю работу заводы “Беларусь”, ХТЗ, МТЗ, ЧТЗ и проч., помню еще по детству под Белозерском, в Антушево, как поступали в колхоз новые тракторы, которые заводились не от шнура или длинной тряпки, а от ключа, как автомобиль – диковина была!); строились общеобразовательные школы (теперь у нас осталась одна вместо трех существовавших ранее – в Сухоногово, или, как местные говорят, “на поселке”, заново выстроенном в 1985 г.). Формирование крупных благоустроенных социально-производственных ячеек сельхозпроизводства со сравнительно высокой производительностью труда благодаря новым аграрным технологиям, соответствующим данной почвенно-климатической зоне, повышение культуры животноводства и параллельный государственному плавно растущий частный и кооперативный бизнес – вот что могло бы даже в почти уже безнадежных 1970–80-х спасти село – и, следовательно, Россию. Например, наше относительно благоустроенное (конечно, с большими издержками, но всё же факт) Сухоногово благодаря такому подходу худо-бедно выдержало все ужасы ельцинизма и до сих пор что-то производит – хотя, конечно, убого по объемам в сравнении с 1980-ми и даже 1990-ми годами. К тому же во второй половине 80-х была сделана забытая ныне попытка стабилизации сельского хозяйства, насытившая Россию продовольствием и спасшая ее от тотального голода – кооперация. Эта мера вполне помогла бы продлить некоторое время все лучшее, что содержал в себе социалистический строй. Из нее могли бы вновь произрасти, как ветви вокруг основного корня, крепкие, опять-таки небольшие, “местные”,

но высокооснащенные, материально полноценные хозяйства, состоящие из реально заинтересованных тружеников и, следовательно, имеющие высокую трудоспособность и эффективность производства. Кооперация вполне могла бы даже и на “неперспективных” территориях дальше длиться и тогда еще понемногу длившуюся, хотя и в людях всё более преклонного возраста, крестьянскую укладность. При такой системе и при исторической живучести нашего народа к сегодняшнему дню, возможно, удалось бы решить пресловутую продовольственную проблему¹ – и, как результат, во всяком случае уж точно сохранить преобладание в продаже отечественных натуральных продуктов, а не эмульгаторов, ароматизаторов и прочих стимуляторов и вибраторов вместо нормальной пищи.

Важно отметить, что вплоть до 1990-х гг. в области продолжался рост числа средних школ: со 151 в 1980/81 уч. г. до 185 в 1993/94 уч. г. с ростом числа учащихся с 88380 до 107249 и учителей с 6638 до 10046 соответственно. Правда, общее число дневных общеобразовательных школ уменьшилось в этот период с 607 до 559 за счет сокращения числа начальных и неполных средних – читай, в основном деревенских школ².

Но пресловутый топор никто не думал прятать в подвал. (Почему?!) Третий (и думаю – последний) удар в хребет России нанёс ельцинизм. Ему больше подходит емкое матерное слово, которое начинается с буквы “п”, кончается буквой “ц”, а в слове этом, милостивые государи, ровно шесть букв (как написано у Гоголя в “Иване Ивановиче с Иваном Никифоровичем” про повестовый суд – “в нем, милостивые государи, восемь окошек”). Разговор об этой эпохе заведомо бессмыслен и неприятен, и незачем вести его, всё в свежей памяти.

Наш Костромской район – центральный, “блатной”, на Волге, на трассе Москва–Сибирь, от столицы сравнительно недалеко – по нему социальную ситуацию в области определять нельзя ни в коем случае (туда-сюда мимо нас в фешенебельную VIP-рекреацию для утех и наслаждений столичного размаха, недавно сооруженную в лесу у Лунева под названием “Романов лес” – непременно Романов, какой же еще! – гоняют “кадиллаки” с костромскими номерами – я таких и в Москве не выдвигал). А вы заберитесь, милые, “в область”, в застывшую глубину, на Восток вдоль Транссиба, на Север, за сотни верст от Костромы – в Антропово, Судай, Панкратово, в суровую дичь Заволжья, в заповедную Кологривскую недорубленную покуда тайгу, в вохомско-боговаровские края – вы встретите там эффект *нейтронной бомбы*; натуральный. Травы, заросшая пахотная земля, лес, речки, сельские крыши, скотные дворы, сараи, всё есть – людей только нет.

Мощный генетический и гуманистический запас нашего народа, сосредоточенный в первую очередь в его крестьянстве, столько раз надежно спасавший Родину в самые тяжкие и, казалось бы, безнадежные времена, воскресавший страну из мертвых, похоже, подходит к концу. Крестьянская Нечерноземная Россия стала выживающим из ума одиноким инвалидом... Смотришь в деревнях – бредут дорогами, ветхими улицами какие-то выцветшие люди-тени...

Так или иначе, всегда виновата власть – по характеру безнаказанно, а по средствам и результатам абсурдно управлявшая дивным – совестливым, простодушным, сметливым в массе своей народом. Во всяком случае, совершившая трагедия русского крестьянства в XX веке стала результатом административно-политических воздействий правящих сил, а не каких-либо естественных процессов, проистекавших из глубин самой крестьянской жизни. НЕ НАРОД БЫЛ ВИНОВАТ – уверяюсь в этом все больше и больше, тем более читая не “аналитическую” столичную, а настоящую историю в конкретных подлинниках, да притом и живую постигая костромской деревенский мир. Я те-

¹ Учитывая к тому же, что село к 1990 г. было уже очень сносно механизировано и охвачено транспортным обслуживанием, включая ныне усопшую малую авиацию, личным моторным транспортом сельчан; бензин и солярка, в сравнении с современностью, стоили дешево и лились рекой. Всюду в крупных селах работали детсады, школы и дома культуры, деревня вслед за мировым прогрессом помаленьку тоже цивилизовывала свой быт.

² Приводится по книге: Букенева Л. А., Белова В. В., Груздева Н. А. и др. География Костромской области. Учебное пособие для средней школы. Управление администрации Костромской области. Кострома, 1995.

перь отчасти сам стал деревенский – на клиросе пою, со мной – иной раз на велосипеде по поселку еду – уже некоторые здороваются.

Россия раньше держалась и теперь держится только самой совестью народной, глубокой врожденной порядочностью труженика, неким от Бога данным лучшему человеку из народа здравым постижением жизни, стихийным разумом, который схож с разумом самой природы и небесных сфер. Всё перенесет и перетрудит этот разум.

Диву даешься от того, с каким поразительным цинизмом творилось это злодеяние над собственным народом (власть – она тоже из народа, никуда не денешься), с каким ветхозаветным фарисейским бесчувствием, теплохладным равнодушием к крови и слезам, к боли живого существа Божьего совершались уничтожения безответных людей, уклада и земли... С каким высокомерным пренебрежением к мнению истинного труженика, идиотическим всезнайством – и с какой при этом наглой откровенностью, полускрытой издевательской усмешкой не считала власть крестьянина-кормильца за человека!

Громили крестьянина – и, таким образом, крестьянство со всем его бездонным творческим кладезем – песнями, сказами, рукотворными изделиями, поверьями, со всей красотой, которой он осознанно и неосознанно украшал каждую даже самую незначительную и обыденную часть своей жизни и быта, придавая им непреходящую красоту и смысл. А ведь именно народное творчество составляло ту бесценную и громадную часть национальной культуры (фольклор), которая была главной почвой для лучших творцов Великой Русской Художественной Культуры XIX–XX вв. – от Пушкина и Глинки до Свиридова и Рахманинова. Именно отсутствие активного стихийного народного крестьянского творчества во многом объясняет наступивший сегодня как в России, так и в мире тяжелейший кризис культуры. В. Г. Распутин в разговоре с автором этого письма однажды высказал мысль, что по этой же причине происходит и скудение профессиональной литературы, по-старому – высокой словесности: животворный процесс пополнения ее свежим народным словом, свежей народной интонацией подходит к концу ввиду отсутствия естественных источников обновления. Попросту говоря – речь истощается, язык вымирает, делается суррогатом. Нет этому языку ни почвы, ни жатвы, ни пахаря.

Потому что нет рубцовского Фили. Помните?

*Филия любит скотину,
Ест любую еду,
Филия ходит в долину,
Филия дует в дуду...*

Да мыслимо ли пережить без страшных ран даже могучему организму столько бедствий, гибельных годин? Но нет худа без добра: не за эти ли пережитые, переваренные и перемолотые бедствия Господь до сих пор еще нас терпит? Вы, как бы говорит Он, конечно, дураки редкостные, но вы ведь и натерпелись за дурь-то свою... Ох и натерпелись, как никто – и ведь живы еще, и даже тщитесь сотворять что-то там новое. Ну ладно, еще немного поживите, побудьте, так уж и быть.

Хотелось бы, чтобы так оно и было.

Слетал тут из Костромы в Юрьеvec (тот самый город А. Тарковского) на рейсовом Ми-2 (кажется, только здесь во всей Центральной России благодаря губернаторской поддержке сохранился такой вид транспортного сообщения – но это вообще отдельный разговор). Под квинтовый органный пункт ровнейше гудящих турбин и звончатое хлопанье лопастей слушал и слушал не без удовольствия размеренное однообразное разрешение ненавязчиво визжавшей доминанты в мажорную тонику полтора часа ровного, как на упругом шпагате, полета. Приземлялись по дороге в Кинешме, Красногорье, Нёжитине, прошли вдоль разлива Горьковского водохранилища над устьями Нёмды и Унжи. Сурово затаенная, битая, глухая, полуусопшая – но все еще прекрасная земля внизу, с 250-ти метров высоты по радиовысотомеру. Никогда тайну свою не утратит она, все бывшее, сущее на ней в своем говорящем мол-

чани сохранит, всем суетам вопреки. Донуны и поля попадаются, и дороги, и кой-какие автомобили в редких сельских дворах. Глядишь – где тракторишко ползет, где лесовоз пробирается. Огороды ухоженные, причесанные, рощи березовые девичьи дышат в колышавшихся косынках лнсты, строго плывут еловые и сосновые боры, покуда спасающиеся от бензопилы, при них мягко катятся гладкие поляны. В селах посреди крыш на площадях иногда – храмы! Тянут маковки и пальцы колоколен к небу, к нашему Ми-2, зовут к Богу, к правде, к образумлению! Слепит с них против солнышка новенькое железо и сусальное золото. Скорбно усохшие брошенные деревни и вырубкн – немало... Ручьи какие-то на миг вспыхнут под солнечным небом, таинственно синие, как васильки или девичьи глаза с поволокою, сверкнувшие из-под челки. Громадные яркие разливы и перекааты Волги, точнее – Горьковского моря и вспухших от него устьев рек, в которых, как говорят местные, водится тут даже стерлядь, – какая красота всё это, временам всем, “формациям”, “неизбежностям” и прочим “идеям” вопреки! ОНА ВСЕ ЕЩЕ ЖИВА!

Устал писать, да и довольно уже, ночь. Тепло. Сегодня ливень прошел обильный и нешумный, безветренный, с глуховатым легким громом, лил почти все время под солнцем, радуга после него встала через всю Волгу, к вечеру настала благодатная темнота облаков. Ушел дождь за реку, на Халипино и Иконниково поплыл, в дальние дали, и долго еще с нашей горы в блаженной темноте и тишине вечера видно было, как таинственно всполыхивают в глубине его хмури какие-то обширные огненные сердца... Я счастлив, Родина!

*Какая жизнь отликовала,
Отгоревала, отошла!
И все ж я слышу с перевала,
Как веет здесь, чем Русь жила.*

*Все так же весело и властно
Здесь парни ладят стремена,
По вечерам тепло и ясно,
Как в те былые времена...*

ВЛАДИМИР ДЕНИСОВ

СЕВЕРНОЕ СИЯНИЕ ДЛЯ ОПОРНОГО КРАЯ

Комплексная долгосрочная программа преобразует Урал

Уралом издавна называли огромную территорию – Челябинскую, Свердловскую и ряд других областей. Но это не все земли у Каменного пояса русской земли, как именовали край в старину: они ведь не заканчиваются Ивделем – самым северным городом Свердловской области. До Ледовитого океана ещё тысяча километров. Здесь разместились два автономных округа – Ханты-Мансийский, он же Югра, и Ямало-Ненецкий, образующие Приполярный и Полярный Урал.

По площади нынешний Урал превышает Германию, Францию, Испанию и Великобританию вместе взятых и относится к высокоурбанизированным: горожане составляют 80 процентов из 12,6 миллиона его жителей. Наибольшей плотностью населения отличаются центр и юг округа – 42 человека на квадратный километр (в среднем по России – 8,5 чел./кв. км).

В середине минувшего десятилетия принята долгосрочная комплексная программа “Урал промышленный – Урал Полярный”. Её цель – создание новой минерально-сырьевой базы чёрных, цветных и благородных металлов, энергетического угля и иных полезных ископаемых, чтобы обеспечить и текущую деятельность, и ускоренное развитие крупнейшего индустриального комплекса. По оценкам экспертов, благодаря проекту “Урал промышленный – Урал Полярный” валовой региональный продукт Тюменской области и двух автономных округов вырастет в 2,5 раза, а Челябинской и Свердловской областей – в 3 раза. ВВП России должен увеличиться примерно на 38 процентов.

Реализацию программы “Урал промышленный – Урал Полярный” возглавляет созданная под таким же названием корпорация, акционерами которой стали административные территории УрФО. Задача новой структуры – координировать действия участников, обеспечить максимальную прозрачность для инвесторов, вести торгово-закупочную, коммерческую, сбытовую деятельность, в том числе внешнеэкономическую и посредническую, включая создание совместных предприятий и производств с иностранным участием, оказывать консультационные, сервисные, маркетинговые и иные услуги... Какая нужда породила столь крупную программу? Ведь со школьных лет мы слышаны о несметных природных богатствах Каменного пояса.

Урал как крупная промышленная территория начал формироваться в начале XVIII века в ходе петровской модернизации страны, вынужденно сроч-

ной, как в советское время сталинская и как нынешняя. Первый уральский чугун был выплавлен на казённом Каменском заводе (теперь г. Каменск-Уральский Свердловской области) 15 октября 1701 года – эта дата считается началом промышленного развития региона, и 10 лет назад широко праздновалось 300-летие уральской металлургии. Через два месяца после каменского был получен чугун в Невьянске. Этот завод, где действовало несколько доменных печей, до середины XVIII века оставался самым крупным и технологически наиболее передовым в Европе. В 1703 году начал работать Алапаевский завод, ещё через год – Уктусский (теперь район в черте Екатеринбурга), имевший, помимо чугунного, медеплавильное производство.

Но подлинный размах уральской металлургии связан с формированием крупнейшего в России и Европе частного промышленного комплекса. В 1696 году верхотурский воевода прислал в Москву образцы железной руды, взятые близ реки Нейвы. Руду опробовал тульский кузнец и оружейный мастер Никита Демидович Антуфьев и был восхищён её качеством: “Плавится с выгодой и полученное из оной железо (так называли тогда сталь – **В. Д.**) в оружейном деле не хуже свейского”. В 1699 году началось строительство казённого Невьянского чугуноплавильного и железоделательного завода. Из первого же полученного металла Антуфьев изготовил шесть превосходных ружей и представил их Петру I. Царь был восхищён мастерством русского умельца и подарил ему 100 рублей – тогда очень большие деньги, участок для расширения производства и казённый железоделательный завод в Туле. Антуфьев стал поставщиком оружия для русской армии в начавшейся вскоре Северной войне.

В 1702 году вышел царский указ: передать Никите Демидову (так Пётр стал величать Антуфьева) Невьянский и остальные Верхотурские заводы на реке Нейве с условием 5 лет платить казне железом, работая “про его, великого государя, артиллерии и всего войска потребы”, для чего было разрешено “леса рубить и уголье жечь и всякие заводы строить” – это указы из “Памяти”, устанавливавшей обязанности промышленника. Большое место в ней отводилось охране лесов, “дабы их не опустошать и остановку заводу не чинить”, а также предписывалось содержать “деткам школы, а больным больницы”, а “вина и никакого пьяного питья отнюдь на заводах не держать. А пьяных без пощады всякими наказаниями смирять”.

Никита Демидович готовил прекрасные ружья, лил отменные пушки, а с 1716-го по 1725 год построил на Урале ещё 9 заводов, в том числе Биньговский, Нижнетагильский, Нижнелайский и прочие, а, получив земли в Сибири, и там создал несколько предприятий. Стоит напомнить, что слово “индустрия” в переводе с латыни означает “деятельность”, а во французском языке – ещё и “трудолюбие”. Нижнетагильские мастера, например, со временем сумели создать высококачественную сталь известной и сегодня марки “старый соболь”. В ходе Северной войны уральские частные заводы поставляли русской армии оружие и припасы по ценам в 12 (!) раз ниже европейских. Вовсе не случайно управляющий уральскими казёнными рудниками и заводами В. И. Гарнинг жаловался царю на полную невозможность конкурировать с демидовскими предприятиями. Потому-то уже при Петре рассматривалась возможность приватизации – передачи казённых уральских заводов успешным предпринимателям... Никита Антуфьев за заслуги в развитии индустрии был возведён в дворянское достоинство с фамилией Демидов. Умер ново пожалованный потомственный дворянин в одно время с оценившим его талант царём – в 1725 году, оставив заводы трём сыновьям.

Всего в первой трети XVIII века на Урале возникли 33 завода: 13 принадлежали казне, 12 – промышленникам Демидовым, 2 – Строгановым, 6 – другим частным предпринимателям. Во второй половине того же века построено ещё свыше 100 заводов, из них лишь 5 казённых. Заводы ставились у рек – создание нового предприятия начиналось с плотины: единственным энергоносителем была вода. Уже в 1800 году на Урале выплавлялось 80 процентов всего российского чёрного металла, и страна вышла по его выпуску на первое место в мире, превзойдя былых лидеров – Англию и Швецию. При этом уральские заводчики активно внедряли технические достижения. Здешние древесноугольные домы даже иностранные специалисты считали тогда лучшими в Европе. В 1765 году создана паровая машина И. И. Ползунова – на 20 лет раньше аналогичной машины англичанина Уатта. Эта новинка принципиально изменила технические возможности металлургии. На нижнетагиль-

ском Выйском заводе появился первый русский паровоз отца и сына Черепановых. Так Урал и стал, по поэтическому определению Александра Твардовского, “опорным краем державы, её добытчиком и кузнецом”.

Доминирование в России уральских металлургических заводов продолжалось почти два столетия. Но в 80-е годы XIX века индустриальный центр стал смещаться в южные районы. Снижение промышленной роли Урала было вызвано, в первую очередь, устаревшей системой собственности: владея и заводами, и ресурсами, хозяева уральских предприятий поддерживали конкурентность производства не путём вложений капитала в его техническое совершенствование, а за счёт почти бесплатной сырьевой базы и невысокой стоимости труда. К 1890 году за 262 российскими железодельными заводами числилось 11,4 миллиона десятин земли, из которых 10,2 миллиона десятин, или 90 процентов, было закреплено за 111 уральскими предприятиями. Их собственники ограждали заводы от проникновения чужого капитала. А вот в промышленность Юга пришли иностранные инвестиции, обеспечив использование передовой технологии, организации производства и подготовки кадров. Заводы Донбасса и Криворожья строились с ориентацией на полный металлургический цикл – от выплавки чугуна до выпуска разных видов проката. При этом доменные печи работали на коксе с применением горячего дутья, что интенсифицировало плавку, в энергетическом хозяйстве использовались электродвигатели, в то время как на Урале производственные возможности зависели, главным образом, от высоты заводских плотин и, соответственно, напора воды, а доменные печи, маломощные по сравнению с южными, по-прежнему использовали древесный уголь.

Понять различие в развитии двух основных металлургических районов тогдашней России позволяют такие сопоставления: в 1913 году в стране действовала 141 доменная печь, причём три четверти из них располагались на Урале. Но они давали только 25 процентов общероссийской выплавки чугуна. В среднем одна уральская домна поставляла 12,3 тысячи тонн чугуна в год, или в 5 раз меньше, чем одна южная, – 63,3 тысячи тонн. И в среднем по России этот показатель составлял 30,2 тысячи тонн, в то время как в Германии – 53,7 тысячи тонн, а в США – и вовсе 125,6 тысячи тонн. Понятно, что и себестоимость южной продукции была ниже уральской, поэтому заводы Донбасса и Криворожья получали крупные государственные заказы, премии за поставку высокотехнологичной продукции, в частности, рельсов, и иные преференции.

Только в XX веке началась неспешная реконструкция уральской металлургии. А завершилась она уже в советские пятилетки – собственными силами и на собственные средства. Обновлённые старые и созданные новые крупные металлургические предприятия поставляли металл для всей отечественной промышленности, стремительно росшей в годы индустриализации. Уральцы опять вышли на передовые позиции как первопроходцы новейших технологий. Урал сформировался и как крупный центр машиностроения, в том числе для нужд обороны и освоения космоса. Заводы выпускали технику различного назначения – от мощных прокатных станков и шагающих экскаваторов до изделий микроэлектроники и товаров массового потребления. В 70–80-е годы ушедшего века в одном лишь Свердловске насчитывалось около трёхсот заводов, большей частью машиностроительных. Популярная шутка тех лет: на Урале действуют предприятия всех союзных министерств, кроме министерства иностранных дел.

Когда строители под руководством капитана В. Н. Татищева, будущего крупного государственного деятеля, экономиста и историка, ставили для Екатеринбургского завода плотину на реке Исеть, вокруг шумела девственная тайга. А чтобы теперь увидеть малообжитые места, надо долго лететь на север. Каменный пояс русской земли продолжает усиливать индустриальную мощь. В новых экономических границах округ обеспечивает пятую часть всего российского промышленного производства, в том числе 45,4 процента топлива, 42 процента чугуна, почти 40 процентов стали, более 37 процентов проката чёрных металлов, 44 процента стальных труб, 40 процентов продукции цветной металлургии, 10 процентов машиностроительной.

В последнее десятилетие предприятия металлургических отраслей основательно обновились, сравнявшись по уровню технологий с лучшими заводами США и Западной Европы, а кое в чём и превзойдя их. В чёрной металлургии на смену устаревшим мартеновским печам пришли кислородные конвертеры

и дуговые сталеплавильные печи. Не вдаваясь в сложные технические подробности, отметим следующее: плавка в 180-тонной мартеновской печи длится 11–12 и более часов в зависимости от сорта стали, а в 180-тонном кислородном конвертере с донной продувкой – примерно 40 минут! Важнейшее преимущество этой технологии в том, что процессы механизированы и автоматизированы, поэтому всё чаще управление конвертерными печами поручается компьютерам. Сегодня массовое использование мартенов в какой-либо стране означает её серьёзное технологическое отставание. Из крупных металлургических стран такие печи, к сожалению, всё ещё массово остаются на Украине, где давно назревшая модернизация или велась очень медленно, или вообще не велась – в первую очередь из-за непредсказуемости ющенковско-тимошенко-вской власти, то отдававшей заводы в собственность компаниям, то затевавшей “переприватизацию”. Как же в таких условиях рисковать миллиардными средствами?

Другое важнейшее технологическое новшество связано с подготовкой стали к прокатке. Потребителям ведь нужен не вообще металл, не стальные чушки, а прокат, листовой и сортовой – рельсы, балки, швеллеры, колонные профили. . . С незапамятных времён сваренную в печи сталь разливали в специальные вагонетки-изложницы, чтобы затвердела. Смысл в том, что при остывании происходит кристаллизация металла, как воды при замерзании, превращении в лёд. А только что выпущенная из печи сталь – по сути, та же вода с температурой, близкой к 1500 градусов: её не прокатаешь. После остывания в изложницах слитки опять нагревали и прокатывали сперва на обжимных, иначе заготовочных, станах – слябингах и блюмингах. И только после осмотра полученных таким способом заготовок и устранения дефектов поверхности – закатов, трещин и прочих происходил ещё один разогрев, а затем прокатка на специализированных станах, листовых и сортовых. Слишком много дорогих промежуточных операций!

Ещё в середине прошлого века в мире началась технологическая революция: были созданы машины непрерывного литья заготовок – МНЛЗ. Жидкая сталь поступает из печи в “изюминку” машины – охлаждаемую водой форму-кристаллизатор, в которой формируется заготовка с параметрами, нужными для специализированного стана, куда она поступает всё так же раскалённой. С появлением МНЛЗ оказались лишними долгие и дорогие промежуточные операции – разливка в изложницы, остывание, обрезка суженных концов слитка, что означало отправку 15–20 процентов только что выплавленной стали прямиком в металлолом, новый разогрев, обжим в заготовку, устранение дефектов поверхности и ещё один разогрев. . . В новых прокатных цепочках не нужны ни изложницы, ни блюминги со слябингами. Экономической выгодой непрерывная разливка сопоставима с переходом от мартеновских печей к конвертерным. В последнее десятилетие в России, как и в других крупных металлургических странах, ни один новый сталеплавильный цех не принимается в эксплуатацию без МНЛЗ. Ими оборудованы и ранее действовавшие производства.

Модернизированное производство требует новых кадров. На Урале и, в частности, на Магнитке их обучение, повышение квалификации стало одним из основных направлений социальной политики. Руководство ММК во главе с В. Ф. Рашниковым сотрудничает с созданным при их же участии корпоративным центром “Персонал”, с городскими школами, используя прежнюю систему профориентации и повышения квалификации. Как в советское время, проводятся конкурсы “Лучший молодой рабочий по профессии”, “Лучший молодой руководитель ММК”. Здесь по-прежнему соревнуются бригады, участки, цехи, что утрачено едва ли не во всей стране. Как и раньше, действует совет молодых специалистов, дополненный ещё и комбинатским союзом молодых металлургов.

Почему в одних отраслях заводская солидарность, ответственность спасла предприятия от захватчиков и развала, сохранив наработанный опыт, а в других, как на Уралмаше, вовсе не проявилась? Точного ответа не знаю, но, думаю, не могло не сказаться, что труд в металлургии по своей сути глубоко коллективен. В металлургии вообще нет успешных одиночек: не только конечная продукция, но и промежуточные полуфабрикаты требуют слаженных усилий. И соревнование возможно только бригадами, и заработок каждого, как и самочувствие, напрямую зависит от общих результатов.

Потому-то и личная ответственность чрезвычайно высока. Вот какие требования включены в должностную инструкцию подручного сталевара: наблюдать за основным и вспомогательным оборудованием, устройствами автоматического регулирования, подъёмно-транспортными средствами, контрольно-измерительной аппаратурой. А в перечне неперенных личных качеств значатся чёткость, аккуратность, наблюдательность, ответственность, умение работать в коллективе, знание химии, физики, электротехники, свойств материалов, устройства и принципов работы технологических установок, различных видов и типов приборов, подъёмных механизмов, электродвигателей... Впечатляет? Если такой набор качеств обязан иметь **подручный**, не закономерно ли, что металлургические заводы не только не потерялись в трудное время, но и основательно обновились, сравнявшись по уровню технологий с лучшими предприятиями США и Западной Европы, а кое в чём и превзойдя их. Люди с такими знаниями и ответственностью и не могли поступить иначе.

Что принесли предприятиям профессионалы высокого уровня, видно на примере того же Магнитогорского металлургического комбината, акционированного в 1992 году. Основной задачей стала тогда модернизация производства, рывок до высокого технического и технологического уровня, ведь комбинат вошёл в рынок с износом производственных фондов в 89 процентов — это же форменный разгром! А страну постиг экономический спад, крупные потребители металла — машиностроительный и оборонный комплексы оказались на грани останки. К 1996 году выпуск готового проката на Магнитке упал до 5,8 миллиона тонн — почти вдвое меньше уровня 80-х годов. Комбинату ничего не оставалось, как переориентироваться на экспортные поставки, и доля вывоза в отдельные годы достигала 70 процентов. На выроченную валюту шло обновление производства. Был реконструирован сталеплавильный передел с полным переходом на конвертерную плавку и непрерывное литьё заготовок. И в прокатных цехах действует новая техника, включая стан 5000, катающий лист шириной 5 метров для судостроения и производства труб большого диаметра. Создано и совсем новое производство: установка антикоррозийной защиты стали — агрегаты непрерывного горячего цинкования и нанесения полимерных покрытий. Показательно, что очень значимый инвестиционный проект — стан 5000 завершён в разгар нынешнего кризиса, и это позволило создать на комбинате около полутора тысяч новых рабочих мест. А ведь Магнитогорск остаётся моногородом: кроме комбината, здесь нет других крупных предприятий...

Ещё новинка — завершающееся создание стана 2000 для выпуска высококачественного автомобильного листа. Будущая продукция, её технические и технологические характеристики уже сертифицированы у крупнейших мировых автопроизводителей, но поставлять её комбинат станет отечественным автозаводам. Первая очередь нового комплекса начнёт действовать в нынешнем году, так что число горожан, занятых в металлургическом производстве ММК, вырастет ещё почти на 1100 человек.

Как бы отрицательно ни относиться к приватизации — она вполне заслужила всякую хулу, но, тем не менее, люди, понимающие условия, способы и внутренние законы промышленного производства, не могут не признать, что разгосударствление предприятий, даже проведённое по-ельцински безграмотно и безобразно, принесло заводам то, чего им десятилетиями катастрофически недоставало, — право самим решать, исходя из общей экономической конъюнктуры, как вести дела, какое оборудование устанавливать, а какое демонтировать на металлолом, какую выпускать продукцию, кому и в каком объёме поставлять... Напомню, что экономическая реформа 60-х годов, начатая председателем Совета Министров СССР А. Н. Косыгиным, предполагала мягкий переход производителей к такой самостоятельности, причём с сохранением государственной собственности на средства производства. До этого в стране продолжала действовать сталинская модель мобилизационно-догоняющего развития, вынужденно принятая в первые пятилетки, когда и не было выбора: только предельная концентрация всех производственных и финансовых ресурсов в руках государства, жёсткое централизованное управление товарными потоками, ценами, номенклатурой изделий и прочие строгости позволили решить задачу, казалось бы, не поддававшуюся решению — в кратчайший срок создать новые отрасли промышленности, модерни-

зировать аграрный комплекс и подготовить страну к тяжелейшей войне. Ясно, что при мобилизационном подходе не рынок определял, кому, что и в каком объёме производить, куда и по какой цене поставлять, а директивный центр, исходя из нужд страны.

Мобилизационный период длился четверть века и завершился с полным восстановлением разрушенного войной хозяйства и созданием ядерного оружия, когда уже никто не мог бы безнаказанно напасть на СССР. В конце 40-х – начале 50-х годов и И. В. Сталин с единомышленниками, и многие специалисты министерств и предприятий понимали, что пришла пора кардинально менять отношения управляющего центра с производством: модель, когда задачи определяются и решаются лишь строгими указаниями сверху, стала существенно тормозить развитие страны. Но к власти пришёл Хрущёв, малограмотный и, как все невежды, самонадеянный. . .

Экономическая модель, предложенная Косыгиным, давала заводам возможность по своему усмотрению устанавливать кооперационные связи, продавать сверхплановую продукцию, образовывать из прибыли фонды развития производства, материального поощрения, социально-культурных мероприятий и жилищного строительства. По сути, реформа создавала первичные условия для формирования регулируемого рынка, переход к которому был бы неспешным и щадящим. Новая экономическая модель никак не угрожала социализму, если, конечно, понимать его как справедливый строй для народа, а не как абсолютную власть и привилегии партийно-государственных чиновников. Рынок – всего лишь наиболее удобный способ товарообмена, а потребителям неважно, кто управляет предприятием, выпускающим нужные изделия, – государство или коллектив, главное, чтобы продукция была качественной, поставлялась в срок и по приемлемой цене. Основное же условие формирования рынка – независимые производители. Как только над ними перестают нависать чиновники, диктующие, что, когда и как выпускать, кому, в каком объёме и по какой цене поставлять, производителям и девать-то некуда свою продукцию, кроме как продавать всем желающим, – вот вам и рынок.

Если бы косыгинские идеи удалось реализовать в полной мере, отечественная экономика плавно перешла бы от директивно-мобилизационной модели к цивилизованно-рыночной с разумной долей государственного регулирования. Но против новшеств насмерть встал партийный аппарат: если производители самостоятельны, то управлять придётся не навязыванием решений сверху, а на основе законов, обязательных для всех. Для многомиллионного чиновничества это означало бы утрату монопольного положения и связанных с ним привилегий, потому-то оно упорно саботировало реализацию новшеств. Так происходило на всех уровнях управления, включая высший.

А. Н. Косыгина активно поддерживал В. И. Долгих, 20 лет работавший на инженерно-технических должностях Норильского горно-металлургического комбината, в том числе его генеральным директором, заслужив звание Героя Социалистического Труда, а позже став первым секретарём Красноярского крайкома КПСС и секретарём ЦК КПСС. Владимир Иванович курировал горную, металлургическую и иные базовые отрасли экономики. Мне выпало увидеть его в деле в Кузбассе, где на пристанционных погрузочных площадках скопились тысячи тонн угля. А как раз начались очередные события в Польше, переставшей из-за внутренней смуты поставлять топливо Прибалтике. Долгих вместе с руководством Кемеровской области и железной дороги организовали срочный вывоз угля, оперативно решая все проблемы, и сложное положение удалось поправить в считанные недели.

К нашей беде, такие люди, как Косыгин и Долгих, составляли незначительное меньшинство в цеховской “идеологической массовке”, озабоченной отнюдь не решением перезревших хозяйственных проблем в государстве. Но известно же: что объективно назрело, но не меняется путём реформ, рано или поздно осуществится погромным революционным способом, каким, по сути, и стала приватизация. Её цели и методы тоже, кстати, в немалой степени продиктованы аппаратом, сумевшим извлечь собственную выгоду и из разгосударствления экономики. . . Не осмыслив этих закономерностей и последствий, можно в будущем снова обречь страну на тяжкие потрясения и невосполнимые утраты.

300-летие уральской металлургии означало трёхвековое интенсивное изъятие местных природных ресурсов. Демидовские чугунолитейные, железоделательные и медеплавильные заводы располагались близ штолен, позже – у шахт, на запасах, к нынешнему времени уже отработанных или близких к тому. В последние десятилетия на Урале возник острый дефицит сырья, и многие крупные предприятия восполняют его привозной рудой: Магнитогорский комбинат – казахстанской, Челябинский – сибирской, Орско-Халиловский – белгородской, причём руда с месторождений Курской магнитной аномалии поступает и на другие уральские заводы. Уралу недостаёт собственных легирующих добавок – марганца, хрома, никеля, молибдена для выплавки специальных сортов стали. Местные топливные ресурсы ограничены высокозольным челябинским каменным, бурым карпинским углём да ещё несколькими месторождениями, не осваиваемыми из-за низкого качества.

Мегапроект “Урал промышленный – Урал Полярный” включает три направления реализации: геологоразведка и недропользование, развитие энергетической базы и транспортного строительства. К нынешнему времени ресурсная проблема на Каменном поясе приобрела исключительную остроту. Чтобы удовлетворить потребности промышленных предприятий, в округ ежегодно ввозится более 20 миллионов тонн железной руды, 21 миллион тонн энергетического угля, 15 миллионов тонн коксующегося, 500 тысяч тонн хромовых руд и концентратов, 900 тысяч тонн медных, 1700 тысяч тонн марганцевых, а всего более 60 миллионов тонн сырья. Почти все поставки дальние, с “плечом” завоза от 1500 до 3500 километров. В последние годы Урал испытывает и нехватку электроэнергии. Ещё в 2001 году энергоснабжение, казалось бы, не вызывало опасений: суммарная производственная мощность электростанций составляла 10,4 тысячи мегаватт, а пиковая нагрузка – лишь 7,65 тысячи мегаватт. Но растущий объём производства сказался и на энергетическом балансе: уже в 2008 году при энергомощностях, возросших до 11,3 тысячи мегаватт, использование электроэнергии впервые превысило её производство. Разрыв возможностей и потребностей растёт и, по прогнозу, составит в 2015 году 4,5 тысячи мегаватт. Для сравнения: в 2010 году мощность Братской ГЭС, одной из крупнейших в России, равнялась 4,515 тысячи мегаватт. Иначе говоря, Уральскому федеральному округу для восполнения дефицита вот-вот потребуются дополнительная энергия такой станции, как Братская! А ведь производство будет расти.

Чтобы обеспечить промышленность Урала сырьём и энергией, приходится обращаться к запасам приполярного и полярного регионов Урала. Эту идею в начале прошлого века высказывал Д. И. Менделеев, считавший важным строить здесь железные дороги по широтно-меридианной схеме. Хотя, конечно, Дмитрий Иванович ещё не имел точной информации о приполярных ресурсах. А они велики: по данным ВИМС – Всероссийского научно-исследовательского института минерального сырья им. Н. М. Федоровского, разведанные запасы железной руды составляют 5,9 миллиарда тонн. При необходимом уровне ежегодной добычи в 25 миллионов тонн и с учётом растущей потребности этих приполярных ресурсов должно хватить на десятилетия. Внушительны и иные “кладовые”: запасы энергетического угля оцениваются в 36 миллиардов тонн, коксующегося – более 1 миллиарда тонн с возможностью отработки не менее 50 лет, марганцевых руд – свыше 1,5 миллиарда тонн (более 100 лет), хромистых – 914 миллионов тонн (свыше 100 лет), медных – 25,2 миллиона тонн (более 100 лет), тантал-ниобиевых – 20 миллионов тонн (более 25 лет), фосфоритов – 460 миллионов тонн (более 50 лет), рудного золота – 300 тонн. Детальная разведка месторождений уточнит объём запасов, скорее всего, в сторону увеличения. Часть ресурсов сконцентрирована в зоне намеченной к строительству железной дороги Полуночное – Обская вдоль восточного склона Уральских гор, что кратчайшим путём соединит Приполярье с густо населёнными местами.

Согласно приказу министра природных ресурсов и экологии России Ю. П. Трутнева об утверждении комплексного плана развития минерально-сырьевой базы до 2015 года по программе “Урал промышленный – Урал Полярный”, на территории Северного, Приполярного и Полярного Урала уже идёт комплексная разведка запасов. Определён объём финансирования

в 4 700 миллионов рублей – из средств федерального бюджета, субъектов РФ и внебюджетных источников. До 2012 года продолжатся начатые ранее поисковые работы, чтобы скорректировать прогнозные ресурсы основных видов твёрдых полезных ископаемых и подготовить перспективные площади к детальному геологическому изучению. Поиски железных руд сосредоточатся, в первую очередь, в пределах Обской и Щучинской железорудных зон и Охлямо-Янытуринского рудного узла, хромитовых – в Рай-Изском и Войкаро-Сыньинском, медных и цинковых – в Вольинском и Северо-Сосьвинском рудных районах, на Лекын-Тальбейском рудном узле. По итогам геологоразведочных работ будут переоценены объёмы природных ресурсов.

По мнению генерального директора корпорации “Урал промышленный – Урал Полярный” Р. А. Сайтова, использование приполярных и полярных запасов даст возможность обеспечить предприятия округа углём, бокситами и многими другими ресурсами, востребованными, в частности, металлургической промышленностью региона. Проект, таким образом, защищает интересы отечественных производителей, позволяет снизить себестоимость их продукции. Это, в свою очередь, даст возможность направить высвободившиеся финансовые ресурсы предприятий на их модернизацию, а некоторых – и на перепрофилирование.

Одной из сложных задач первопроходцев всегда была надёжная связь осваиваемой территории с освоенными. И в планах уральцев намечено создание комплекса железных, автомобильных дорог и трубопроводов. Задача эта не простая, особенно с учётом природно-климатических условий. Попытки проложить капитальные пути к богатейшему северу, протянувшемуся от Мурманска до Чукотки, предпринимаются с XIX века. Первой стала в 1894 году железнодорожная линия Вологда – Архангельск, первоначально узкоколейная. Позднее она стала продолжением дороги Москва–Ярославль–Вологда и перешита на широкую колею. В 1899 году построена трасса, соединившая Вятку с Котласом. В 1939–1941 годах проложена Печорская магистраль – от архангельского посёлка Коноша до Воркуты. В 1970-е годы построена ветка от Архангельска до пинежского села Карпогоры. Все эти линии – в европейской России.

Задача более надёжно связать наш протяжённый север с обжитыми районами страны вынудила начать вскоре после Великой Отечественной войны создание Трансполярной железной дороги – от станции Чум на Печорской магистрали в Республике Коми через Салехард на Оби к Красноярской Игарке. Стройка велась в 1947–1953 годах. Трасса начиналась за Полярным кругом и, пересекая Уральские горы, шла по болотистому северу Западно-Сибирской равнины. Конечный её участок тоже был запланирован как заполярный – от Ермакова до Игарки. Это печально знаменитая дорога: её создавало особое ведомство – Главное управление лагерного железнодорожного строительства (ГУЛЖДС), входившее в систему ГУЛАГа. Основной рабочей силой были заключённые и ссыльные, вольнонаёмные занимали в основном руководящие должности.

Определённым толчком для такой стройки стали пиратские рейды в Карское море и к Обской губе в 1942–1943 годах линкора “Адмирал Шеер” и подводных лодок фашистской Германии, показавшие незащищённость нашего арктического побережья. Считается, что идея строительства дороги принадлежит И. В. Сталину, якобы сказавшему после войны: “Надо братья за север: Сибирь не прикрыта, а ситуация очень опасна”... Ещё в 1944 году учёные Арктического научно-исследовательского института подготовили доклад о перспективах Северного морского пути, подчёркивая важность создания в Заполярье крупного порта – промежуточной базы морских коммуникаций, опирающейся на сеть железных дорог. Новую гавань предполагалось использовать также для размещения основных сил Северного военно-морского флота. Активными сторонниками такого строительства были известный полярник И. Д. Папанин и его соратник П. П. Ширшов, ставший тогда консультантом члена Политбюро ЦК ВКП(б), заместителя Председателя Совета Министров СССР и министра иностранных дел В. М. Молотова по вопросам освоения Севера. 4 февраля 1947 года Совмин принял постановление № 228-104-сс (то есть “совершенно секретно” – **В. Д.**) “О производстве проектно-изыскательских работ по выбору места для строительства порта, судоремонтного завода в районе Обской губы и железной дороги от Северо-Печорской магистрали до порта”. Была организована Северная проектно-изыскательская экспедиция,

и **через трое суток** первая группа специалистов вылетела в район будущей стройки. Уже в марте, создав опорные базы в Воркуте, Салехарде и Новом Порту, они начали полевые работы.

22 апреля 1947 года Совет Министров СССР обязал МВД немедленно приступить к созданию на западе Обской губы у посёлка Мыс-Каменный в Ямало-Ненецком автономном округе крупного морского порта, судоремонтного завода, жилья, а также начать строительство железной дороги от станции Чум Печорской магистрали к будущему порту. Приказом министра внутренних дел СССР С. Н. Круглова 28 апреля 1947 года созданы Северное управление ГУЛЖДС и стройка № 501. В партийном отношении её курировал Коми обком ВКП(б). А 13 мая того же года начались земляные работы от станции Чум на восток. Таковы темпы: от правительственного решения до начала стройки прошло **три недели!** И уже 2 августа 1947 года в эксплуатацию сдан мост через реку Воркуту. Сооружение считалось настолько важным, что финансировалось через Промстройбанк не по утверждённой смете, а по фактическим затратам. 5 декабря 1947 года открыто рабочее движение поездов на участке Чум – Сось протяжённостью 118 километров. Через Полярный Урал дорогу проложили по прорезавшей его Сось-Елецкой долине – естественному проходу в горах, по которому с незапамятных времен тянулась “ворга” – древняя тропа оленеводов. Станция Елецкая расположена на территории Коми республики, а разъезд Сось находится в Приуральском районе Ямало-Ненецкого округа.

К концу 1947 года проектировщики пришли к выводу о строительстве, в первую очередь, железной дороги к устью Оби близ посёлка Лабытнанги и расположенного на другом берегу Салехарда. Это открывало транспорту выход в северную часть обширного Обь-Иртышского бассейна. Тогда же выяснилась и невозможность строительства порта в посёлке Мыс-Каменный, и номерная стройка 502 была прекращена. На 1948 год поставили задачу уложить главный путь от разъезда Сось до станции Обская с веткой до посёлка Лабытнанги, привести железнодорожные пути Чум – Сось в состояние, обеспечивающее непрерывное движение поездов, построить мосты через реки Уса, Воркута, Лек-Елец и Монита-Шор. Если учесть, что в условиях урало-сибирского Заполярья такой объект возводился впервые, надо считать героями всех, кто в экстремальных условиях уложился в краткий срок, завершив 196-километровую ветку Чум – Лабытнанги к 5 декабря 1948 года, когда на левый берег Оби пришёл первый состав.

Хотя проект дороги к Мыс-Каменному оказался не востребовавшимся, осталась приоритетной идея заполярной гавани на Северном морском пути. Новое место выбирала правительственная комиссия, предложившая создавать порт в районе Игарки. Для этого следовало продолжить железную дорогу от Оби до пос. Ермаково на левобережье Енисея. Будущий новый порт вместе с правобережным Дудинским были бы одинаково доступны и для речных, и для морских судов, а выход дороги на стык водных коммуникаций обещал формирование здесь крупного транспортного узла. Экономически новый проект представлялся выгоднее предыдущего: развитие линии на восток создавало предпосылки для развития Норильского горно-металлургического комбината и обеспечивало надёжную связь северо-сибирской окраины с индустриальными центрами. Совет Министров СССР согласился перенести порт в Игарку, где было сформировано управление строительства № 503, и отряды создателей полярной дороги пошли с запада и востока навстречу друг другу. Несмотря на экстремальные условия, к началу 1953 года из запроектированных 1482 километров успели построить около 800. На западном отрезке успели полностью завершить создание ветки Чум – Лабытнанги и открыть рабочее движение от Салехарда до Надыма, а на востоке – от Ермакова до Янова Стана на реке Турухан, левом притоке Енисея. Через Обь и Енисей действовали паромно-ледовые переправы. Недостроенным оставался лишь центральный участок, хотя и здесь успели отсыпать примерно 150 километров земляного полотна. Тут-то и грянули перемены: вскоре после смерти Сталина правительство решило временно законсервировать строительство.

Но сама идея заполярного рельсового пути осталась актуальной. Попытки возродить “мёртвую дорогу” предпринимались в 60-е годы, когда в Тюменской области открыли огромные запасы нефти и газа, и их освоение потребовало устойчивого и надёжного сообщения. Но тогдашнее руководство МПС наотрез отказалось браться за “обузу сталинского произвола” – такой эконо-

мической гримасой отозвался ХХ съезд КПСС... В последние десятилетия “мёртвая дорога” представляет собой малоприятное зрелище: полноценно действует отрезок Чум – Лабытнанги, ставший частью Северной железной дороги. Но нет моста через Обь, ширина которой более двух километров, а потому Салехард остался без рельсового пути. Участок до Надыма заброшен, во многих местах исчезли рельсы. Отрезок Старый Надым – Коротчаево частью используется для местных нужд, частью реанимирован Свердловской железной дорогой. Почти совсем заброшен отрезок до Игарки.

А ведь ещё в 1966 году вблизи брошенной магистрали открыто Уренгойское газовое месторождение – второе в мире по величине! Почему дорога, во многом уже готовая, так и не была востребована, здравому уму не понять. По расчётам, проведённым в конце 70-х годов Сибирским отделением АН СССР, эта недалёковидность тогдашнего руководства обошлась стране в 10 миллиардов полновесных советских рублей.

Дорога в этих местах всё же появилась, но позже, южнее и меньшей значимости – от Ивделя к Оби. Этот стальной путь тоже сооружался в сложных природно-климатических условиях, пересекая вековую тайгу, топкие болота, многоводные реки Лозьву, Пелым, Конду, Негынь. Журналисты, писавшие о сооружении новой трассы, величали её “магистралью подвигов”. Прокладывать 375-километровую линию в 1959 году поручили военным строителям-железнодорожникам во главе с В. А. Казимирчуком, имевшим опыт сооружения не менее сложной трассы Абакан – Тайшет. Стройка Ивдель – Обь была обеспечена приличной по тому времени техникой – бульдозерами, экскаваторами, грейдерами, самосвалами, путеукладчиками. К 1962 году полотно проложили до станции Геологическая (теперь г. Югорск), а в 1965 году дорога протянулась уже до Нягани – это 340 километров из 375 спроектированных. Но чем дальше на восток продвигались военные строители, тем труднее давалась прокладка: бывало, в удачный день они проходили до четырех километров, а потом не могли освоить и сотню метров. Основная преграда – огромные болота: их нередко преодолевали на плотках, прокладывая лежнёвые дороги и ведя “выторфовку” – выемку мощных пластов торфа, причём глубина трясины превышала местами шесть метров.

Первый поезд на конечную станцию Сергино пришёл в 1967 году, но чтобы сдать новую дорогу в постоянную эксплуатацию, трудились ещё почти два года – до 2 апреля 1969 года. В сборнике воспоминаний военных строителей, прокладывавших железнодорожные пути в самых сложных условиях – в Сибири, в пустыне Гоби, на топком западе Карелии и в иных неблагоприятных местах, глава о дороге Ивдель – Обь называется “Труднее трассы не было”... Но есть и приятная особенность: магистраль окупилась ещё до её завершения – за счёт заготовок перестоявшей древесины в окрестной тайге – это, кажется, единственный случай в отечественном железнодорожном строительстве. Вдоль новой трассы возникли посёлки Таёжный, Пионерский, Комсомольский, Зеленоборский, Коммунистический, Нягань, Сергино, Приобье. В них появились леспромпхозы и иные промышленные предприятия, кварталы благоустроенных домов... А из Тавды, города на восточном краю Свердловской области, пролегла железная дорога до станции Сотник в Кондинском районе Ханты-Мансийского округа. Ещё одна линия – от Сургута к Новому Уренгою создана в 1983–1990 годах.

С ускоренным развитием добычи газа в Ямало-Ненецком округе, появлением новых посёлков и городов, с углубляющейся реализацией программы “Урал промышленный – Урал Полярный” весьма насущной задачей стало восстановление, во многом, по сути, новое строительство легендарной полярной трассы. В сентябре 2009 года президент ОАО “Российские железные дороги” В. И. Якунин, выступая в Салехарде на совещании с участием Председателя правительства РФ В. В. Путина, заявил, что “Стратегия развития железнодорожного транспорта РФ до 2030 года” предусматривает создать на севере Уральского федерального округа новые железнодорожные линии протяженностью 3079 километров. В транспортном разделе программы “Урал промышленный – Урал Полярный” прорывным стал 2010 год, когда от подготовки документации перешли к реализации масштабного замысла. Северный широтный ход – так теперь называется бывшая “мёртвая дорога” – предполагается завершить к 2015 году. Линия общей длиной 707 километров пройдет от Салехарда – через Надым до Нового Уренгоя на востоке Ямало-Ненецкого округа. Железная

дорога обеспечит доступ к крупным газовым и иным месторождениям. По расчётам, годовая перевозка грузов по магистрали должна составить к 2016 году не менее 26 миллионов тонн. Позже этот путь будет продлён до Енисея.

Северный широтный ход объединяет интересы и зоны ответственности крупных экономических структур — корпорации “Урал промышленный — Урал Полярный”, компаний “РЖД” и “Газпром”. Каждый из тройки причастен к возведению железнодорожного пути, который завершит логистическую схему перевозки грузов по уральскому северу, а через полярную часть Красноярского края обеспечит выход на шельф Ледовитого океана и соединение с Северным морским путём через порт Сабетта, создание которого запланировано на полуострове Ямал. Порт задуман как современный многофункциональный. Потом железная дорога будет продолжена до станции Дудинка в нижнем течении Енисея! Такая полярная магистраль, соединённая с действующими дорогами, в частности, Сургут — Новый Уренгой — Ямбург, многократно ускорит освоение и Ямала, и всего тюменского и Красноярского севера. Прокладка Северного широтного хода означает, что началось решение одной из великих стратегических задач отечественной экономики — долгосрочного комплексного освоения огромной части российского Заполярья, ведь Дудинка — это восточный берег Енисея!

Об огромном значении Северного широтного хода не только для России говорит уже тот факт, что ради финансирования трассы консорциум крупных европейских банков намерен открыть кредитную линию на сумму свыше миллиарда евро. Сейчас в проекте пять участников: строительство курирует Минтранс РФ, а исполняют — компании “Российские железные дороги” и “Газпром”, корпорация “Урал промышленный — Урал Полярный” и администрация Ямало-Ненецкого округа. Северный широтный ход примыкает к 540-километровой железной дороге Обская—Бованенково, протянувшейся в глубь полуострова Ямал к крупному нефтегазоконденсатному месторождению с запасами в 4,9 триллиона кубометров и годовой проектной добычей в 115 миллиардов кубометров. Здесь же строится газопровод Бованенково—Ухта, сдать в эксплуатацию который намечается в третьем квартале 2012 года.

На Ямале был опробован новый принцип укладки земляного полотна в полярных условиях: зимой мёрзлую тундровую трассу закрывали мёрзлым же грунтом, а летом доводили насыпь до проектного профиля сухим грунтом. В качестве основы использован дренирующий суглинок. Для защиты от разрушения применены тепловые амортизаторы из пеноплекса. Благодаря таким новшествам удалось обеспечить стабильное состояние полотна, не допуская тех разрушительных, последствий, что наблюдались на ранних высокоширотных магистральных стройках, в частности, на Трансполярной и БАМе. Закончить дорогу Обская—Бованенково первоначально планировалось в начале 1990-х годов, но сложность и удаленность трассы, перенос освоения месторождения из-за падения мирового спроса на газ, организационная, да и политическая неразбериха перестроенного времени превратили и её в долгострой. Лишь 4 июня 2009 года закончено сооружение железнодорожного моста через пойму реки Юрибей на Ямале, а 12 января 2010-го открыто рабочее движение по всей трассе.

Как пояснил заместитель генерального директора корпорации “Урал промышленный — Урал Полярный” Б. А. Кириллов, строительство Северного широтного хода продлится пять лет. Корпорация использует опыт компании “Ямалтрансстрой”, которая, создав трассу на полярном полуострове, и здесь станет одним из подрядчиков. Заключено соглашение с крупными европейскими производителями новых строительных материалов, начиная от георешётки, разработанной компанией “Тэнсар” в Великобритании, и заканчивая отсыпкой специальных плотных слоев щебня по технологии чешской компании “ОХЛ”. Речь идёт о покупке не готового продукта, а лицензии на его производство. Новые строительные материалы будут выпускаться в России из отечественного сырья.

* * *

Северный широтный ход вместе с ответвлениями и действующими в близких широтах трассами, в частности, Сургут—Новый Уренгой и Ивдель—Обь замкнёт логистическое кольцо вокруг освоенных и осваиваемых месторожде-

ний севера Уральского округа, выводя грузопотоки в Красноярский край, на юг Тюменской области и в европейскую часть России. По оценке отечественных и международных экспертных компаний, уровень загруженности Северного широтного пути превысит порог рентабельности в два раза, а прогнозируемый период окупаемости составит 6–8 лет. Поскольку российская экономика ещё только восстанавливается после резкого падения 2008–2009 годов, решено пока не начинать создание транспортного коридора Полуночное–Обская вдоль восточного склона Уральских гор. Сооружать эту трассу станут после завершения Северного широтного пути, а ориентировочная стоимость, по оценке Владимира Серого, заместителя директора генерального проектировщика магистрали – компании “Уралстройтехнологии”, составит более 148 миллиардов рублей. Однопутная дорога в 886 километров пройдёт в трёх регионах: 100 километров по территории Свердловской области, 500 – в Берёзовском районе Ханты-Мансийского округа и более 200 километров в Шурашкарском и Приуральском районах Ямало-Ненецкого.

Геологоразведочные работы на восточном склоне Уральских гор начаты в конце 2007 года, но в условиях кризиса финансирование снизилось на две трети. В последнее время ситуация начала выправляться, и когда разведка завершится в полном объёме, станет возможным спрогнозировать уровень загруженности железной дороги Полуночное – Обская, сформировать её финансовую модель, без чего невозможно начинать строительство. Предполагается, что будущая магистраль сможет перевозить до 20 миллионов тонн грузов в год.

Учёные из Новосибирска доктора экономических наук Виктор Ткаченко из Сибирского государственного университета путей сообщения и Владимир Малов из Института экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения РАН считают, что исключительную актуальность приобрела проблема транспортного обслуживания не только Урала, но и примыкающего с запада Тимано-Печорского нефтегазового комплекса, который формируется на базе углеводородов материка и шельфа южной части Баренцева моря. Не менее важно и более интенсивное, чем нынче, освоение ресурсов Республики Коми. Как полагают сибиряки, на Баренцевом побережье со временем потребуются новый морской порт для независимого от других стран выхода крепнущей России на внешние рынки. Наиболее перспективным местом для транспортной базы учёные называют Индигу в Ненецком автономном округе Архангельской области. Это определит конечный пункт будущего транспортного коридора, для чего со временем потребуется сформировать железнодорожную магистраль Баренцево море–Коми–Урал (Баренцкомур). Географическое положение этого пути определяют пункты Индига – Сосногорск (Ухта) – Ивдель. По мнению Ткаченко и Малова, несколько севернее этого города должна возникнуть станция с условным пока названием Хребет, через которую Баренцкомур перейдёт в Северо-Сибирскую магистраль, формирование которой учёные также считают неизбежным. На восток от Урала Северосиб пересечёт территорию Западно-Сибирского нефтегазового комплекса, затем нижнего и среднего Приангарья как региона будущей концентрации предприятий цветной металлургии и лесной промышленности, а также западной части уже формирующегося крупного Восточно-Сибирского нефтегазового комплекса.

Несмотря на кризисные задержки, началась активная реализация и многих других проектов из программы “Урал промышленный – Урал Полярный”. В частности, корпорация заключила соглашение с “Транснефтью”, с которой участвует в возведении трубопровода Пур-Пе–Самотлор, проходящего по территории Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого округов. Эта нитка свяжет ямальские месторождения с единой системой трубопроводов России. Уральцы построят здесь несколько десятков тысяч квадратных метров жилья, для чего уже прокладывается высоковольтная линия электропередачи и вводятся подстанции. Корпорация строит собственными силами, а также курирует подрядное строительство восьми станций общей мощностью 6 тысяч мегаватт. На всех объектах работа идёт по графику, причём две электростанции уже сданы в эксплуатацию. На остальных энергообъектах закончены заключочные работы, проведены согласования, найдены инвесторы.

Существенные перемены происходят в самих уральских автономиях. По словам губернатора Ханты-Мансийского округа Н. В. Комаровой, про-

мышленное производство и в кризисном 2010 году выросло на 2 процента, а инвестиции в основной капитал – на 16,6 процента, что гарантирует значительный рост экономики в ближайшем будущем. В округе начато освоение трёх новых месторождений нефти: Явинлорского – “Сургутнефтегазом”, Северо-Покамасовского – “Лукойлом” и Пулытьинского – “ТНК-ВР”. Только за 9 месяцев 2010 года введено в эксплуатацию 2807 добывающих скважин – рост против предыдущего года на 6,3 процента. А объём финансирования геологоразведочных работ на твёрдые полезные ископаемые составил в тот же период 283,3 миллиона рублей – на 40 процентов больше, чем за 9 месяцев 2009 года.

А вот как оценивает перемены в Ямало-Ненецком автономном округе его губернатор Д. Н. Кобылкин: в 2010 году, несмотря на кризисные явления, объём валового регионального продукта увеличился по сравнению с 2009 годом примерно на 4 процента, при этом рост промышленного производства составил 7,3 процента. Комплексной программой освоения месторождений углеводородного сырья намечено увеличить добычу газа до 1 триллиона кубометров в год – в полтора раза больше прежнего! Энергетическую продукцию федерального округа намного увеличит создание завода сжиженного газа. На Ямале и в прилегающих акваториях уже открыто 11 газовых и 15 нефтегазоконденсатных месторождений, предварительно оцененные запасы коих составляют 16 триллионов кубометров, а перспективные и прогнозные – около 22 триллионов кубометров. При этом объёмы конденсата оцениваются в 230,7 миллиона тонн, нефти – в 291,8 миллиона тонн. Лицензии на разработку Бованенковского, Харасавэйского, Новопортовского, Крузенштернского, Северо-Тамбейского, Западно-Тамбейского, Тасийского и Малыгинского месторождений принадлежат “Газпрому”. Самое значительное по запасам – Бованенковское, содержащее 4,9 триллиона кубометров газа. Начальные объёмы Харасавэйского, Крузенштернского и Южно-Тамбейского оценены в 3,3 триллиона кубометров. Эти запасы даже специалистам порой представляются фантастическими – настолько они велики. Но ведь реальны, и уже начато их освоение! Ямало-Ненецкий округ способен десятилетиями обогревать не только Россию, но и другие страны. А он – лишь одна из многих богатейших территорий русского Приполярья и Заполярья.

Постепенный выход из мирового экономического кризиса ознаменован в Уральском федеральном округе ускорением реализации новых производственных проектов: так, недавно подписано соглашение между Внешэкономбанком и компанией СИБУР о долгосрочных кредитах для создания комплекса по производству полипропилена в Тобольске. Выбор производственной площадки обусловлен близостью к источникам сырья и резервами инфраструктуры на действующем предприятии этой компании. Проект направлен на повышение глубины переработки и эффективного использования углеводородного сырья, а также на экспорт продукции высокой добавленной стоимости. Формирование в Тюменской области такого производства мирового уровня – с максимальной переработкой ресурсов уменьшает её сырьевую ориентацию. На базе “Тобольск-Полимера” создаётся ещё и бизнес-инкубатор для интенсивного развития малого предпринимательства.

Есть и иные примеры такого рода, а, значит, реализация инфраструктурного проекта “Урал промышленный – Урал Полярный” обеспечит развитие индустриального комплекса всех регионов, входящих в состав округа. Скажем, создан многофункциональный сервисный центр предприятий Челябинской области. Он объединяет ведущие машиностроительные предприятия региона, включая Челябинский тракторный завод, и обеспечивает проектирование, производство, поставку и сервисное обслуживание строительной, грузоподъемной и специальной техники, которая будет задействована на объектах “Урала промышленного – Урала Полярного”. Предварительный подсчёт потребности заказчиков в отечественной тяжёлой технике показывает, что, по самой скромной оценке, потребуется 2,5 тысячи тракторов, экскаваторов, кранов, грузовиков, а, значит, машиностроители будут обеспечены новыми заказами. Социальный эффект окажется ощутимым и в сопредельных регионах, ведь центры сервисного обслуживания машинно-тракторного парка предприятий открываются по всему округу, вплоть до Ямала и Югры. Предварительная оценка суммы заказа достигает 200 миллиардов рублей, а реализация проекта предоставит свердловским, челябинским, тюменским, курганским пред-

приятиям промышленный заказ такого объёма, что для его исполнения требуется около 70 тысяч новых рабочих мест.

“Урал промышленный – Урал Полярный” – лишь одна из крупных отечественных программ комплексного развития регионов. Не лишне напомнить, что начало таким проектам положено ещё в императорской России. Примечателен в этом смысле пятилетний план железнодорожного строительства, составленный в 1916 году Особым междуведомственным совещанием и поддержанный Государственной Думой и правительственными кругами. Планом предусматривалось создание железных дорог в темпах и объёмах, опережающих расширение границ интенсивного индустриального и аграрного производства. Сибирь как территориально-производственный комплекс должны были пересечь широтные железные дороги: на юге – в районы перспективного сельскохозяйственного развития, на севере – для создания многопрофильного промышленного производства. Северное направление оформилось тогда в проект Великого северного пути. Вместе с другими дорогами он должен был соединить Северную Сибирь с портами Балтийского моря и незамерзающим портом Романовым-на-Мурмане, нынешним Мурманском. Затем магистраль предполагалось продлить на Енисейск, в Якутию и далее – до выхода к удобным бухтам Тихоокеанского побережья.

Как бы ни менялась Россия, география её – та же, а, значит, нынешние проекты не могут не повторять в общих чертах замысел вековой давности. В Восточной Сибири близится к завершению создание Амуро-Якутской магистрали (АЯМ) – от Беркакита до Якутска. Тем самым республика получает надёжную железнодорожную связь с югом Сибири, а через БАМ и Транссиб – со всей страной. Но просматривается и захватывающее дух продолжение здешних транспортных коммуникаций: уже запланирована и вскоре должна начаться прокладка железнодорожного пути от АЯМ к Магадану, а затем на Чукотку. Не так уж трудно предположить, что северным районам со временем потребуется более прямой и короткий путь в европейскую Россию, а, значит, рано или поздно станет первоочередной и приполярная магистраль от Якутска на Лене (или даже севернее) к Дудинке на Енисее. Конечно, реализация такого проекта кажется пока фантастикой. Но ведь более ста лет назад малореальным представлялся и Транссиб, о чём писал один из его проектантов – инженер и писатель Н. Г. Гарин-Михайловский. . . А прокладка рельсового пути из Якутии к Дудинке также неизбежна. Она-то и завершит формирование Великой трансполярной железнодорожной магистрали – от Берингова и Чукотского морей на востоке до Белого и Баренцева на западе. Стальной путь через весь богатейший русский север, связанный с другими сухопутными и водными артериями, сулит России такие выгоды и богатства, какие сегодня можно оценить лишь в самом кратком и общем виде: как небывалые в нашей 1200-летней истории!

Как становятся явью экономические инициативы, кажущиеся порой фантастическими, убедительно показывает новый проект, о каком лет 25–30 назад нечего было и мечтать. А он уже вполне буднично принят к реализации. . . Проработав в советское время 16 лет газетчиком в Свердловской области, я по нескольку раз побывал почти во всех её 47 городах, кроме номерных Свердловска-44 и Свердловска-45 и вроде бы доступной Верхней Салды. Но и здесь действовало единственное интересное для промышленной журналистики предприятие – Верхнесалдинское металлургическое производственное объединение, ВСМПО, куда попасть можно было лишь по визам двух чрезвычайно серьёзных московских ведомств. Ни я, ни кто-либо из коллег и не пытались получить разрешений, ведь что бы потом ни написать, это было бы невозможно напечатать: ВСМПО являлось крупнейшим в мире производителем изделий из титана для ракетно-космической техники, военной и гражданской реактивной авиации и подводного флота последнего поколения. К концу 80-х годов Верхнесалдинское объединение выпускало титановой продукции больше, чем все вместе взятые зарубежные компании этого профиля, да к тому же поставляло ещё и изделия из алюминия и его сплавов.

В катастрофической ситуации начала 90-х годов, когда потребление титана внутри страны сократилось в 30 раз, салдинцам удалось выйти к продукцией на внешний рынок. Сразу же обозначились некие шустрые фирмы, желавшие купить акции предприятия. Но салдинцы отбились от насकोков. А потом ВСМПО, возглавляемое генеральным директором В. В. Тетюхиным,

объединилось с Березниковским титано-магниевым комбинатом “АВИСМА”, поставлявшим в Верхнюю Салду губчатый титан – сырьё для производства металлического. Так образовалась корпорация ВСМПО-АВИСМА, ставшая теперь крупнейшим мировым поставщиком титановых изделий отечественным, а также зарубежным изготовителям авиационной техники – “Боингу”, “Эйрбасу”, “Бомбардье”, “Снекме”, “Роллс-Ройсу” и иным. Титановый холдинг стал примером развития, основанного исключительно на инновациях.

С 1992 года, когда по воле Ельцина и Гайдара государство совсем ушло из титановой подотрасли, ВСМПО-АВИСМА, тем не менее, не утратило ни единицы оборудования. А оно уникально: здесь, например, действует единственный в мире гидравлический пресс усилием в 75 тысяч тонн! Несколько лет назад пресс был модернизирован на Новокраматорском машиностроительном заводе – украинском аналоге Уралмаша. “Мы стараемся приумножить то, что было создано”, – сказал В. В. Тетюхин отечественным и западным журналистам, примчавшимся на его пресс-конференцию. Владиславу Валентиновичу принадлежало 30 процентов компании ВСМПО-АВИСМА, капитализация которой уже тогда составляла 3,5 миллиарда долларов. Но он решил передать акции государству, которое при новом руководстве страны возвращало себе контроль над стратегически важным производством. “Зачем передавать, почему не оставить всё как есть?” – недоумевали западные корреспонденты. Директор, до того шутливый, стал серьёзным: “Понимаете, господа, жизнь каждого человека всё-таки коротка, а государство вечно”. С того дня 66 процентов акций корпорации ВСМПО-АВИСМА принадлежат “Оборонимпэксу”, входящему в сто-процентно государственную структуру “Ростехнологии”. Вот такие люди живут и работают в Верхней Салде! Чтобы не быть обвинённым в намеренной лакировке нашей суровой действительности, уточняю: В. В. Тетюхину всё же оставили акции родного объединения – целых 4 процента.

Новый проект именуется “Особая экономическая зона “Титановая долина”. Идея её создания в общих чертах оформилась пять лет назад, а теперь, после уточнений и согласований, удалось приступить к полноценной реализации. Председатель правительства России В. В. Путин в марте с. г. подписал постановление о создании этой экономической зоны. В отличие от некоторых других проектов, “Титановая долина” опирается на основательно развитую базу – титановое производство ВСМПО-АВИСМА. Чтобы его расширить, намерено дополнить потребляемое сегодня сырьё из Березников недалёким от Верхней Салды качканарским, об истории освоения которого и связанных с этим сложных проблемах “Наш современник” рассказывал в статье “Качканар – достояние России” (№ 6, 2010 г.). Железная руда этой группы месторождений содержит титан, который поначалу основательно осложнял плавку чугуна. Зато теперь будет перерабатываться в губку, из каковой и производится высокопрочный дорогой металл. Наличие месторождений, содержащих титан, предполагается и в исследуемых геологами приполярных землях Уральского федерального округа.

Статус “Титановой долины” получила часть Верхней Салды. Со временем эта территория сможет расширяться в направлении Нижнего Тагила. В. В. Путин в ходе недавнего визита в Свердловскую область посетил градообразующее предприятие особой экономической зоны, где детально ознакомился с проектом. Здесь будет производиться продукция высокого передела для авиационного, железнодорожного и химического машиностроения, атомной энергетики, цветной металлургии. Резиденты особой экономической зоны освобождаются на 5 лет от части налогов, поэтому намерение участвовать в новом проекте уже подтвердили 25 отечественных и зарубежных компаний, среди которых ведущие российские и мировые производители алюминиевых изделий, авиационной техники, ракетных двигателей, современных медицинских лазерных систем, оборудования для специальной металлообработки и иной высокотехнологичной продукции. Недавно начало действовать совместное предприятие компаний ВСМПО-АВИСМА и “Боинг”, способное выпускать самые сложные детали для самолетов на основе новейших научно-технических разработок. Готовятся и другие прорывные проекты, так что титановая долина наполняется полнокровной жизнью.

Индустрия Каменного пояса русской земли предприняла свой очередной рывок в будущее.

АЛЕКСАНДР КАЗИНЦЕВ

ПОЕЗД УБИРАЕТСЯ В ТУПИК

Разложение

Могут сказать: приведённые факты ужасны, но они свидетельствуют, что борьба с коррупцией идёт, иначе о них никто бы не услышал. Резонное замечание. Противодействие мздоимству заметно – на государственном уровне и особенно в обществе. Хотя до суда доходит редко. А зачастую “компетентные органы” демонстрируют откровенное нежелание заниматься расследованием коррупционных афер. Даже когда разоблачение состоялось и пользователи интернета всю обсуждают: кто кому и сколько дал.

В минувшем году притчей во языцех стало дело о взятках компании “Даймлер”. Расследовали его не у нас – в Америке. Министерство юстиции США и Комиссия по ценным бумагам и рынкам обвинили немецких автопроизводителей в том, что они стимулировали продвижение своей продукции при помощи взяток. В скандал оказались замешаны чиновники 22 стран, в том числе России.

И сам автоконцерн, и его российская дочка “Мерседес Бенц Рус” обвинения признали. И указали на своих партнёров в Москве – МВД, ФСО, Минобороны, столичное правительство (здесь и далее: “Независимая газета”, 08.04.2010).

Казалось бы, американцы сделали нашим правоохранителям роскошный подарок. Преступление выявлено и расследовано. Осталось наказать виновных. Однако московских чиновников будто оторвать взяла!

Генпрокуратура молчала. Молчало Главное следственное управление Следственного комитета – те самые инстанции, которые в данном случае призваны были проявить повышенную активность. МВД через сотрудников пресс-центра заявило, что “займётся проблемой только после получения официального запроса от официальных органов. “Пока к нам не поступят из Минюста США эти документы официальным путём, никаких официальных ответов мы давать никому не обязаны”.

Выразительный образчик чиновничьего творчества! Сквозь глухую оборону (в двух предложениях четыре раза, как заклинание, повторяется слово “официальный”) прорывается явное раздражение. “Ответов давать никому не обязаны”, – сказано так, будто под окном пресс-центра образовалась толпа, жаждущая ответ услышать, а сотрудникам МВД что-то мешает его дать.

Действительно, что? Или – кто?

Между тем, толпа, пусть и виртуальная, в самом деле начала собираться. “Новость активно обсуждается в интернете, – сообщила “НГ”, – где уже про-

исходит акция коллективного засыла на сайты Генпрокуратуры и МВД заявлений с просьбами разобраться в происходящем”. Впрочем, газетчики вынуждены были констатировать: “Горячие публикации в СМИ недельной давности и буря в интернете пока не побудили политиков в стране сделать публичные заявления”.

Статья в “НГ” датирована 8 апреля – к тому моменту прошла уже неделя с начала скандала. Однако новостей о развитии ситуации публике пришлось ждать ещё два месяца! Всё это время инстанции выясняли, кто к кому должен обратиться. Наконец заокеанское письмо в Москве получили. И тут наши следователи сделали шокирующее заявление: они, де, не владеют английским (24. РЕН ТВ. 07.06.2010).

Стало ясно: служилые тянут время. Надеюсь, что срок, в течение которого положено отреагировать, истечёт, и бумаги американских коллег можно будет с чистой совестью скинуть в архив.

Причину такой странной реакции объяснил российский эксперт Центра Карнеги А. Малашенко: “Никто не хочет вникать в ситуацию, потому что не знает, кто с кем играет. Бывает, когда за взятками стоят большие люди (разрядка моя. – А. К.). Все молчат, выбирают момент и выясняют – что можно, а чего нельзя” (“Независимая газета”, 08.04.2010).

Вот эту сверхосторожную формулу: “Что можно, а чего нельзя” следовало бы сделать девизом пафосно презентованной компании по борьбе с коррупцией.

Кстати, СКП возбудил-таки дело “в связи с поставками автомобилей Mercedes Benz российским государственным структурам немецким концерном Daimler” (news.com/.../mercedes_print.html). Видимо, выяснили: “Можно!” Но произошло это в десятых числах ноября – семь с лишним месяцев спустя после начала истории!

“Безобразно долго раскачивались. Но лучше поздно, чем никогда”, – прокомментировала Елена Панфилова, руководитель российского отделения Transparency International (там же). Наивная воительница за справедливость! Официальных итогов московского расследования не обнародовано до сих пор...

Небезызвестный С. Белковский сообщает о целой череде подобных случаев (“МК”, 12.11.2010). Опять же американцы уличили швейцарскую компанию Raparipa в даче взятки российским таможенникам. Швейцарцы покаяться и назвали сумму – 7 млн долл. Однако в России что-то не слышно о попытках забрать эти миллионы в казну. Так же как и о скандалах, связанных с американским гигантом Hewlett-Packard и компанией Diebold, “стимулировавших” отечественных чиновников.

Иной раз зарубежные бизнесмены, отойдя от дел, сами вспоминают о скользких моментах. Первый гендиректор IKEA в России Леннарт Дальгрэн выпустил книгу воспоминаний “Как я покорял Россию, а она – меня”. В нашей прессе появились прелюбопытные выдержки. Вот сюжет, связанный с Батуриной: “Батуриной принадлежат строительные компании и целый ряд других производств, в частности, заводы, которые делают мебель из пластмассы. В одной из наших встреч с представителями этой компании, которую мы рассматривали в качестве потенциального поставщика, приняла участие сама госпожа Батурина. Она вошла в комнату посреди разговора и, не представившись, заявила, что если мы собираемся закупать продукцию одного из её предприятий, то делать это предстоит на её условиях. Условия эти оказались за гранью разумного и были абсолютно неприемлемыми. Потом нам говорили, что это разногласие сыграло роль красной тряпки в наших последующих переговорах с её супругом о строительстве IKEA на Кутузовском проспекте”. Швед лукаво замечает: “До сих пор не могу поверить, что это может быть правдой” (<http://1700metr.ru/viewtopic.php?f=33&t=6671>).

Судя по тому, что столичные сыскари не сочли нужным инициировать расследование, они тоже “не смогли поверить”. Тем более что отрывки из книги Л. Дальгрэна были опубликованы, когда супруг Батуриной ещё прочно сидел в кресле градоначальника...

Но самая скандальная история на тему: “Ничего не вижу, ничего не слышу” разыгралась в нынешнем году и уже пять месяцев не сходит со страниц столичных изданий. Остроту и пикантность ей придаёт то обстоя-

ятельство, что не желает ничего слышать одна сторона – Генпрокуратура, а другая – только что отпечковавшийся от ГП Следственный комитет отчаянно пытается вести расследование. Разумеется, я говорю о “скандале с подпольным игорным бизнесом” или, как его ещё называют, о “деле подмосковных прокуроров”.

11 февраля Главное следственное управление СКР по Московской области возбудило уголовное дело по трём статьям УК, в том числе “Мошенничество в особо крупном размере”, и задержало бизнесмена Ивана Назарова и двух его сотрудников.

В то время имя Назарова ничего не говорило широкой публике. Но оказалось, что уже тогда кое-кому оно было хорошо известно. И этот кто-то тут же резко нажал на рычаги, пытаясь остановить начинавшееся расследование.

Обращая внимание на даты: 11 февраля – пятница. Не исключено, что сыщики решили задержать Назарова в последний рабочий день недели, чтобы иметь возможность поработать с ним в выходные. Пока в других инстанциях не очухаются и не забьют тревогу.

Но тревога поднялась уже на следующий день – 12 февраля. В субботу. Не кто-нибудь, а сам заместитель генерального прокурора РФ Владимир Малиновский принял решение отказать в возбуждении уголовного дела.

Наверное, даже при аресте несчастного замминистра финансов Сторчака, которого силовики хотели заставить отвечать за его шефа – вашингтонского любимца В. Кудрина, “группа поддержки” не реагировала столь стремительно и на таком высоком уровне.

Так кто же такой Назаров? Сведения, просочившиеся в СМИ, впечатляли, но отнюдь не поражали воображение. Назаров Иван Владимирович, 1980 года рождения – владелец сети подпольных казино, действовавших в 15 городах Подмосковья. “Всё как и положено в лучших залах для господ – стриптиз с участием местных красоток, бесплатный алкоголь и нехилые ставки”, – расписывали дотошные репортёры (“Комсомольская правда”. 14.02.2011). “Незаконный бизнес приносил ориентировочно от \$ 5 млн до \$ 10 млн в месяце в течение трёх лет”, – уточняли в ФСБ, чьи сотрудники приняли участие в расследовании (Газета.ru. 15.02.2011).

Как можно было понять из первых сообщений, в руки следователей попал солидный подпольный делец. Но не настолько же влиятельный, чтобы оторвать г-на замгенпрокурора от субботнего отдыха. И не настолько, чтобы из-за него начались какие-то гангстерские истории. Сообщали, что Назарова и его подельников пытались отбить при транспортировке: “Дорогу машине конвоя вдруг перегородил милицейский автомобиль “с неидентифицированными номерами” (“Комсомольская правда”, 14.02.2011).

Подлинный масштаб произошедшего стал ясен, когда пресс-служба ФСБ заявила: “Члены следственно-оперативной группы при проведении оперативно-розыскных мероприятий столкнулись с явными и скрытыми противодействиями, в том числе со стороны прокуратуры Московской области” (Baltinfo. 16.02.2011).

Огласке придали и факт “изъятия в ходе обыска сотен документов, свидетельствующих о том, что руководители прокуратуры Московской области, в том числе первый зампрокурора Александр Игнатенко, и регионального ГУВД “крышевали” этот игорный бизнес” (там же).

Это уже была война. Противоборство, где на одной стороне действовали СКР и ФСБ, а на другой Генпрокуратура и ГУВД. К чести милиционеров, они вскоре отошли от схватки не став защищать своих задержанных сотрудников (задержания, как нетрудно догадаться, последовали). Вынуждено было умерить пыл и ФСБ – об этом позже. В конечном счёте всё свелось к противостоянию СКР и Генпрокуратуры, которое продолжается по сей день.

Первый раунд выиграл СКР. Следователи не стали оспаривать постановление В. Малиновского и отозвали ходатайство об аресте Назарова. Но тут же в суде задержали его, возбудив новое уголовное дело (там же).

Одновременно, видимо, не очень-то рассчитывая на торжество закона, борцы с игорным бизнесом мобилизовали общественное мнение. СМИ заполнили потоки компромата. Ошалевшие от избытка “жареного”, журналисты живописали: “. . . Как только по какому-нибудь казино начинался милицейский

рейд, оно вдруг оказывалось закрытым. А уже назавтра по окончании рейда, игровые автоматы с жадностью поглощали новые купюры... Было и такое: рейд приводил к составлению протокола и показательным отчётам в прессе. Однако аппараты при этом оставлялись на ответственное хранение... владельцам казино! Это всё равно, как если бы пойманному с поличным наркоторговцу доверить “на хранение” смертельный товар. Надо ли говорить, что огоньки слот-машин скоро мигали снова” (“Комсомольская правда”, 14.02.2011).

Репортаж заканчивался эффектным пассажем: “Было ясно, что без “мохнатой руки” здесь явно не обошлось. Провели обыск и ахнули: ближайшими друзьями Назарова по совместным застольям являлся первый заместитель прокурора области Александр Игнатенко, а также не последние руководители городов и районов и ГУВД МО. Фактов сотрудничества и поддержки криминала со стороны чиновников обнаружилось немало” (там же).

Оставим на совести разгорячившегося писаки очевидное спрямление сюжета: “Провели обыск – и ахнули”. Наверняка на покровителей Назарова вышли не в одночасье. В так называемом региональном бомонде, куда наряду с бизнесменами входят главы городов и силовых ведомств, все и всё друг о друге знают (помню, приехав в некий южный край и не застав губернатора, с которым у меня была назначена встреча, услышал от местного главы очень зоркого ведомства: “Срочно уехал в Испанию – проблемы с недвижимостью”). Очевидно, решение “брать” принимали не спонтанно, а тщательно взвесив обстоятельства, привходящие в том числе. Возможно, они-то имели решающее значение. Но об этом ниже.

В четверг, 17 февраля, – к середине поистине боевой недели – о Назарове и его покровителях общество знало достаточно, чтобы поддержать СКР в противоборстве с прокуратурой. По ТВ демонстрировали кадры с дня рождения Ивана Владимировича, где его, окружённого красотками, поздравлял Александр Игнатенко. Просочились сведения и о юбилее самого первого заместителя прокурора области, якобы оплаченного тем же Назаровым. “Игнатенко гулял как нефтяной магнат, – вспоминал впоследствии свидетель. – Зал в “Крокус Сити”, несколько сотен гостей, чёрная икра ведёрками, французский коньяк ящиками. На развлечение Стас Михайлов, Вячеслав Добрынин, Шуфутинский, “Мираж”. Короче, не день рождения прокурора, а какой-то галла-концерт в “Олимпийском” (“Коммерсантъ”, 18.05.2011).

Оплата пиршества – далеко не единственная услуга, оказанная подпольным бизнесменом прокурорским работникам. “...Новый компромат на высокопоставленных сотрудников прокуратуры Московской области СКР и ФСБ получили, посетив офисы турфирм “Эппл Консьерж” и “А и В сервис”. Там в ходе обысков, как сообщили в СКР, были изъяты... документы об оплате группировкой Назарова туристических поездок за рубеж высокопоставленных сотрудников прокуратуры Московской области, включая прокурора Московской области, и членов их семей” (“Коммерсантъ”, 17.02.2011). География поездок впечатляла: Париж, Вена, Милан, Барселона, Прага, Карловы Вары (там же). Словом, широко гуляли на украденные у государства деньги – если кто забыл, организация игрового бизнеса запрещена законом.

Как могли заметить читатели, в процитированном тексте упоминается и прокурор Московской области – Александр Мохов, фигура позначительнее, чем Игнатенко. Тем более что, как выяснили газетчики, на пост областного прокурора Мохова назначил В. Малиновский (“МК”, 17.02.2011). Тот самый, кто отменил постановление о первом аресте Назарова. Ну а от заместителя генерального прокурора до его шефа Юрия Чайки – всего один шаг. Позже он будет сделан следователями. Хотя они “зайдут” на генерального совсем с другой стороны.

В середине февраля прокуратура “ушла в глухую несознанку”, как говорят подследственные. Один из ближайших сотрудников Ю. Чайки “на камеру” заявил, что “единственная ситуация, в которой прокурора можно привлечь к какой-нибудь ответственности, если он будет позировать в обнимку с хозяином нелегальных игровых автоматов на фоне этих автоматов и там ещё будет висеть плакат “Нелегальные автоматы” (цит. по: “Независимая газета”, 04.04.2011).

То был вызов. Не только Следственному комитету – всему обществу. Мы неподсудны! – фактически заявили в прокуратуре. И декларациями не ограничились. “Александр Мохов и его первый заместитель Александр Игнатенко обратились за помощью в Центр по обеспечению безопасности лиц, подлежащих госзащите” (“МК”, 17.02.2011). Фигуранты скандала потребовали от государства, чтобы оно... защищало их! Одновременно московская областная прокуратура отменила постановление СКР о возбуждении второго уголовного дела против И. Назарова и назвала действия следователей “глумлением над Конституцией” (newsru.com/russia/.../vip_print.html).

Конфликт зашёл в опасный тупик: градус противостояния всё время повышался, а выход не просматривался. Стало ясно: без вмешательства первого лица не обойтись.

Реакции президента ожидали с тем большим интересом, что действия прокуроров ставили под удар инициированную им кампанию по борьбе с коррупцией. Не лишне напомнить и о том, что именно по предложению Медведева Госдума поставила игровой бизнес вне закона. Двойной вызов! Что же ответит президент?

Ответ прозвучал 21 февраля на Всероссийском координационном совещании правоохранительных органов и оказался совсем не таким, каким представлялся обществу. Медведев раздражённо заявил: “Ни в коем случае нельзя делать вывод о виновности или невиновности людей до объявления приговора суда, а тем более давить на следствие, привлекая средства массовой информации”. Президент пригрозил: “Это недопустимо. Тот, кто будет в этом замечен, будет уволен, независимо от чинов и званий”.

Формально всё верно. Но если бы следователи не обратились к СМИ, прокурорские работники похоронили бы дело. Только в течение одного месяца прокуратура пять раз отменяла постановления СКР.

Президентский гнев обрушился на заместителя директора ФСБ генерал-полковника Вячеслава Ушакова. 21 февраля было объявлено, что он уволен “за допущенные недостатки в работе и нарушение служебной этики” (news.com/.../ushakoff_print.html).

Наблюдатели тут же связали отставку с “делом о нелегальным игорном бизнесе в Московской области, о пресечении которого объявила недавно спецслужба” (там же). Уточнили: Ушаков в ФСБ курировал следствие и информационную работу и “мог быть причастен к распространению ЦОС ФСБ первого сообщения о причастности руководства подмосковной прокуратуры к этому делу” (там же).

Во втором раунде поле боя осталось за прокурорскими. Внутренняя проверка, инициированная Генпрокуратурой, предосудительных моментов в действиях своих сотрудников не выявила. “...Получить... какие-либо доказательства того, что прокуроры небезвозмездно оказывали услуги господину Назарову, в ходе проверки не удалось” (“Коммерсантъ”, 22.03.2011). “Дружеские связи” прокуроров с подпольным магнатом в ГП оспаривать не решились. Но за дружбу, пусть и с сомнительными личностями не судят. Ограничились “строгачом”, вынесенным А. Игнатенко и прокурору Ногинска В. Глебову (“Независимая газета”, 28.03.2011).

“Участники игрового скандала возвращаются на работу”, – гласили заголовки газет (“Коммерсантъ”, 28.03.2011).

Между прочим, впоследствии выяснилось, что благоприятное для прокуроров решение было вынесено на основании показаний жены Назарова, которая заявила, что они “вернули её мужу деньги, заплаченные за зарубежные поездки”. Что и как говорить, женщине подсказал не кто иной как Игнатенко (“Коммерсантъ”, 24.05.2011).

Воспользовавшись тактическим успехом, прокуратура нанесла СКР “ответный удар”. В прессу попали сведения, что “скандал с игровым бизнесом разгорелся из-за того, что главного следователя Подмосковья уличили во взятке” (“МК”, 31.03.2011). Пресса больше не возвращалась к этой теме. Но в те дни можно было подумать, что следователи попросту мстят прокурорам.

Однако ещё накануне “дело прокуроров” вышло на принципиально иную траекторию. 30 марта “Коммерсантъ” опубликовал статью под кричащим заголовком “Юрию Чайке устроили родительский день”. Протицирую выделенную жирным шрифтом преамбулу: “Ещё более скандаль-

ный оборот принимает противостояние Следственного комитета России (СКР) и прокуратуры вокруг нашумевшего уголовного дела о подпольном игровом бизнесе в Подмоскowie. Вчера в Серпуховском городском суде, где рассматривалась жалоба на отмену Мосoblпрокуратурой второго уголовного дела в отношении бизнесмена Ивана Назарова, были оглашены показания засекреченного следствием свидетеля. Из них следует, что координаторами между прокурорскими работниками и бизнесменом Назаровым, организовавшим подпольный игровой бизнес, выступали люди Артёма Чайки, сына генпрокурора Юрия Чайки” (“Коммерсантъ”, 30.03.2011).

“Вряд ли бред анонимных заявителей нуждается в каких-либо комментариях”, – только и смогли ответить в Генпрокуратуре (newsru.com/russia/.../chaika_print.html).

Комментарии, однако, потребовались. И на самом верху. 31 марта Д. Медведев пригласил в свою подмосковную резиденцию Ю. Чайку и главу СКР А. Бастрыкина. Вездесущий “Коммерсантъ” передал суть разговора: “...Прямого приказа оставить в покое Артёма Чайку... не последовало. Однако глава государства дал понять, что заложниками конфликта следствия и прокуратуры не должны становиться родственники руководителей этих ведомств” (“Коммерсантъ”, 01.04.2011).

Деликатно выражается “Коммерсантъ”! Известный аналитик М. Деягин высказался прямее: “Глава государства явно защитил Чайку от Бастрыкина... Официальная позиция государства – абсолютная безнаказанность (разрядка моя. – А. К.) его обслуживающего персонала” (“Независимая газета”, 04.04.2011).

Однако “переход на личности” позволил следственному комитету получить свободу действий в отношении менее значимых фигурантов дела. Можно предположить (разумеется, это не более чем предположение), что произошёл своего рода “размен фигур”. “Из-под удара выведен сын генпрокурора Артём Чайка”, – констатировал “Коммерсантъ” (13.04.2011). Но к этому времени СКР уже возбудил уголовные дела против прокуроров Ногинска В. Глебова и Клины Э. Каплуна. Их обвинили в “получении взяток за крышевание сети незаконного игорного бизнеса” (“Коммерсантъ”, 26.03.2011).

Далее события развивались в бешеном темпе. 11 апреля стало известно об убийстве Алексея Прилепского. Он был шофёром ближайшего помощника Назарова Марата Мамыева и, как сообщалось, лично передавал деньги прокурорам. По утверждению правоохранителей, “Прилепский стал активно сотрудничать со следствием, давая показания, за это его и убили”. (“Коммерсантъ”, 12.04.2011).

“Прокурорская защита не выдержала труп” – кричал заголовок в “Коммерсанте” (там же). Действительно, упорствовавшая до этого Генпрокуратура перестала безоговорочно защищать своих – были уволены прокурор Подмоскowie А. Мохов, его заместитель Игнатенко и глава управления по надзору за процессуальной деятельностью Д. Урумов (“по кличке “Уруру” – уточнили журналисты*).

Против А. Игнатенко и Д. Урумова тут же возбудили уголовные дела. Игнатенко – вслед за обвинённым ранее Эдуардом Каплуном – подался в бега и был объявлен в федеральный розыск (первого заместителя прокурора Московской области разыскивают как последнего вора!). Урумов составил компанию арестованному в конце марта Глебову (“Коммерсантъ”, 06.05.2011).

Уразумев, что игра идёт по-крупному и никто не может поручиться за их жизни, Назаров, Мамыев и их сообщница Гусева стали давать показания. При этом выяснилась интригующая подробность: на предпринимателей оказывал давление прокурор Серпуховского района Олег Базылян, “в частности, просил не давать показания против прокурорского корпуса” (“МК”, 20.05.2011). Обвиняемым пришлось даже отказаться от защитников, через которых поступали приказы Базыляна (там же).

Компромат на подельников принялся строчить Д. Урумов. Он попытался оформить “досудебное соглашение” со следствием, позволяющее существенно уменьшить наказание, а в иных случаях и вовсе избежать

* newsru.com/russia/.../casino_print.html.

его. И тут в очередной раз обнаружилась одна из тех скандальных деталей, которыми изобилует это грязное дело. Заместитель генерального прокурора (на этот раз В. Гринь) постановил, что ходатайство Урумова об оформлении соглашения “не подлежит удовлетворению” (здесь и далее: “Коммерсантъ”, 18.05.2011). **“Виктор Гринь фактически запретил ему сотрудничать со следствием (разрядка моя. – А. К.)”, – прокомментировали эксперты. “Отклонив ходатайство, прокуроры... дали понять своему бывшему коллеге Урумову, что подобная правда им не нужна и на поблажки в обмен на показания против своих руководителей обвиняемый может не рассчитывать”.**

Что называется: без комментариев!

Урумов, однако, обжаловал вердикт Гриня и дал показания на экс-прокурора Одинцовского района (там находится знаменитая Рублёвка!) Р. Нищенко и экс-прокурора Серпуховского района О. Базыляна. Обоих тут же взяли под стражу.

Генпрокуратура вновь встала грудью на защиту... обвиняемых. “Адвокаты, им, по сути, не нужны, – иронизировали в прессе. – Функции защиты взял на себя представитель Генпрокуратуры Олег Радченко” (“Коммерсантъ”, 24.05.2011). “Радченко, не дожидаясь подачи кассационных жалоб на аресты со стороны защиты экс-прокуроров, сам обратился с двумя представлениями в канцелярию Басманного суда” (там же).

В суде Радченко витийствовал: “Как можно доверять людям (Назарову и др. – А. К.), которые ещё месяц назад заявляли о своей невинности, отрицали всё, а потом аврально сменили адвокатов и начали давать показания? Какая может быть вера, если они единожды солгали!” (“МК”, 20.05.2011).

Не вняв перлам красноречия, суд оставил прокуроров под стражей.

Сложилась дикая ситуация: вся структура подмосковной прокуратуры оказалась под подозрением. Журналисты писали, что в ведомстве мрачно шутят: “...Если дело пойдёт такими темпами, за решёткой окажутся все подмосковные прокуроры” (там же).

В “МК” (18.05.2011) появилось скандальное письмо. Его приписывают опальному экс-зампрокурора Московской области Станиславу Буянскому, сделавшему немало громких разоблачений. И хотя сам Буянский от авторства отказывается, документ написан с таким знанием подробностей, которые доступны только высокопоставленному сотруднику ведомства.

“По сути, костяк областной прокуратуры представляет собой единую коррупционную группировку, во главе которой находится начальник Главного организационно-инспекторского управления Генпрокуратуры Синдеев Ю. М.* Фактически Синдеев управляет всеми действиями прокуратуры Московской области. Прокурор МО Мохов А. М. и его первый заместитель Игнатенко А. Н. являются личными ставленниками Синдеева, так как ранее они вместе проходили службу в районных прокуратурах”.

Далее рассказано о разнообразных видах противоправной деятельности представителей надзорного ведомства: “Массовым явлением стало “крышевание” полулегальных видов бизнеса. Особое распространение получило “крышевание” подпольных игровых залов, которые свободно работают сейчас практически во всех районах Подмосковья” (обращаю внимание, что Письмо, по утверждению “МК”, появилось в интернете за год до “игорного скандала”).

“Привычным явлением стало... оказание давления на следствие в интересах конкретных коммерческих структур или должностных лиц”.

Ещё одно “направление работы”: “Одним из наиболее распространённых видов злоупотреблений является организация незаконного преследования глав муниципальных районов. Делается это для того, чтобы вынудить глав предоставить в собственность заинтересованным коммерческим структурам крупные земельные участки по заниженной стоимости” (отмечу, что “на полях” “игорного дела” рассматривались и случаи махинаций с земельными участками, в которые оказались вовлечены Игнатенко и Назаров. Анонимный автор выдвигает отнюдь не беспочвенные обвинения!).

---

* Именно Синдеев проводил проверку подмосковных прокуроров, назначенную Генпрокуратурой. Эксперты указывали, что он “считается одним из наиболее доверенных лиц в окружении генпрокурора Юрия Чайки” (“Коммерсантъ”, 11.05.2011).

“В свою очередь многие главы городов и районов, уличённые в должностных преступлениях, зачастую уходят от наказания благодаря помощи прокуратуры” (“МК”, 18.05.2011).

Согласитесь, документ заслуживает внимания, даже несмотря на анонимность.

Одновременно с Письмом было опубликовано и авторизованное Ст. Буянским интервью. В нём повторены многие положения Письма, однако главным коррупционером объявлен не Синдеев, до сих пор возглавляющий одно из самых влиятельных управлений Генпрокуратуры, а поверженный Игнатенко: “...Вся областная прокуратура снизу доверху вовлечена в коррупционный механизм, созданный первым заместителем прокурора Александром Игнатенко. Выяснилось, что это не прокуратура, а щёлковская преступная группировка прокуроров” (“Коммерсантъ”, 18.05.2011).

На вопрос корреспондента: “Почему щёлковская?” бывший заместитель прокурора Подмосковья отвечает: “Игнатенко выходец из прокуратуры города Щёлкова. И многие городские и районные прокуроры, а также руководители ключевых управлений прокуратуры Подмосковья тоже выходцы из Щёлкова. И это не случайность. Все они заполучили должности благодаря Игнатенко. Он выстроил в областной прокуратуре вертикаль лично преданных ему людей, которые стали шестерёнками коррупционного механизма, постоянно вовлекая в него всё новых и новых сотрудников”. (там же).

“Игорный скандал” нанёс колоссальный вред всему ведомству. Известный борец с коррупцией бывший представитель России в Интерполе В. Овчинский веско высказался: “С каждым днём появляется всё больше информации о том, как прокуроры городов и районов Московской области вместо выполнения своих непосредственных обязанностей по осуществлению надзора за законностью эту законность втаптывают в грязь. Причём с использованием классических мафиозных методов. По существу надо говорить не о деле прокуроров, а о мафиозной организации прокуроров (разрядка моя. – А. К.). Люди, облечённые самыми высокими полномочиями, крышевали один из наиболее грязных теневых бизнесов – подпольные казино, вымогали взятки у предпринимателей и глав районов, фабриковали уголовные дела против тех, кто отказывался платить. И всё это при прямом попустительстве высших чинов Генпрокуратуры” (“Московские новости”, 24.05.2011).

Рациональным выходом из ситуации представляется отставка главы ведомства – Ю. Чайки с дальнейшей санацией всей структуры. Об этом прямо говорят в СМИ. Аналитики подчёркивают – президенту не нужно даже снимать генпрокурора: в конце июня ему исполняется 60 лет – предельный срок нахождения на государственной службе (newsru.com/russia/.../chaika_print.html).

Ещё более достойным решением стала бы добровольная отставка. Этот путь со свойственной ему эмоциональностью подсказывает В. Жириновский: “В Европе генпрокурор в такой ситуации давно бы уже подал в отставку... Два его бывших подчинённых, один из которых работал зампрокурора Московской области, в бегах!!! А он со спокойной душой встречается с президентом” (“Коммерсантъ”, 06.05.2011).

Со спокойной ли душой Юрий Яковлевич встречается с Дмитрием Анатольевичем, я не знаю. Как не знаю того, каким будет финал истории. Может быть, к моменту публикации главы вопрос разрешится*. Но то, что “дело прокуроров” является показательным, можно утверждать уже сегодня. Ведь прокуратура – не просто одно из правоохранительных ведомств. Это надзорная инстанция, призванная следить за соблюдением закона. И если уж она его попирает, то говорить не о чем.

Впрочем, говорить всё-таки придётся. И, видимо, не раз. Заспорившие меж собой ведомства своими вывертами то и дело привлекают внимание к скандалу.

10 июня Следственный комитет сообщил о том, что Назаров, Мамыев и Гусева (напомню: с их ареста и началась история) выпущены из-под стражи. Их действия переквалифицировали по более мягкой статье:

---

* 20 июня президент представил кандидатуру Ю. Чайки в Совет Федерации для назначения на должность генерального прокурора Российской Федерации.

вместо мошенничества, да ещё в особо крупном размере – незаконное предпринимательство. Статья 171. Она не предполагает содержание обвиняемых под стражей (lenta.ru/news/2011/06/.../_Printed.htm).

Победа прокуратуры? Вовсе нет. Наблюдатели, обсуждавшие дело, считают, что Назаров с компанией дали “нужные показания”. В частности, так оценили неожиданный поворот участники телепередачи “Последнее слово” А. Хинштейн и другие (НТВ, 11.06.2011).

Ну что же, и в Америке, на которую у нас теперь принято равняться, лица, заключившие “досудебные соглашения” со следствием, могут рассчитывать на смягчение наказания. Скажем, вместо 30 им дадут 7 лет.

Но так, чтобы людей, организовавших преступный бизнес, приносивший от 5 до 10 миллионов долларов ежемесячно, подкупавших направо и налево прокуроров, сотрудников ГУВД, развращавших и разрушавших госвласть, просто выпустили на свободу, так в Америке не бывает. Н и г д е не бывает! Такое возможно только в нашем несчастном Отечестве.

Зачем потребовалось это издевательство над законом, глумливое “ку-каре-ку”, громко ознаменовавшее миг торжества Следственного комитета над прокуратурой? Отвратительное происшествие скомкало работу, проводившуюся в течение многих месяцев честными и ответственными – хочется надеяться – сотрудниками СКР. Скажу больше: оно породило сомнение в том, что целью расследования была истина. Может быть, как подсказывают скептики, важнее было удовлетворение ведомственных амбиций?

С тем большим вниманием будем следить за развитием событий. Не только для того, чтобы поставить точку в этой неприглядной истории, но и для того, чтобы понять: можно ли вообще всерьёз говорить о борьбе с коррупцией в России.

Ну а пока приглядимся к судьбам тех, кто поверил пафосным фразам и отважился обличить коррупцию, так сказать, на своём рабочем месте.

Мы никогда не узнаем, сколько писем осело в канцеляриях высших лиц, кто были их авторы и что с ними стало. Но в интернете первенцем антикоррупционной кампании стал майор Алексей Дымовский*. Не доверяя почте, а тем паче канцелярским клеркам, он выложил на YouTube два ролика, в которых рассказал о коррупции в милиции родного Краснодарского края. Произошло это 5 ноября 2009 года. Обращение было адресовано “национальному лидеру”.

Реакция последовала мгновенно. Нет, из Москвы, где должны были бы заинтересоваться информацией о работе отдалённого управления, а из Краснодара. 8 ноября Дымовского уволили за “дискредитацию и клевету”.

Обращаю внимание, что сгоряча местные боссы не озаботились “политкорректными” формулировками, а написали что думали. “За клевету” фактически означает: за то, что вынес сор из избы.

Однако уже к концу того же дня Интерфакс сообщил, что к моменту публикации видеобращения в отношении Дымовского

а. проводилась служебная проверка по обращениям граждан о нарушении им учётно-регистрационной дисциплины и совершении действий, направленных на непривлечение к уголовной ответственности лиц, занимающихся хранением и сбытом наркотических веществ;

б. за выступлением майора могут стоять неправительственные организации, финансируемые из-за рубежа, в частности “Агенство США по международному развитию”.

Ещё через два дня – 10 ноября список пополнился новым пунктом

в. главный врач поликлиники, к которой приписан А. Дымовский, заявил, что милиционеру требуется серьёзное медицинское обследование, так как у него налицо все признаки “психопатической личности”.

Вот теперь можно было сказать, что краснодарские бюрократы работали профессионально. Плохой сотрудник, иностранный шпион и псих – все эти пункты с брежневских времён являлись стандартным на-

---

Эпизоды биографии А. Дымовского изложены по материалам, размещённым на сайтах “Хроники преследования” (<http://www.hroniki.info/?pade-regions>); Lenta.ru (<http://lenta.ru/lib/1420/590>) и др.

бором обвинений против любого, кто посмел высказать точку зрения, отличную от официальной. Хотя в советскую эпоху работали всё-таки аккуратнее: на диссидента, как правило, навешивали один ярлык. Это и большее доверие вызывало, и позволяло варьировать обвинения: тот – шпион, этот – псих. А тут – и то, и другое, и третье разом!

Но это было всего лишь начало. 28 декабря на Дымовского заводят уголовное дело о “мошенничестве с использованием должностного положения”. 1 апреля 2010 года руководство ГУВД Новороссийска пытается инкриминировать Дымовскому статью о распространении наркотиков.

Зарвавшиеся “мстители” не понимали, что в ажиотаже разоблачают сами себя. С одной стороны, предъявление стольких обвинений – явный перебор. С другой – если майор был таким “исчадием ада”, почему начальство не увольняло его до того момента, когда он выступил с разоблачением?

Впрочем, единственным (на сегодняшний день) обвинением, до суда дошедшим, является всё та же “клевета”. 23 марта 2010 года суд Новороссийска признал Алексея Дымовского виновным в распространении сведений, порочащих честь и достоинство милицейских начальников.

Несколько раз майора задерживали. Весной 2010 года ему пришлось посидеть в Краснодарском СИЗО. Но в целом, можно сказать, правдолюбец отделался довольно легко.

Наивные граждане спросят: а проверялись ли сведения, озвученные Дымовским. Разумеется. У нас в стране любое обращение тщательно рассматривают и в случае необходимости назначают проверку. По обращению майора их назначили целых три – от ГУВД Краснодарского края, от краевой прокуратуры и от МВД. Краснодарские милиционеры уже через два дня отрапортовали: факты не подтвердились. А год спустя страшные события в Кущёвской показали: краевая правоохранительная система прострочена коррупцией, как тухлый сыр плесенью.

Трагически сложились судьбы последователей Дымовского из Республики Коми – бывшего оперуполномоченного Ухты Михаила Евсеева и бывшего зампрокурора этого города Григория Чекалина. В ноябре 2009 года они выложили на YouTube обращения по нашумевшему уголовному делу о пожаре в торговом центре Ухты “Пассаж”. Пожар случился в 2005 году, погибли 25 человек. Суд обвинил в поджоге двух 19-летних подростков – Коростылёва и Пулялина и приговорил их к пожизненному заключению.

Евсеев участвовал в расследовании. Он и поддержавший его Чекалин, утверждают, что подростки невиновны. Якобы, поджог “заказали и совершили совсем другие люди, которые таким образом хотели уничтожить улики в своём магазине в “Пассаже”, опасаясь обыска по делу о махинациях” (“Время новостей”, 06.12.2010).

Тогда Евсеева и Чекалина уволили, но они вновь привлекли внимание общества к ошибочному, по их мнению, решению суда.

Назначили прокурорскую проверку, которая “не подтвердила изложенные г-ном Чекалиным факты” (там же).

Казалось бы, истина установлена, о спорах вокруг старого дела можно забыть. Но как, наверное, поняли читатели, не таково отечественное правосудие, чтобы забывать о тех, кто осмелился публично поставить под сомнение официальную точку зрения. Против Чекалина возбуждают дело о “лжесвидетельстве” и приговаривают к полутора годам колонии-поселения. Евсееву не удалось отделаться так легко. Ему инкриминируют сразу несколько статей – от разглашения “гостайны” (понятно, иностранный шпион!) до совершения преступлений против мирных жителей в ходе боевых действий в Чечне в 2004 году (там же).

Не в первый раз приходится сталкиваться с тем, что русских бойцов, посланных освобождать республику от банд террористов, ныне обвиняют в преступлениях – реальных или вымышленных, совершённых в чрезвычайных условиях войны. При этом они поставлены в заведомо неравное положение по отношению к боевикам. Те амнистированы, им загодя отпущены все грехи. А наши воины – нет. Так-то Родина благодарит своих солдат!

Весной нынешнего года Чекалин обратился на волю с письмом, где рассказывает, что “на Михаила Евсеева... хотят “повесить” ряд особо тяжких преступлений на территории Чечни, якобы совершённых им в период службы

по контракту. Руководство Следственного управления Следственного комитета России по Республике Коми в лице Лыжина А. С. и Овсянникова И. В. открыто грозило ему отправкой в чеченский СИЗО и чудовищными пытками, если он не откажется от своих заявлений по делу о пожаре в Ухте” (newsru.com/.../evseev_4ekalin_print.html).

Чекалин конкретизирует: “Со смехом они рассказывали, что если колючая проволока в толстой кишке не поможет, то лицемерие собственных кишок из вспоротого живота – безотказный способ “узнать правду”!!! (там же).

Разумеется, и это заявление экс-зампрокурора можно подвергнуть сомнению. Но, во-первых, он уже заплатил свободой за отстаивание собственной точки зрения и вряд ли решился бы на повторный демарш без достаточных оснований. Во-вторых, на мой взгляд, даже самое распалённое воображение нормального человека не способно выдумать таких подробностей.

Другое дело, лица “при исполнении”. Ещё с тридцатых годов прошлого века известно, как болезненно изощрены их фантазии. В связи с чем у меня возникает вопрос к нашим лидерам: “Вы ритуально клянёте эпоху Сталина. Но даже если (повторю: даже если) признать верным ваш взгляд на него как на палача и тирана, то чем лучше наше время, когда в той же самой печально знаменитой Ухте совершается такое беззаконие? Совершается в наш “либеральный” век при вашем “гуманном” руководстве?

Это центральный вопрос. А стоило бы поинтересоваться и деталями: почему следователи так давят на Евсеева, чтобы тот отказался от своих показаний по делу о пожаре? Может, он прав, и тогда получается, что в неволе до конца дней обречены томиться невинные? Как это возможно при нынешнем торжестве права и законности, за соблюдением которой следит сам верховный правовец – президент?

Почему следователи грозят заключённому отправкой в другой регион, злорадно заявляя, что живым ему не вернуться? Такого даже при Сталине не было! Закон, может быть, извращали. Но по крайней мере, он был – один для всех людей и для всех регионов.

...Статья, рассказывающая о трагедии Г. Чекалина и М. Евсеева, озаглавлена “Поселение заступников”. Автор вспоминает и других правдолюбцев, решившихся выложить свои обращения в интернете. Майор Татьяна Домрачева, сотрудник ГУВД Свердловской области, уволена, хотя прокурорские проверки подтвердили её правоту. Экс-сотрудник Сочинской военной прокуратуры Александр Попков “оказался фигурантом дела о самовольном оставлении службы”. В отношении тольяттинского участкового Алексея Мумолина начата служебная проверка. Журналист перечисляет немало фамилий и подводит итог: “...Практически никто из последователей майора Дымовского, решившихся, как он, открыто рассказать о злоупотреблениях и “беспределе” в своих подразделениях, не избежал преследований со стороны руководства” (“Время новостей”, 06.12.2010).

Из новейших фактов можно вспомнить увольнение майора Игоря Матвеева, выложившего ролик, где он рассказывал, что военнослужащих 107-й бригады, дислоцированной во Владивостоке, кормили собачьими консервами, а также тушёной с истёкшим сроком годности (newsru.com/russia/.../major_print.html). Репрессии против лётчиков Липецкого гарнизона – старшего лейтенанта И. Сулима и майора А. Смирнова, разоблачивших многотысячные поборы в военной части. Командование сначала отстранило их от полётов, сославшись на “нарушение психической устойчивости” (newsru/russia/.../sulim_print.html), а потом обвинило в “разглашении государственной тайны” (“МК”, 16.06.2011).

Да что говорить, если всемирно известного врача Леонида Рошаля, после того как он отважился с трибуны Всероссийского форума медработников в апреле покритиковать Минсоцразвитие, анонимные представители коллектива министерства попытались смешать с грязью! Очевидно: речь следует вести не об отдельных “досадных случаях”, а о Системе. Системе, которой правдоискатели не нужны.

– Кунсткамера какая-то! – в сердцах ругнётся читатель. – На горстку честных людей – скопище нравственных уродов. Махинаторы, мошенники, во-

ры, заплочных дел мастера, фарисеи, пафосно вещающие о законе и гребущие деньги прямиком с игорного сукна.

“Боже, как грустна наша Россия”, – вырвалось у Пушкина при чтении “Мёртвых душ” (Гоголь Н. В. Духовная проза, М. 1992). “Как грустна”, – с чувством отзовёмся мы.

И всё-таки дело не в экземплярах паноптикума. Во всяком случае, далеко не только в них!

Дело в основах порядка, утвердившегося у нас 20 лет назад. В способах приобретения богатства. В образе мыслей людей, не останавливающихся ни перед чем в погоне за деньгами, влиянием, властью.

Родовая мета нынешней России – приватизация. Которую, иначе как воровской, не назовёшь. Распродав колоссальное общенародное достояние за смешные деньги – 5 млрд долл. (данные главы Счётной палаты С. Степашина*), либеральная власть сформировала абсолютно нелегитимный слой “новых собственников”. Никто из них не смеет сказать: “Я честно заработал своё состояние”.

Но что же вы думали: этому – уникальный никелевый комбинат, этому – алюминиевые заводы с электростанциями в придачу, этому – сотни квадратов тюменской, сочащейся нефтью, земли, и – ничего себе, любимым. Шалите! Так не бывает.

Озолотив выдвигенцев, чиновники создали такие запутанные и противоречивые законы, которые фактически невозможно исполнять. Задали правила игры, изначально обрекающие игроков на поражение. Любого можно обвинить в экономических преступлениях. И посадить. Надолго (примеры имеются). А можно договориться – не по законам, а по “понятиям”. За отдельную плату, разумеется.

Об этом буквально вопят наши нервные буржуа. Показательно выступление некоего Дмитрия Потапенко в телепередаче “Последнее слово” (НТВ, 11.06.2011). Сравнивая законодательства России и других стран, вместе с нами ринувшихся в рынок, он уверял: в Чехии и Болгарии можно вести дела, соблюдая законы, в России – нет!

Статистика это заявление, увы, подтверждает. Недавно международная группа Grant Thornton провела опрос 5,7 тыс. компаний в 39 странах: какие препятствия мешают развитию бизнеса. В России основной ответ: “бюрократы, государственное регулирование”. Его дали 49% опрошенных. В других странах на это препятствие указало гораздо меньше респондентов – 39% (“Коммерсантъ”, 14.04.2011).

Бывший помощник президента Ельцина Георгий Сатаров утверждает: “...Вы можете вести свой бизнес ТОЛЬКО при условии, что будете регулярно заносить определённые суммы в определённые кабинеты. Иначе ваше предприятие отберут в любой момент” (“МК”, 09.12.2010). Ну что же, ельцинскому назначенцу виднее: такой режим начал складываться при его шефе. Хотя, как и положено, с годами он совершенствуется.

Ещё одно фундаментальное условие существования коррупции – низкое качество управления. Тот же Сатаров заявляет: “...Рост коррупции – это всегда рост неэффективности управления” (“Новая газета”, 02.03.2011).

С одной стороны, это процесс объективный. За последние годы во власть выдвинулись чудовищно некомпетентные люди. Да простит меня Георгий Александрович, он сам может служить выразительным примером. Совершив прыжок с должности руководителя сектора научной лаборатории пединститута в кресло помощника президента, он продемонстрировал полную неэффективность и вскоре вынужден был уйти.

С другой стороны, ужасающая “неторопливость” принятия решений – хорошо продуманная тактика отечественной бюрократии. Наверняка каждый сталкивается с ней при “хождении по мукам” в коридорах учреждений любого уровня. Эксперты подсчитали: “Представителю бизнеса, чтобы решить тот или иной вопрос, нужно обратиться в органы власти семь раз (разрядка моя. – А. К.)... С населением ситуация аналогичная” (“МК”, 25.03.2011). Помыкается челобитник и поймёт: “Надо подмазать”. Взятки, как правило, дают не для того, чтобы чиновник

* “Независимая газета”, 18.02.2000.

сделал что-то экстраординарное, а для того, чтобы он исполнил свои прямые обязанности.

На это обратил внимание президент. В беседах с корреспондентами он по контрасту не раз вспоминал оперативность сингапурской бюрократии. Во время посещения островного государства Медведеву предложили лично убедиться, как там осуществляется процесс регистрации фирм. Президент разместил заявку в интернете и через семь минут стал владельцем компании (newsru.com/.../medveskol1_print.html).

Надо отдать ему должное, на этот раз Дмитрий Анатольевич рассуждениями не ограничился. В апреле он внёс в Госдуму законопроект, согласно которому за затягивание принятия решений и предоставления информации чиновников будут штрафовать на 10 тыс. рублей (“МК”, 02.04.2011).

Ещё один источник коррупции – теневая экономика. Простейшее обстоятельство, которое почему-то не приходит в голову официальным борцам с мздоимством: для того чтобы дать взятку, надо откуда-то взять деньги. Самый распространённый способ: классический распил. Деньги дают не свои, а государственные – из суммы заказа, полученного с помощью чиновника. А если речь не о госзаказе? Тогда – украсть! Где легче всего это сделать? В теневой экономике: там маржа больше, ибо не ограничена налогами.

“Теневая экономика как раз та кормушка, которая поддерживает коррупцию, – подтверждает В. Васильев, глава комитета Госдумы по безопасности. – Без теневой экономики коррупция быстро умирает” (“Коммерсантъ”, 16.11.2010).

Информация к размышлению: “В теневой экономике России занято примерно 13 млн человек”. Данные главы Росстата А. Сурикова (“МК”, 02.04.2011). И это не считая “чёрного сектора”: торговли наркотиками, контрафактом, проституции.

И наконец, терпимость общества. Это едва ли не ключевое условие распространения коррупции. О нравственной атмосфере мы будем говорить в следующей главе, но уже здесь придёт-ся упомянуть о ней. Да, существует неприятие коррупции, характерное в основном для молодёжи, активных пользователей интернета. Своими обращениями, нередко коллективными, они не дают покоя правоохранителям. Но есть и пассивность “молчаливого большинства”, равнодушно принимающего мздоимство как неизбежное зло. Иной раз дело доходит до своеобразного манифестирования таких настроений. Нынешней весной присяжные признали невинным подмосковного чиновника, пойманного с поличным при получении взятки в 210 тыс. рублей. “Народный суд оправдал чиновника, так как не увидел в его действиях преступления” (“МК”, 17.03.2011).

Не стал бы обвинять в таком настрое в первую очередь простых людей (хотя как вменяемые граждане они несут свою долю ответственности за обстановку в стране, а тем более за принятие судебных решений как в упомянутом случае).

Главное зло – в идеологии наживы, с насаждения которой начался переход к капитализму. И тот же “МК”, обличающий сегодня решение “народного суда”, так же как почти все СМИ, немало потрудился для этого.

“Процветает мощнейшая коррупция, которой раньше никогда не было, – пишет широко мыслящий учёный из Новосибирска доктор физматнаук С. Дзюба. – Кстати, корни этой коррупции именно в особенностях национальной идеи на современном этапе (здесь и далее разрядка моя. – А. К.). Никакие контрольные или репрессивные меры (типа увеличения штрафа за взятку) положение здесь не исправят, так как против угарного “упоения потреблением” эти меры бессильны” (“Независимая газета”, 23.03.2011).

Увидев этот диагноз: “угарное упоение потреблением”, я сразу вспомнил фотографию зампрокурора Московской области А. Игнатенко на дне рождения теневика И. Назарова – такой восторг обладания всем этим вещным, жрущим и пьющим “от пуза”, миром, такое торжествующее убеждение, что жизнь удалась – здесь и сейчас, прямо у пиршественного стола, отобразилось на его лице. Вот он, символ, лик нынешней эпохи. Живое во-

площение состояния нашего духа, запечатлённое на фотографии энергичного русского мужика.

В последнее время такие “энергичные” подбираются к власти всё ближе – в прямом и переносном значении слова. В 2010 году блогосферу взбудоражили снимки некоего Адмирала, сфотографировавшегося вместе с президентом Д. Медведевым в Сочи. Выяснили: Адмирал, он же Евгений Кудрявцев – главарь “организованной преступной группировки (ОПГ) города Волгодонска”. Человек, между прочим, солидный: издаёт собственную газету с выразительным заголовком “Правда, что!”, которая и опубликовала снимок.

“Люди Кудрявцева, – сообщил портал Newsru.com, – успешно входят во власть, становятся депутатами от “Единой России”, а также принимают на работу “смотрящими” (“смотрящий” – криминальный авторитет, контролирующей определённую территорию) детей начальников правоохранительных органов” (newsru.com/.../medvdfotoleadngng_pri...).

Утверждают, что среди прочих объектов Адмирал и его банда контролируют... атомную электростанцию в Волгодонске. Иначе говоря, в их руках жизни миллионов людей. Но пока Кудрявцев сотоварищи ведут себя осмотрительно. Другое дело, что тем, кто отказывается платить дань, они “арматурой ломают ноги и пробивают головы” (там же).

Расписавшие эти подробности журналисты припоминают, что на инаугурации Дмитрия Анатольевича был замечен другой авторитет – печально знаменитый Сергей Цапок из Кущёвской. В Кремле он присутствовал отнюдь не инкогнито, а как член “региональной делегации во главе с губернатором Александром Ткачёвым” (там же). А почему бы и нет? Цапок состоял “членом Совета молодых депутатов Краснодарского края” (там же).

С депутатами от правящей партии у правоохранителей немало проблем. В 2009 году депутат самарской губдумы (фракция “Единой России”) Олег Борисов проходил по делу о покушении на председателя самарского облсуда Любовь Дроздову (“Независимая газета”, 30.10.2009).

Депутат приморского парламента Геннадий Лысак (фракция “Единая Россия”) оказался замешан в громкое дело о контрабанде китайского ширпотреба (“Время новостей”, 17.06.2010).

Геннадий Симин по кличке Гена Зелёный до своего ареста представлял партию медведей на посту мэра города Александра (Владимирская область). По утверждению “Новой газеты”, он пользовался поддержкой влиятельного единоросса депутата Государственной думы Андрея Бабица (newsru.com/.../genagreencasevlad_pri...).

Из поделывиков Симин сколотил дружный коллектив. Любопытная подробность: они голосовали по команде, которую мэр подавал авторучкой-фонариком – загорался сигнал и все поднимали руки “за”. Однажды – вспоминает раскаявшийся депутат – Симин просигналил случайно: проголосовали “неправильно”. Процедуру пришлось повторять (там же).

Злые языки уверяют, будто и в святилище российского парламентаризма – Государственной думе – обретаются депутаты с сомнительным прошлым, а иной раз и настоящим. С. Белковский припоминает Валерию Рязанскому, первому замруководителя фракции “Единой России”, что в “лихие” девяностые тот управлял “гостиничным комплексом “Измайлово” (снискавшим тогда репутацию эффективного борделя и места повышенного скопления нелегальных китайских гастарбайтеров)” (“МК”, 27.04.2011).

Западные СМИ немало внимания уделяют председателю комитета Госдумы по финансовому рынку единороссу Владиславу Резнику. “Шпигель”, в частности, напомнил, что “летом и осенью 2008 года испанские следователи провели ряд обысков и задержаний в рамках расследования, фигурантом которого был Владислав Резник (цит. по: newsru.com/.../wiki_russmafia_print.html).

Зарубежные журналисты высказывают мнение, что “Единая Россия” теряет популярность и “всё чаще ассоциируется с коррупцией” (цит. по: “Независимая газета”, 16.05.2011).

В интернете появился лозунг: “ЕдРо” – партия жуликов и воров”. Признаюсь, я бы постеснялся воспроизвести его, однако оказалось, что он приоб-

рёл такую известность, что серьёзная аналитическая служба “Левада-Центр” провела социологический опрос: согласны ли с ним жители России.

Результаты впечатляют: 30% согласились. Правда, большинство – 45% продемонстрировали лояльность медведям (newsru.com/russia/.../levada_print.html). Но ещё более удивительной была реакция партийного руководства. Первый замсекретаря президиума генсовета партии “Единая Россия” Андрей Исаев заявил: “Результаты опроса нас вполне устраивают” (там же). О том, что сама постановка вопроса была бы убиийственной для правящей партии в любой нормальной стране, он умолчал.

Более того, в “Единой России” нашлись горячие головы, которые записали интернетовский лозунг в партийный актив. Известный политтехнолог Алексей Чадаев, работавший руководителем политического департамента “ЕР” на официальном сайте партии обнаружил поразительное заявление: “Лозунг “Единая Россия” – партия жуликов и воров” на самом деле сработал в плюс правящей партии... Нормальным стереотипом (здесь и далее разрядка моя. – А. К.) общественного сознания считается гипотеза о том, что во власти сидят жулики и воров. Это было свойственно любой стране и в любую эпоху. Тем самым для массового сознания сказать, что “Единая Россия” – партия жуликов и воров означает просто другим способом заявить, что “Единая Россия” – это партия власти. И таким образом подтвердить стереотип, на котором партия сама в первую очередь настаивает” (цит. по: “МК”, 18.03.2011).

Комментируя неординарное заявление, С. Белковский предположил: “Следуя логике “едрёного” идеолога, можно предположить, что на думские выборы-2011 единороссы пойдут, предварительно раскрыв перед лицом народа полную информацию о том, сколько и чего украдено – ими всеми вместе взятыми. И тогда, видимо, конституционное большинство “ЕдРу” обеспечено” (там же).

Похоже, в “Единой России” нашлись-таки люди, которые сочли, что заявление ведущего партийного политтехнолога – это уж слишком. Чадаеву пришлось уйти.

Но народное творчество среагировало мгновенно. В “горячей пятёрке анекдотов “МК” появилось объявление: “Лозунг: “Долой коррупцию!” признан в России экстремистским как призывающий к свержению существующего строя” (“МК”, 20.05.2011).

Итак, коррупция в России необорима, ибо слилась с существующим строем? Это утверждают многочисленные скептики, рассматривающие кампанию по борьбе с коррупцией, объявленную президентом Медведевым как своего рода “забаву интеллектуалов”, не знающих страны, этакую “игру в бисер”. “Вы видите – ничего не меняется, – торжествуют они, указывая на продолжающиеся беззакония. – И не изменится! Это – Россия”.

Но задумываются ли скептики, задумываетесь ли вы, читатель, как ая судьба ждёт страну, если не побороть зло. О том, каким будет неизбежный финал процесса разложения, не так давно предупредил один из самых опытных юристов и государственных деятелей России – председатель Конституционного суда Валерий Зорькин в статье “Конституция против криминала” (“Российская газета”, 10.12.2010). Её главный тезис я вынес в эпиграф: “Вопрос об эффективности ведущейся борьбы с криминализацией – это вопрос о том, сохранится ли Россия в ближайшие десять лет”.

Приведу ещё ряд выдержек из этой содержательной работы. От комментариев воздержусь – тезисы В. Зорькина в них не нуждаются.

“...Речь действительно идёт о замещении криминалом важнейших функций, подлежащих ведению государства и гражданского общества...

...Слишком глубоко – и это нужно честно признать – зашла у нас в Отечестве оргпреступная болезнь...

...Любое затягивание начала... борьбы с оргпреступностью катастрофически подрывает главный базис существования России – основы её конституционного строя. Я не могу также не отдавать себе отчёт в том, каков масштаб негативных последствий, порождённых столь глубоким подрывом нашего конституционного строя.

...Когда-то по отношению к таким констатациям говорилось: “Не надо драматизировать”. Мы знаем, к чему привела в итоге псевдоуспоко-

ительная риторика этого рода. Мы потеряли страну, оказались ввергнуты в пучину глубоких социальных и геополитических катаклизмов...

...Граждане наши тогда поделятся на хищников, вольготно чувствующих себя в криминальных джунглях, и на “недочеловеков”, понимающих, что они просто пища для этих хищников. Хищники будут составлять меньшинство, “ходячие бифштексы” – большинство. Пропасть между большинством и меньшинством будет постоянно возрастать.

По одну сторону будет накапливаться агрессия и презрение к “лузерам”, которых “должно резать или стричь”. По другую сторону – ужас и гнев несчастных, которые, отчаявшись, станут мечтать вовсе не о демократии, а о железной диктатуре, способной предложить хоть какую-то альтернативу криминальным джунглям.

...При этом совершенно не ясна социальная (если хотите – классовая) природа предлагаемой диктатуры. Что если речь пойдёт о диктатуре всё того же криминала? Согласитесь, что в сложившейся ситуации подобный сценарий является вполне вероятным... (“Российская газета”, 10.12.2010).

Подчеркну – это не утверждения публициста, который может позволить себе эмоциональные преувеличения. Это слова профессионального юриста и опытного политика, основанные на колоссальном объёме информации, который он, благодаря своему высокому официальному положению, владеет. Здесь нет допущений: “Может быть так, а может иначе”. Если автор говорит: “Нам отпущено десять лет”, то к этому прогнозу следует отнестись со всей серьёзностью.

России нужна не только модернизация. Ей нужно глубокое самоочищение. Если угодно – перековка. Огнём и молотом. Но – огнём закона, а не диктатуры. Потому что сегодня, согласен с В. Зорькиным, выдвинутый диктатора способен именно сросшийся с властью криминал.

(Продолжение следует)

СЕРГЕЙ СЕМАНОВ

МИСТИКА!

К 170-летию со дня смерти Лермонтова

Совершенно очевидно, что историю человечества невозможно постичь без мистики. Это вряд ли станут оспаривать даже закоренелые атеисты или фанатики любых мастей, слишком уж такое заметно. Приведём тут только один пример, бесспорный и необычайно яркий, и остаётся лишь удивляться, что он мало известен.

Великий русский поэт Лермонтов родился 14 октября 1814 года, трагически погиб 27 июля 1841-го (даты приведены по новому стилю). Слава поэта в русском народе велика и никогда не закатывалась, здесь его можно сравнить только с Пушкиным. Его всегда любили и чттили, но с памятью его происходили невероятные истории, которые разумом никак не объяснимы. Перелистаем же памятные даты.

Столетие со дня рождения поэта собирались отмечать очень широко, готовились многочисленные торжества, издание его сочинений, научные труды. Однако все планы неожиданно рухнули: с августа юбилейного для Лермонтова 1914 года Россия оказалась втянутой в Первую мировую войну, сразу же начались тяжёлые сражения, не всегда удачные, со многими тысячами убитых и раненых. Намеченные торжества были скомканы, издания вышли далеко не все и не в лучшем исполнении.

Столетие со дня гибели Лермонтова собирались при Сталине отметить уже на государственном уровне, примерно так же, как недавно прогремел по всей стране пушкинский юбилей с великими торжествами. Увы, 27 июля 1941 года Красная армия под ударами немецко-фашистских войск уже сдала Белоруссию и Прибалтику, отходила к Киеву. Какие уж могли быть литературные юбилеи в такую-то страду! В те страшные дни в газетах и на радио о поэте едва вспомнили. И то слава Богу.

Трагикомические события случились точно в 150-летнюю годовщину рождения Лермонтова. В сумасшедшие хрущёвские времена о русских памятных датах забывали, никак не отметили, например, два века исторической Полтавской победы. Но общественность поэта помнила и собиралась почитать его имя. Но вот именно 14 октября 1964 года в Советском Союзе произошёл государственный переворот, обрыдший всем Никита был свергнут и заменён Брежневым. Новой власти тут было не до поэзии, торжеств не случилось, остался в народной памяти лишь весёлый анекдот. Встречаются две старушки, болтают: “А ты слыхала, Хрущёва-то сняли. — Да ну, а кто ж вместо него? — Да вроде какой-то Лермонтов, целый день о нём радио говорит”. Вот так, именно радиопередачами отметился тот очередной лермонтовский юбилей.

Многим современникам довольно неожиданно будет узнать, что относительно недавно очередная круглая годовщина поэта – 150 лет со дня гибели – опять была затемнена мерзкой политической суетнёй, ибо пришлась она на конец июля 1991 года. А за июлем маячил позорный август, отчётливо напоминавший февраль 1917-го. Со всех столбов и проводов разноцветные, но одинаково чёрные по замыслам вороны пели растерянному народу о прелестях рынка, капитализма и о борьбе с привилегиями. Бедный Лермонтов, ему опять не повезло у себя на родине. Кто уж в то безумное, истерическое время мог бы вспомнить трогательные строки “Одну молитву чудную твержу я наизусть”.

Как угодно мыслите, но без мистики невозможно постичь поразительное и трагическое совпадение всех четырёх юбилеев поэта.

То было как бы вступление, а теперь о главном – о мистической подоплёке некоторых больших и весьма известных исторических событий. Это лучше поможет понять зыбкую современность.

События всемирно значимого 1917 года в России изучены к нынешнему дню досконально. Известны все подробности и действующие лица, всё тайное давно прояснилось. И всё же, всё же... Могучая императорская власть рухнула буквально за три дня и сразу исчезла навсегда. Громадное большинство верноподданных государя вдруг в одночасье сделались убеждёнными и страстными республиканцами. Обывательское благоразумие подсказывает: так в жизни не бывает. Но именно так и было, что несомненно.

Движемся далее по нашей мистической лестнице, опираясь лишь только на бесспорные исторические обстоятельства. Десятилетие Советской власти было отмечено относительно скромно. В ту пору Маяковский задиристо писал: “Моя страна – подросток, твори, выдумывай, пробуй!”. Действительно, десяток лет есть срок незначительный для глубоких общественных перемен, они совершаются неспешно. Другое дело – двадцатилетие события. Тут выросло в новых условиях уже целое поколение людей. Есть полная возможность делать выводы и предъявлять счёты за содеянное.

Двадцатилетие Октября пришлось на печально знаменитый 1937 год. Отпраздновали его у нас в стране с небывалой пышностью, как и последующие юбилеи ВЧК и Красной армии. Примечательно то, что уже к концу названного года большинство “комиссаров в пыльных шлемах”, сподвижников Троцкого, были физически уничтожены, вычеркнуты не только из жизни, но даже из памяти, причём на этой бойне закалённые в кровавых делах бандиты не оказали никакого сопротивления своим новоявленным палачам. Впрочем, вскоре настала очередь и для тех, – не все, но многие, ушли вслед за ними.

На судебных процессах той поры, похожих на театральные действия, да ещё в присутствии иностранных наблюдателей, все обвиняемые деловито и спокойно каялись в жутких преступлениях, убийствах, отравлениях, заговорах, шпионаже для бразильской или цейлонской разведок. До сих пор “борцы с культом” уныло твердят о страшных пытках, но теперь безусловно установлено, что Каменева и Зиновьева, Тухачевского и Радека никто не бил и не истязал. Почему же театральная постановка прошла столь успешно для её устроителей? Сегодня никто из добросовестных учёных не сможет точно ответить, у всех есть лишь предположения. Тут долго ещё придётся размышлять.

Зато легко объяснимо сочувственное отношение подавляющего большинства народа к приговорам тех зловещих судов. Не следует некоторым почитать людей за дураков, народ может не знать подробностей, но чувствует обычно верно. Так и в данном случае.

Люди старшего и среднего поколения хорошо помнили и рассказывали молодым о злодействах Зиновьева в Петрограде, как истреблял тамбовских крестьян Тухачевский, как Бухарин поносил память любимого русского поэта Есенина, как гнобил сибирских мужиков во время коллективизации тамошний наместник Эйхе.

Сталинская контрреволюция тридцать седьмого года дорого обошлась народу, ибо вслед за кровавыми Троцким и Тухачевским пошли под палаческий нож многие тысячи безвинных, поэтому рассуждать о том самом 1937-м следует в высшей мере осмотрительно. Однако совершенно очевидно бесспорное: через двадцать жестоких годин Советская власть стала иной, из интернациональной сделалась патриотической.

Вспоминать о дурацком (иного слова тут не подберёшь) не только неприятно, но и скучно, ибо всем памятно и давно понятно. К 1991 году значительная часть людей поддалась обману и самообману. Но если бандеровцы, кавказцы, прибалты и евреи исходили при этом из своих национально-эгоистических интересов, то русские собирались в стотысячные толпы на улицах Москвы и Ленинграда, истошно вопили: “Ель-цын, Ель-цын!”, а следом — “Долой КПСС!” Особенно нелепым было то, что немалое число орущих состояли членами этой самой партии. Впрочем, отрезвление пришло скоро, шествия пошли совсем с иными призывами. Но было уже поздно, власть крепко захватили Гайдар сотоварищи.

Прошло ровно 20 лет. Что произошло с Россией, говорить и скучно, и грустно, а главное — всем известно. Привычными стали уже гневные обвинения убыли населения, обнищание и одичание большинства народа с миллионами бомжей и беспризорных детей, упадок образования и науки, а над всем этим парит сотня наглых миллиардеров, развлекающихся в Куршевелях (и ведь все, как на подбор, не русского происхождения). Пересчитывать язвы нынешней русской жизни можно бесконечно.

Все, кто внимательно отслеживают настроения русского общества, единодушно отмечают резкий рост недовольства внутренней (и отчасти внешней) политикой властей. Недовольство в последнее время переходит в раздражение и даже озлобление. Никаких планов реального исправления существующего положения дел у власти нет. Тревожное состояние общества власть вроде бы даже не тревожит, что удивительно. Госаппарат поражён коррупцией и полным равнодушием к нуждам народа. В государственной идеологии царит невнятица, похожая на безумие: с одной стороны, исступлённо борются с тенью Сталина, с другой — дают премию Министерства культуры (государственную) питерским пачкунам, которые изобразили непристойность на знаменитом Литейном мосту. Их бы в кутузку за хулиганство, но вот... Мало нам Ксюхи и Гай Германики.

В заключение опять вспомним Лермонтова. Ближайший его юбилей — июль 2014 года. Но сперва надо пережить август года нынешнего.

ГЕОРГИЙ АБСАВА

ПРОТИВ АНТИЛЕРМОНТОВЕДЕНИЯ

(К 170-летию гибели М. Ю. Лермонтова)

Короткая биография самого энигматичного русского поэта полна вопросов, на которые пока нет ответа. До сих пор неразрешимой загадкой является тайна его смерти. Общепринятой является версия о гибели М. Ю. Лермонтова на честном поединке с Н. С. Мартыновым, якобы доведённым до отчаяния издевательствами желчного мизантропа. Однако неоспоримые документы подлинного “Следственного дела”, опубликованные в 1992 г., свидетельствуют о предательском убийстве под прикрытием экстремальных обстоятельств дуэли. Более того, вопреки установившемуся мнению, поэт не был убит наповал – тяжелораненный, истекающий кровью, он был оставлен без помощи под проливным дождём и скончался через 3 часа при перевозке в Пятигорск. “Дуэли не было – было убийство”, – говорил Р. И. Дорохов, боевой товарищ Лермонтова писателю А. В. Дружинину. Об этом же позднее писали Н. Коротков, С. Недумов, И. Кучеров, В. Стешиц, В. Швембергер, такого же мнения придерживался К. Паустовский.

Есть основания подозревать зловещую роль секундантов на роковой “дуэли” – князя А. Васильчикова, корнета М. Глебова, а также родственников поэта А. Столыпина (“Монго”) и князя С. Трубецкого. Понятно, что этим людям было жизненно необходимо оправдаться любой ценой, в том числе и опорочив имя своей жертвы. От Мартынова, Васильчикова и (возможно) их подельников тянутся клеветнические инсинуации, окутавшие ядовитым туманом память М. Ю. Лермонтова.

Из их круга выползали слухи о невыносимых лермонтовских насмешках, об оскорблении им чести сестёр Мартынова и проч. (лживость этих измышлений доказана в работах И. Андроникова, Э. Герштейн, О. Миллер и других советских лермонтоведов). Оказался живучим вымысел о том, что Михаил Юрьевич сам спровоцировал Мартынова на роковой выстрел, обозвав “дураком” на барьере. Версия эта исходит от князя А. Васильчикова, которого многие исследователи не без основания считают врагом поэта и организатором его убийства. Потомки князя, живущие за границей, много лет безуспешно пытались сбросить эту байку через эмигрантскую прессу. Но вот написанная на её основе посредственная компиляция “Лермонтов. Трагедия на Кавказе” англичанина Л. Келли издана в Москве – и клевета введена в научный оборот.

Мутные валы клеветы по-прежнему накатываются на светлый образ поэта. Вот, извольте – в книге “Загадка последней дуэли” является миру статья “Лермонтов ли Лермонтов?”, где В. Захаров, не моргнув глазом утверждает, что отцом Михаила Юрьевича был... крепостной кучер в Тарханах. Единственное основание: воспоминания тамошней 114-летней (!) крестьянки, изложенные в письме какого-то малограмотного паренька. Вряд ли в это верил крупный лермонтовед В. Мануйлов, но что удержало маститого учёного от того, чтобы выбросить этот написанный корявым почерком вздор в поганое ведро? Чувство юмора и склонность к мистификациям – или тщеславное желание когда-нибудь произвести сенсацию недостоверной, но оглушительной находкой? С 1936 г. хранил Виктор Андроникович замусоленную бумажку в ящике стола. Но после его смерти она попала в руки В. Захарову, а тот, ничтоже сумняшеся, не побрезговал предать её гласности.

Можно только заметить, что порочить репутацию женщины, тем более давно умершей, всегда считалось у нас недостойным занятием. Но видно так низко пала мораль общества, что уже не является зазорным вбросить сомнительный слух, чтобы хоть на карачках подползти поближе к известности. Желание честолюбивых “лермонтоведов” выбиться в люди на гребне скандальной волны понятно, но и мы тоже хороши, коли равнодушно слушаем грязную сплетню.

Морально-этические нормы со временем эволюционируют (и к сожалению – часто в сторону деградации), и сейчас в общественном сознании существуют довольно туманные представления о девичьей чести, женской гордости, о дворянской кастовости, наконец. Современному человеку трудно понять хрупкую болезненную девушку, сумевшую отстоять своё право на любовь в конфликте с властной матерью и выйти замуж за Ю. П. Лермонтова. А понять характер Марии Михайловны Лермонтовой, причувашей маленького Мишеньку к добру и состраданию к обездоленным, необходимо – тогда станет ясной абсурдность вымысла о том, что аристократка из рода Столыпиных и Арсеньевых, воспитанная в духе высокой морали, не страдавшая модными нынче сексуальными перверсиями, могла унизиться до случайной связи. Это, знаете ли, не теперешняя “звезда”.

Не был Юрий Петрович Лермонтов картёжником, пьяницей, мотом и аморальным мужем, избивавшим жену и изменявшим ей с кем попало – эти слухи распространяли родственники Елизаветы Алексеевны Арсеньевой (ур. Столыпиной), бабушки поэта, чтобы помочь ей отнять сына у отца. Не выдавала она дочь за нищего помещика, чтобы прикрыть бесчестье, и не передать полагавшееся ему по закону приданое жены, которое непрактичный Юрий Петрович не оформил вовремя на себя. А Миша нежно любил отца, тосковал в разлуке, посвящал ему стихи; портрет его он хранил до конца жизни. И отец тоже любил своего сына – ознакомьтесь с его завещанием; православный человек перед смертью не лжёт.

Не надо забираться в дебри психопатологии, от которых смутился бы сам Фрейд. Чем верить столетней бабке и гебефренному подростку, перечитайте (или прочитайте) автобиографическую пьесу М. Ю. Лермонтова “Люди и страсти”. Разрыв между самыми близкими мальчику людьми – отцом и бабушкой – описан самим участником, невольным виновником и жертвой этой семейной драмы. Каких ещё свидетелей надобно? Остаётся посоветовать любителям эпатажа брать пример с медведя – тот, хотя и сосёт лапу, но сенсаций из неё не высасывает.

У людей всё по-иному: высосанный пасквиль тут же подхватывают образованные люди с атрофированным чувством брезгливости, и даже не обтерев рукавом, отправляют в рот, а из жвачки фабрикуют целую книгу. Примерно по такой несложной технологии состряпан роман “Мишель” Е. Хаецкой, где писательница, отбросив сомнения в грехопадении Марии Михайловны, в родовых муках творчества производит на свет двух братьев Лермонтовых, Юрия и Михаила. Первый – лихой гусар, храбрый вояка и заурядный вишнелёт. Второй – злобный насмешник, уродливый трус, но при том гениальный поэт. Доказательства? Пожалуйста, их у нас есть: “... Два портрета кисти Заболотского. На одном – юный красавец, на другом угрюмец со скошенным лбом и неправильным прикусом. Лица очень похожи. Но куда подевалась мягкая улыбка со второго портрета?” Факт не менее убедительный, чем пятый туз из

рукава. Г-жа Хаецкая забыла спросить: а куда подевалась сигара со второго портрета? Вот же она, неопровержимая улика – один с сигарой, другой без, значит, братьев Лермонтовых было двое.

Е. Хаецкая – писательница-фантаст, вернее, “фэнтезист”, а этот народ привык обращаться с фактами запанибрата. Не стоит говорить уж о таких перлах – осьмнадцатое столетие у неё истекает в 1811 г., сорок дней со дня рождения Мишеньки, оказывается, “сороковины” и т. п. Но, почтеннейшая, князь Васильчиков ну никак не мог успеть впутаться в преступную цепочку контрабанды оружия и едва ли не возглавить её. Нет, контрабандная поставка оружия горцам существовала, да ещё какая, для того на Кавказ командировали жандарма А. Кушинникова (а вовсе не для слежки за Лермонтовым). Однако Васильчиков служил в 1840–1841 гг. в Грузии в комиссии барона Гана, а после её неудачи решил отсидеться в Пятигорске.

Перечень ляпсусов можно было бы продолжить, но не в них суть. Почему писатель, работающий в жанре “фэнтэзи”, не оперирует на своём привычном поле? Отчего бы не описать приключения вымышленных братьев в какой-нибудь мифической стране в духе “Аватара” или на худой конец “Властелина колец”? И критики не станут придираться. Описал же похождения некоего англичанина в землях Бробдингнегг и Глабдобдриб один ирландский священник, и ничего – до сих пор читают. Правда, то был сам преподобный Джонатан Свифт!

Однако этот отдел литературной лавочки нынче забит доверху; цены на такой товар отечественного разлива упали, а заработки снизились. Вот для того-то и придуман “римейк” – раскрутка безвкусной компиляции под соусом известного “бренда” (в данном случае Лермонтова), чтобы, сэкономив на рекламе, быстро и дёшево получить прибыль. Что можно сказать о такой, мягко выражаясь, вольной манере обращения с биографией одного из величайших наших поэтов? “Литературное хулиганство” – молвит с застенчивой улыбочкой г-жа Хаецкая. Но Лермонтов – символ России, а хулиганство с национальной символикой недопустимо и предел ему должен быть положен.

Казалось бы, довольно для одного человека, даже великого. Но из пальца г-на Захарова, как из дырявого пыльного мешка, высыпается новая баечка о том, что поэт в детстве якобы страдал водянкой головного мозга: этот вывод сделали неизвестные “нейрохирурги”, увидав известный портрет Лермонтова в детстве. Человеку, ухитрившемуся выжить после такого тяжелейшего заболевания, дай Боже, как говорится, читать-писать научиться, а не “Героя нашего времени” создать. К сожалению, собеседниками нашего “лермонтоведа” оказались какие-то, видимо, начинающие медики (да и медики ли?), допущенные к созерцанию портрета явно после весёлого обеда; иными причинами диагноз сей объяснить невозможно.

Трудно понять, чем вызвано феноменальное стремление к диффамации М. Ю. Лермонтова, но очередь желающих попасть в эту малопочтенную компанию не уменьшается. Из какой выгребной ямы автор книги “Другой Петербург” К. Ротиков выкопал сказку о якобы гомосексуальности Лермонтова? Этой темой г-н Ротиков прямо-таки упивается, раздавая медали с “голубым” отливом всем выдающимся людям, когда-то жившим в Петербурге. Там, видите ли, география такая, благоприятствует-с. Заодно и Лермонтов был “сопричислен лику” за так называемую “юнкерскую поэзию”.

Не будем спорить о пристрастиях российских политиков и деятелей культуры прошлого и настоящего (желающих отсылаем к известному З. Фрейду и небезызвестному Г. Климову). Но Михаила Юрьевича награждать таким титулом чохом, “до кучи” право же, не стоит. Тем более за несколько сочинений, написанных на потеху едва вышедших из детского возраста полувоенных “бамбошеров”. Шутки подростков зачастую отличаются грубостью, выходящей за пределы приличий и языковых норм. Так было и в Юнкерской школе среди 400 юных лоботрясов, желавших казаться взрослыми. В юнкерской поэзии Лермонтова традиционно ориентированный глаз ясно видит гротеск и юмористически утрированную подражательность тогдашней эротической лирике (в основном переводной с французского) для усиления комизма виртуальной ситуации.

Достоверность выводов К. Ротикова ставит под сомнение его поверхностное знакомство не только с творчеством, но и биографией М. Ю. Лермонто-

ва. Автор не знает, что род поэта действительно имеет шотландские корни (и даже через линию Гордонов пересекается с родом Байронов), дворянские гербы испанских Лерма, шотландских Лермонтов и русских Лермонтовых почти идентичны; Святослава Раевского (друга Мишеля) близкие называли не “Стас”, а “Слава”; однокашник поэта П. Тизенгаузен не мог служить с ним в Петербурге в гродненских гусарах – этот полк был расквартирован под Новгородом и т. д.

Однако поражает почти клиническая мелочность, с которой Ротиков выискивает признаки гомозротизма в творческом наследии Михаила Юрьевича: на основании одного лишь четверостишия о “туксусе Капгаре” (которое по сути является черновиком перевода восточной поэзии) этот автор делает ошеломительное заключение о гомосексуальности как эстетической позиции поэта. Жаль, что г-н Ротиков, с упоением цитирующий М. Кузмина и А. Апухтина (с этими-то всё ясно), не удосужился глубже ознакомиться с лермонтовской лирикой, ибо её ориентация может вызвать сомнения только в нетрадиционно изменённой психике. Видимо, гробокопательство в петербургском некрополе с поголовным обмазыванием усопших голубой краской не оставило почтенному автору времени прочитать хотя бы небольшой томик избранных стихотворений М. Ю. Лермонтова.

Демон клеветы хотя и малограмотен, но весьма изобретателен и активен. Поэту его адепты сомнительного литературного поведения способны броситься в другую крайность – сенсации ради. Уже известного В. Захарова бес мелкого тщеславия подтащил ещё к одному неожиданному выводу: “. . . Нет ни одного доказательства его (Лермонтова. – Авт.) интимных отношений с женщинами. Можно предположить, что у него не всё было в порядке с половыми органами, возможно, из-за перенесённых в детстве болезней. Во всяком случае, как только дело доходило до помолвки, он уходил в кусты. Например, он сам на себя написал анонимку и отправил её Екатерине Сушковой, чтобы ему отказали от дома. И своего добился”.

Не исключено, что Захаров желает продемонстрировать свою литературную эрудицию, в частности, знакомство с новеллой К. Чапека “Дон Жуан”, где обыграна такая ситуация. Это похвально, но надо же хоть немного знать и биографию Лермонтова. Ведь интригу с Е. А. Сушковой (Хвостовой) поэт затеял только для того, чтобы расстроить её помолвку со своим другом А. Лопухиным, едва ли не по просьбе семьи, опасавшейся брака тихони Алексиса с искушённой кокеткой, охотившейся за женихами. Мишель был того же мнения, поэтому жениться на многоопытной вертихвостке не собирался. Впоследствии он намеревался связать свою судьбу с юной красавицей княгиней М. А. Щербатовой. Свадьба расстроилась из-за дуэли с Э. де Барантом: Лермонтов был сослан на Кавказ, а Мария Алексеевна, подавленная смертью сына и затравленная светскими сплетнями, была вынуждена уехать за границу.

Как будто всё ясно, но “маститого” лермонтоведа вновь окатывает “потный вал вдохновенья”, и он мчится за своей хромающей на все четыре ноги фантазией в Тарханы зимой 1836 г., куда Лермонтов приехал к бабушке в свой первый отпуск из полка. Поэт находится под тяжёлым впечатлением от встречи в Москве с уже замужней Варварой Лопухиной-Бахметевой (любовь к ней он пронёс через всю свою короткую жизнь). Из Тархан он пишет сугубо “мужское” письмо С. Раевскому, где – надо признать, весьма вольно сообщает об отказе от помещичьих развлечений с дворовыми девками. Сердце Мишеля принадлежит Вареньке (“надо тебе сказать, что я влюблён. . .”), он отвергает заигрывания распущенных неопрятных девиц. Почему же В. Захаров с упорством, достойным лучшего применения, снова желает видеть в высокой нравственности и глубине чувства поэта проявления той самой “слабости”? Отдадим должное современникам – уж они-то так не думали, о чём свидетельствует хотя бы известное письмо В. Г. Белинского к В. П. Боткину, где он описывает успехи Лермонтова у петербургских аристократок.

С Белинским согласна современная писательница Л. Белова: оказывается, доводил Михаил Юрьевич свои романы “до конца”, даже отцом стал! Она поведала миру о любви Лермонтова и А. О. Смирновой-Россет, итогом которой считает появление на свет их дочери Надежды. Утешительно было бы думать, что где-то на свете здравствуют прямые потомки поэта. Но увы – это не более, чем вымысел.

Александра Осиповна Смирнова – прославленная красавица, “черноокая Росетти” (А. С. Пушкин), друг, муза и покровительница русских литераторов, высоко ценила Лермонтова-поэта, хлопотала за него в высоких инстанциях. Смирнова произвела на Мишеля огромное впечатление, он посвящал ей стихи, любил её остроумные выходки (“штучки”); в отрывке “У граф. В.” оставил описание этой светской красавицы. Однако её независимый характер и резкость суждений, по-видимому, внушали поэту почтение и даже робость: “Но молча вы глядите строго, / И я в смущении молчу”. Находясь на Кавказе, он не решается написать ей. Вряд ли это похоже на отношения двух влюблённых. Насколько более близкой и тёплой была дружба Смирновой с другим гением – Н. В. Гоголем; некоторые современники (например, С. Т. Аксаков и др.) даже подозревали, что Гоголь втайне влюблён в Александру Осиповну.

Однако Л. Белова, воспользовавшись апокрифическими “Записками А. О. Смирновой”, фальсифицированными её старшей дочерью Ольгой, а также собственноручной смирновской “Биографией А. О. Чаграновой” о флирте с родственником мужа Н. Д. Киселёвым в Бадене в 1836 г., с богемной вольностью сочла их завуалированным описанием её романа с поэтом. (Кстати: Чигранова – фамилия героини сожжённого Н. В. Гоголем тома “Мёртвых душ”). Переплетая судьбы этих людей, писательница опубликовала литературный коллаж под названием “Александра и Михаил. Последняя любовь Лермонтова” (М. 2005). К его достоинству относится уважительное отношение к памяти великого поэта и редкое нынче отсутствие кощунственных “сенсаций”. Но, к сожалению, образ Лермонтова схематичен, в довольно монотонном повествовании ему отведено мало места, он как будто растворяется в излишне детализированных компилятивных разработках побочных линий. Главное – читатель не увидит яркую впечатляющую личность поэта, воина и патриота, каким был Михаил Юрьевич в жизни.

Всё это не преминуло отразиться в кривом зеркале некоторых СМИ. Уже в трескучем заголовке: “2 октября 195 лет со дня рождения автора поэмы “Демон” и романа “Герой нашего времени”. Фрейлина Николая I родила дочку от Лермонтова” (Экспресс-газета, № 38 (763) 2009) журналистка Т. Кокина-Славина и “видный историк” А. Гончаров ухитрились допустить сразу несколько ляпсусов. Во-первых, дата рождения поэта дана по старому стилю, но живём мы всё-таки по новому стилю. Далее, фрейлинами могли быть только незамужние девушки; Смирнова оставила эту должность в 1832 г. в связи с браком, и к моменту рождения её третьей дочери, якобы от Лермонтова, была замужем уже 8 лет. Наконец, у Николая I, как и у всех русских императоров, не было фрейлин – они служили в свите императриц и великих княгинь. И уж совсем непонятым представляется выбор в качестве иллюстрации картины И. Е. Репина “Дуэль”, которая никакого отношения к дуэли М. Ю. Лермонтова не имеет.

В кинематографическом освещении образа поэта также просматривается стремление добиться скандального успеха спекуляциями на периодически всплывающих шокирующих вымыслах. В тумане клеветы совершенно утонул телесериал “Из пламя и света”, где Лермонтов предстаёт в набившем кислую оскомину виде желчного мизантропа, страдавшего навязчивыми суицидальными состояниями, вынудившего несчастного благородного Мартынова на фатальный выстрел. Нет необходимости обсуждать недостатки этого фильма, наскоро сколоченного в далеко не лучших традициях постсоветского телесериала. Но насколько кощунственно звучит реплика убийцы: “Зачем ты заставил меня сделать это?” Здесь обыгрывается версия патологического стремления Лермонтова к смерти, родившаяся в воспалённом мозгу философа В. Соловьёва. Досадно, что эту дикую, отдающую жёлтым домом “концепцию” почему-то разделяют некоторые современные лермонтоведы, например, А. В. Очман.

Прошедший в 2007 г. телесериал “Печорин” – наивная попытка экранизации лермонтовского романа – оставил не менее удручающее впечатление. Вместо трагедии невостремленной Россией сильной личности, растратившей свои незаурядные дарования и обратившей их к злу, нам показали сомнительные похождения самовлюблённого повесы и авантюриста. Перед нами выкроенный из отечественной поскони триллер “со вкусом Лермонтова”, подобно напичканному химией напитку “со вкусом вишни” для “поколения “пеп-

си” (подробнее о фильме – см. публикацию автора в газете “День литературы”, 2007, № 8).

Ярким пятном на этом грязно-сером фоне до сих пор выглядит блистательный кинофильм “Лермонтов”, бережно и с огромной любовью снятый ещё в 80-х гг. Н. П. Бурляевым. В этой небольшой по современным меркам ленте народный артист России создал тонкий и одухотворённый образ Поэта, за что был подвергнут травле со стороны критики и даже товарищей по цеху. К сожалению, с той поры “...на поверхность, подобно грязной пене, изредка всплывали либо бесцветные опусы псевдобиографического толка, либо откровенные клеветнические искажения личности Лермонтова, порочащие его самого, бабушку, мать, отца, оправдывающие убийцу с сообщниками” (Н. Бурляев).

Нельзя не разделить тревогу замечательного русского артиста. По-прежнему, подобно клубку ядовитых змей, вокруг образа великого поэта сплетаются разнообразные лживые измышления. Право же, надоело повторять сказки, сочинённые убийцами Лермонтова, о его несносных издевательствах, оскорблявших друзей и знакомых. Но как характеризовать недавнее высказывание ведущего телепрограммы “Умники и умницы” профессора МГИМО Ю. Вяземского: “...Пушкина и Чехова паиньками не назовёшь, а Лермонтов и вообще был полубандитом” (“МК”, 22.01.10). Вся клеветническая продукция, обрушенная на Михаила Юрьевича, хорошо известна, но с таким обвинением приходится сталкиваться впервые, да и самозванный лермонтовед ранее на этом поле замечен не был. Трудно сказать, что подвигло почтенного профессора, воспитателя юношества, телезвезду и прочая, и прочая, на такое дебютное “открытие” в лермонтоведении. Это, по-видимому, останется навсегда его личной тайной. Можно только пожалеть юных умников и умниц, имеющих подобных наставников.

История русской литературы не знает других подобных примеров, когда на великого поэта было возведено столько лживых вымыслов и грязных слухов не только противоположного, но даже взаимоисключающего характера. Но есть верное средство отличить правду от вымысла: то, что так запутано, правдой быть не может. Однако констатировав ложь, имеем ли мы право ограничиться презрительным пожатием плеч? Безусловно, нет; нельзя проходить мимо такого литературного разбоя, насилиям в извращённом виде над фактами и прочими отягощающими обстоятельствами. И вот почему.

М. Ю. Лермонтов фактически явился первым, кто начал “программировать” человека будущего, создавать установки для формирования у него высоких гражданских качеств. Его жизнь может стать примером для подражания каждому новому поколению. Россия не может существовать без идеологии, а её нельзя создать, не имея образов тех личностей, с которых молодёжь будет строить свою жизнь. В этом опасность очернительских кампаний, порочащих не только Лермонтова, но и других выдающихся людей, а также события истории нашей страны. Невольно испытываешь чувство стыда за то, что приходится принимать законодательные меры против фальсификации истории России её же гражданами. Стоит ли после этого возмущаться парадами эсэсовцев в Прибалтике, осквернением могил советских воинов, клеветническими нападениями на нашу великую Победу?

Свобода слова у нас, к сожалению, выродилась во вседозволенность. Любой начётчик, нахватавшийся отрывочных сведений и желающий прорваться к известности, может сейчас опубликовать (были бы деньги) кощунственно звучащую сенсационную “новость” о гиганте русской поэзии – и не только о нём. А услужливые журналисты, стремясь поднять продажу своих изданий, охотно предоставляют рупор для тиражирования беспардонного вранья. Можно не без оснований критиковать советское лермонтоведение за идеологическую зашоренность, но его отличало бережное и объективное отношение к памяти Лермонтова.

К сожалению, сейчас тщательно сформированная советская школа научного лермонтоведения близка к развалу. Безусловно, сказался уход из жизни выдающихся исследователей – И. Л. Андроникова, Э. Г. Герштейн, В. А. Мануйлова (а недавно – Ю. П. Беличенко). Однако продолжают работать их ученики и последователи, функционирует Лермонтовское общество, действуют музеи и заповедники в Москве, Тарханах, Пятигорске, Железноводске, Тамани и т. д.

Однако деятельность этих центров разрознена, они не в состоянии координировать свою работу, не всегда имеют средства для научных исследований, их издания выходят микроскопическими тиражами.

Разумеется, речь не идёт о введении цензуры и других запретительных мер. Достаточно вернуться к эффективной и апробированной в этом отношении технологии – правилу обязательного рецензирования подобных материалов перед выходом в свет. А спорные факты и выводы могут быть опубликованы в рамках научной дискуссии, круглого стола и пр.

В обязанности не только лермонтоведов, но и всего общества входит защита нашего культурного наследия и сохранение его для потомков, ибо это составная часть той самой национальной идеи, о которой сейчас так много рассуждают политики. Но разговоры мало помогают делу – нужны действия.

СЕРГЕЙ НЕБОЛЬСИН

ЧАЙКА И БУРЕВЕСТНИК

Заметки около памятных дат

Кончился год Льва Толстого – сто лет уходу классика. Истек год Чехова – длительное и многосоставное событие.

Я пишу это в феврале 2011-го. И телевидение сообщает, что как раз сейчас московский театр “Современник” еще только везёт в Лондон “Чайку” и “Вишневый сад”. В начале, что немаловажно, “Крутой маршрут”, по воспоминаниям матери Василия Аксёнова, но чеховское прикрытие логично? Мол, и тут, и здесь – равноценно высокое. Хотя не знаю, в чеховском ли ключе и Чехов поставлен. Возможно такое: Чехов – в манере “Затоваренной бочкотары” Василия Аксёнова, сына Гинзбург; а её “Крутой маршрут” можно давать как нечто подобное “Палате № 6” – вечная, мол, вина России.

В любом случае, за чеховской собственно юбилейной датой целые полтора века: 1860–2010. Многие иные разметки, даже до столетия не дотянувшие, мельчают и блекнут.

Кому-то неловко даже покажется вспоминать, что вот-вот будет сто десять лет “Песне о буреветнике”. А для нас Чехов как раз буреветников и объясняет.

* * *

Правда, нынче же 190 лет со дня рождения Некрасова, Чернышевского, Достоевского. 200 лет Царскосельскому лицу. 75 лет назад родился Николай Рубцов. **“Отчизна и воля – останься, моё божество!.. Останьтесь, останьтесь, небесные синие своды!.. Россия, Русь! Храни себя, храни!”** Невольно сразу же теснятся в душе его возгласы. И горько осознать, как всё вышло запоздало: мы только-только начали Рубцова слушать, а он уже от нас ушел – когда его так мало кто знал... Этому 30 лет. Даты памятные, а память овеяна грустью.

Возьмем себя в руки. 1936 год (а прошло тоже 75 лет) – это еще и дата кончины Горького. Снова довод в пользу буреветников. Произнось “буреветник”, мы ведь и думаем прямо о самом писателе. И в отзвуках горьковских песен мы росли почти век. Одних к этому вынудили, другие охотно их слушали; кто-то даже навязывал и вынуждал; кто-то всей правды о Горьком боялся. Кто-то, наконец, вымышлял и запускал в оборот мифы.

Спросим у интеллигентного скептика: а вас всё это никак не касается? Не увильвайте, если касается. (Опираюсь на более чем вековую репутацию русского интеллигента: ему уж что-что, а склонность увильвать не свойственна.)

Уж вы-то – говорю всё с тем же собеседником – не только слышали “Песню о буреви́стнике”, вы жили её созвучиями. Признаем же тогда её право на какой-никакой, а юбилей.

Мы начали с избытка и чересполосицы множества чисел. 150, 190, 200, 75... Может быть, в эквилибристике цифр и чисел есть какая-то хлебниковщина: любил “великий”, подсчитывая, показать пальцем в небо. А всё же иной раз сам подумаешь: за числами впрямь не кроется ли что-то по крайней мере странное? Скажем, вот что. Чисто астрономически если, то сто с лишним лет после Чехова и после начинаний Горького переместили нас, казалось бы, вперед. А куда мы двигались на самом-то деле, и особенно куда пришли эпохально? То есть если судить по кричаще важному и даже грозному существу того, что сложилось на сегодня?

* * *

Нас сопровождали чеховские “тени и полутени” (о них много и сейчас пишут, хотя в чеховских “постановках” всё больше реквизитов). Нашу жизнь затрагивали вспышки и помрачения. Да что Чехов и Горький; на наших судьбах отражалось еще многое. Вот Евгений Листницкий и Григорий Мелехов. Один ведет под руку изящную городскую даму и воркует ей, что “видит берег очарованный и очарованную даль”; а другому над бездыханным телом Аксиньи является жуткий “мрак в полдень”. Как ни жестоко такое говорить, а обманутый этой дамой Листницкий все же хоть догадался застрелиться; но сколько проклятье судьбы еще будет висеть над Григорием? Он вернулся ведь к своему хутору не наложить на себя руки: там дом, там Мишатка. А Мишатка до нашего времени дожил? Хотя бы до 1941 года?

И вот всё это касается нас, даже в двадцать первом столетии, куда бы ни двигались дела. Мы остаемся под негласным (если его не чувствуем) – остаемся под негласным надзором давно сказавших своё слово писателей.

Так что же, действительно: или присмотр великих был недостаточно выскателен – или мы сами, впопыхах, к классике не присматривались?

Классика – это, конечно, не какой-то распорядительный, контрольный или правоохранительный механизм. Можно считать, что она неусыпна, что она всюду проникает; но скажите “механизм”, как вы говорите “текст” или “метатекст” – и вы классике уже чужды. О, в классике есть и своя секретность; её секрета и при всей механической учености не постичь. А ведь надо постигать, хотя бы наощупь и наугад; надо же хотя бы догадываться, за чем именно классика компетентно наблюдает. И что она одобрила бы, а что нет.

Мы затронули дела учености, и об учености еще когда были сказаны трезвые слова: **избавь, ученостью меня не обморочишь**. Пускай так оборвал Чацкого Скалозуб, он был несколько неотесанный. Но и разве не хлётко, разве не правильно?

Назвал бы я поименно ряд обществоведов, наводящих на умы морок как раз своей сугубой ученостью; у них еще в ходу слова “парадигма” и “проект”. Но лучше сделать другое: признаться, что учености недостает и нам, многогрешным. И надо указать, в чем и подлинная литература и подлинная ученость все-таки сходятся: это ясность и осторожность. (В хлебниковщине их нет, она всё время хочет буйно учинить кому-то вселенскую смазь, тузит и кроет наотмашь; какая-то нечёсаная еще и буслаевщина.) Уважать ясность и осторожность и самому при этом учиться – нужно; и никого по ходу дела не поучая.

Величественно поучали лишь совсем немногие из писателей прожитого нами времени; иногда это делалось везде, а может быть, и всегда. Народ же не любит поучений.

* * *

“Чеховские тени и полутени”; нечеховское учительство и поучительство. Вспоминается еще и важный Чехову свет; возьмем хоть один образец.

Проезжая по Сибири на Сахалин (это было в мае 1890 года), Чехов ненадолго остановился в доме у своего же ямщика. Об этом писатель оставил небольшую зарисовку.

Мы в светлой комнате с деревянными полами. “Там кипит работа. Хозяйка, женщина лет 25, высокая, худощавая, с добрым, кротким лицом, месит на столе тесто; утреннее солнце бьёт ей в глаза, в грудь, в руки, и кажется, что она замешивает тесто с солнечным светом”.

Как его замесили, таков будет и хлеб. Но Чехов подсказывает что-то большее. И мало остаться при том, что нарисована артистичная картина скромного и даже “кроткого” труда, что это художественность как мастерство. За год до того один чеховский герой замечал, что отнюдь не все ожидаемое предлагает нам даже артистичная литература. В ней бывает так: **“умно, благородно, но не талантливо; талантливо, благородно, но не умно, или, наконец – талантливо, умно, но неблагородно”**.

В “Скучной истории” (1889 года) мы слышим это от грустного, удрученного болезнями и возрастом профессора медицины. Чехов говорит вроде не от себя, скромно стоя за спиною персонажа. Вроде бы, но писателю еще нет тридцати лет; а как много у искусства необходимых, неизменных измерений уже уяснено: Чехов ведь, а не кто иной, придумал такого героя! Это есть и в очерке “Из Сибири”; попробуем вдуматься.

Художественность. Луч света. Чеховский луч не посягает сразиться ни с каким темным царством, но несет нам что-то очень полезное.

Мир – не темное царство. Такова она и есть, художественность. Это не только зоркость или наблюдательность, это не просто меткие слова, а в них – удачные находки развитого воображения. Художественность – это необходимая соразмерная полнота и даже всеполнота объема при представлении жизни. Такое доступно только художественному. Такое недоступно иным видам знания. (И вовсе не от давления разных распорядительно-правоохранительных сил или режимов литература у нас в России оказалась выше других знаний – скажем, философии или социологии-политологии. Их, мол, всяческие силы и режимы якобы теснили и преследовали и не давали развиваться и развернуться, что доступно только при демократии. Лишь туманно-художественное, ни к чему не обязывающее еще как-то допускалось, а скажи прямое “дважды два четыре” о том, каково общество на самом деле и каковы его задачи – это сразу под запрет.)

Нет, тумана в искусстве меньше, а ясности больше. Например, Лев Толстой именно поэтому, а не по чему иному, как художник-мыслитель выше сугубо ученого мыслителя Владимира Соловьева; ум художества выше, чем ум кафедрально-декламаторского ума. Как художник-мыслитель, Толстой уже типом такого мышления выше Сергея Франка или Бердяева; Иван Солоневич в “Народной монархии” употреблял хлесткое обозначение – **“бердяй-булгаковичи”**. Если от такого обобщения перейти к персонификации, то наилучший вариант – Бердяй Булгакович Франк. Но продолжим: как художник-мыслитель, Толстой выше и самого себя как философа или вероучителя-антидогматика. Причем последнее качество у него оказалось доходящим до крайнего как раз догматизма.

* * *

И вот чеховская картина, чеховский проникнутый светом житейский эпизод. Он художествен именно в смысле своей объёмности. Здесь и благородство, и талант, и ум. Картина и земная, и космичная; она умна всеобъемлюще-художественно, в ней немногословно передано столь многое. Хлеб как основа всего; в нём связь корня и зерна; некичливое, при кротости и радости одновременно, созиданье главного своими руками; благодатный для всего этого высокий луч сверху.

Именно таков, без всяких темных царств, человеческий “космос”, если выразимся несколько учёно. И ему соразмерен и родствен художественный мир писателя. Даже сама его жизнь: ненапыщенно-кроткий повседневный труд, уравновешенность, просветленность.

Повторим: есть чужающееся учительства немногословие, а в нём – глубочайший подтекст (не мы его у Чехова открыли). Мы только сразу же добавили бы, что образ красиво изготовляемого добротного хлеба наверняка запомнился начинавшему тогда Горькому, он Чехова внимательно читал. Но мы и позже этого еще успеем коснуться.

* * *

Уравновешенностью в эпоху катастроф (к исходу XIX века у нас такое уже началось) Чехов наделён как никто. Он всецело принадлежит миру отовсюду подающих голос тружеников. И он воспринимает этот мир – его жизнь – как с заботой-сочувствием, так и с мужественным спокойствием и самообладанием.

Мир несправедлив? Сразу вспоминается чья-то мысль-формула: что **порядок выше справедливости**. Возможно, это Конфуций – хотя бы по настрою. Не зная наверняка источника, а тем более без способности и права толковать конфуцианство, останемся при Чехове и его эпохе. Как бы там ни было, Чехов в своё время (время позднего и мятежного Толстого, горьковско-го бунтарства, модернистской лихорадочности) предъявил нам особое искусство. Своим, мы сказали, самообладанием и стройным порядком оно – нет, не пособничает несправедливости. Оно не потворствует и не подыгрывает катастрофам, которые словно рады своему размаху и разгулу, в ходе чего кто-то намерен с несправедливостью обязательно покончить.

* * *

Однако возможно ведь допущение, что “если буйство и опасно, то порою всё-таки порядок и умиротворенность всяческим несправедливостям попустительствуют?” Многие, кто так полагал и кто Чехова знал, были им разочарованы. Толстой, назвав Чехова Пушкиным в прозе, представлял его – и именно так видел и Пушкина тоже – досадно лишенным склонностей и страстей религиозно-нравоучительного проповедника. А вот Максим Горький, далеко не Толстой: ему Чехов тоже был бы ближе, стань он опять чем-то на себя непохожим – пропагандистом неперменной социальной революции. Самому Чехову высказать такое резко – этого Горький, возможно, остерегался; но о Бунине подобное писал (правда, учительски полагая его младшим). “Не понимаю, **как** талант свой, красивый **как** матовое серебро, он не отточит **как** нож и не ткнёт **куда** надо”, – гласит письмо Горького к Брюсову от 5 февраля 1901 года.

Мы нарочно выделили троекратное “как” на одну фразу, да плюс еще “куда”. Это не ритм и не какие-нибудь аллитерации-ассонансы поэзии в прозе. Это просто свидетельство, что вопрос для Горького “волнительный”, и голове от этого мильон терзаний, некогда собраться. В тот же самый, однако, 1901 год появляется, мы уже напоминали, “Песня о буревестнике”. И как не заметить, что

*Над седой равниной моря
Ветер тучи собирает —*

нечто очень похожее на бунинскую “Песнь о Гайавате”. Не там ли, в самом начале,

На побережье Читчи-Гюми, светлых вод Большого Моря?

Не будем вдаваться, что Бунин, в свою очередь, воссоздавал “Гайавату” склад и напев финской “Калевалы”. Углубимся же сейчас в другое. Над морем реет у Горького возбудитель мятежа, и уж он-то знает, “куда надо ткнуть”. А Бунин и в “Гайавате”, при всём серебре своего дара и при всей напевности размера, “куда ткнуть”, не знал. Буревестник же словно и действительно не оснащён ли ножиком? Это знание и оснащение для него опять “волнительны”; не случайно ведь в среде испуганных и стонающих от оторопи он словно торопится “и смеётся, и рыдает” чуть ли не одновременно. А стенает – стенает **ЧАЙКА**. Что и является весьма знаменательным.

*Чайки стонут перед бурей,
Стонут, мечутся над морем,
И на дно его готовы
Спрятать ужас свой пред бурей...*

(У Горького это не разбито на строки, и мы лишь для некоторой рельефности передаём всё как стихи, хотя они, конечно, и не в самих рифмах, напо-

добие **перед бурей – пред бурей.**) И если важен здесь адресат Горького, или даже его мишень и прицел – то не стрела ли это, не “ножик” ли, запущенные в чеховский мир, в самого Чехова? Чайка ведь чисто чеховский знак.

* * *

Теперь задумаемся: если камень брошен в Чехова, то оставил ли Чехов такую дерзость без ответа? Особенно если Чехов “Песню о буревестнике” и читал, и кое в чём мог разгадать её тоньше иных?

Есть свидетельства, что читал. Сообщается, что в частных беседах Чехов настаивал: буревестник, который зовёт вперед и выше или вперед без страха и сомненья – на самом деле суётся в воду, не зная броду. А так делать не надо, это пагубно. Это храбро, но это безумство*. Однако пускай свидетельства третьих лиц недостаточны. Серебров-Тихонов (мы о нём) мог слышать что-то похожее от Чехова, а мог что-то и примыслить.

Но вот перед нами “Вишневый сад” – это после “Чайки” (1898), это и после сопоставления чаек и буревестника (1901), это 1903 год. И в русской критике уже было оглашено: **“Буревестничество – поэтизация разбойничьих ощущений <...> героев Волги”**; так замечал уже в 1902 году современник Горького и Чехова Н. Московцев*. Что тут добавить?

Да, Волгу и бурю чуть ли не в таком же духе пел еще Некрасов. Не у Некрасова ли следующее:

*Душно. Без счастья и воли
Ночь бесконечно длинна.
Буря бы грянула, что ли?
Чаша с краями полна...*

Брошенное здесь лихое и бесшабашное **“что ли”** – нечто очень и очень наше, общерусское. Разве что именно на случай революций это едва ли годится. То есть “будь что будет, а попробовать не грех”. Поэтому только и вывод:

*Грянь! Над пучиною моря,
В поле, в лесу засвищи...*

Но Некрасов Некрасовым, а буревестничество как порыв откуда-то с разбойной Волги – это было угадано точно.

И вот Чехов. Он или успел прочесть у других, что буревестник прилетел на моря с Волги, или своё собственное знание об этом использовал удачно. **Выдь на Волгу!** – не без слёз и навзрыд, но чуть ли не угрожая, взывает “на Некрасова” попрошайка в “Вишнёвом саде”. Под эту, если позволительно так высказаться, мелодию он и обирает встречаемых – а именно растерявшуюся “дворянскую интеллигенцию”. Ибо он ведь не столько просит – он прямо требует милостыню. И она дана: дана из пугливого сочувствия к неимущему и вольнолюбиво-страшному. Впрочем, из сочувствия или же прямо из страха?

Неясно. Но кто распознал, что здесь не только цитируется Некрасов, и что подразумевается не только он, тот едва ли ошибся.

И пускай всё в описанной сцене из “Вишневого сада” остаётся лёгким намёком; ибо попробуйте не предположить, а доказать, что “Выдь на Волгу!” – это как раз и есть буревестник. А все же ход весьма и весьма понятный.

Как Горький задеть Чехова прямо и в лоб остерегался, так и Чехов, уже из соображений исключительной деликатности, никакой прямой “отповеди Горькому” никогда бы себе не позволил. Остался лишь намёк; но, думается, он не менее ловок, чем любой “твёрдый отпор”.

Чайки, они стонут. Ещё бы; ведь вы их едва ли при случае пожалеете. И вы, батенька-волгарь (Чехов, вспоминают, любил слово “батенька”), – вы,

* Очерки “Из Сибири” (1890, очерк III): Чехов. Полное собрание сочинений и писем в 30-ти томах. Сочинения. Том XVI–XV. М., 1987. С. 17.

* Московцев Н. “Мальчик без штанов”, ныне Буревестник // “Заря”, М., 1902. Вып. 1, с. 162.

батенька, рыдая и буйствуя, этим подыгрываете чему-то совсем не благородному. Вы подыгрываете, и оно все более и более входит в раж. Оно хищное, безжалостное и... простите, но убогое. А еще "всё в человеке, всё для человека..."; или как там у вас: "правда — бог свободного человека"? Читал в вашем "На дне". Что ваше буревестничество, что "сарынь на кичку" у ушкуйников.

Могут спросить, а так ли думаю я, несколько вольно присочинив предыдущий абзац. Пока думают и спорят классики, может быть, и достаточно только наблюдать за этим и вслушиваться.

* * *

Впрочем, было в те же годы и не горьковское предчувствие всё той же бури. Оно овладевало и людьми как раз из мира чаек, из мира изнеженности и наивности, неприспособленности к труду. Оно проникло чуть ли не в мир "дачников", сильно неприятных Горькому. А Чехову оно чуждым не являлось, Чехов его сам внушил одному своему герою, сам вложил отголоски того же в уста многим.

Звучит это примерно так. **Мы живем расслабленно и бездеятельно; я и сам нигде и никогда не работал. И мы словно не замечаем: на нас ведь надвигается великая, мощная и очистительная буря. Эта буря уже близка. Она настигнет всех нас. Она сдует с нас апатию, лень белоручек.** Так рассуждает в "Трёх сестрах" юный офицер немец Тузенбах. **Только надо работать; готовиться к работе; работать, как это ни было бы прозаично — необходимость.**

И только когда-то потом мы отдохнём. Так думают и персонажи "Дяди Вани", и герои "Вишневого сада". Сад — не только неустроенная и чахнувшая личная усадьба, но и вполне возможное средоточие совокупного, общего, общероссийского труда.

Может быть, как раз здесь есть тонкое, но важное расхождение с Горьким: а главное, не вдавайся в понукание или распугивание людей пропагандой; а главное, поди-ка послужи. Герой высказался, Чехов продолжает размышлять — хотя и не мешкая, но и без заполошности и горячки.

Тузенбаху потом не повезло: его сбила на взлете пуля скандалиста-однополчанина. Однако что слова Чехова были не просто лепетом неприкаянного, ни к чему не годного и заурядного лица — этому осталось подтверждение. Обратимся к Александру Блоку. Он едва ли так уж "зауряден". Я тоже из немец — мог бы, кстати, заметить он о себе. (А фамилия чеховского героя даже трижды немецкая: Тузенбах-Кроне-Альтшауер.) Я тоже воспитан в неге и беззаботности: "Я в тихом парке дедов рос..."; я приучен к этому, и я тоже никогда не работал, пока жил на средства деда-профессора, отца-профессора. Но негу ли поют блоковские "Ямбы"?

Оглянемся на Тузенбаха ещё раз. Его немецкое происхождение не важно — ибо и у Блока его немецкость, по ряду свидетельств, была условной, да мы и не шовинисты. Там, в стихах 1911 года сказано даже с гордостью:

*Да, так диктует вдохновенье:
Моя свободная мечта
Всё льнёт туда, где униженье,
Где грязь, и мрак, и нищета.
Туда, туда, смиренней, ниже...*

Мечта **льнёт**... это ещё, конечно, не чеховские слова. Если бы мы хотели это скрыть, мы бы их просто отсекли. Но важна возможность заметить: что Чехов именно льнул к жизненной грязи — такого и подумать нельзя. В тёмные недра он проникать умел; вносил и туда свет, пытался давать свету дорогу. Таков ли Блок здесь, как Чехов? Нет.

Но то, как он продолжает стихотворение, тоже важно. **Ты видел ли детей в Париже?** — спрашивает Блок собеседника. Это уже в чеховском духе; хотя, собственно, зачем далёкая Европа, зачем и заморский Сахалин... **Ты видел ли нищих на мосту зимой?** Если нет, если не обращал на это внимания хотя бы в Питере, тогда хоть сейчас **на непроглядный ужас жизни**

открой скорей, открой глаза! Непроглядный – снова не вполне по Чехову. Но вот дальнейшие слова:

*Пока великая гроза
Все не смела в твоей отчизне,
Дай гневу правому созреть,
Приготовляй к работе руки...*

Чем слова не чеховские, только выстроенные на этот раз стихами? Блок пошёл тузенбаховским путём даже дальше своего рано убиенного предшественника. Вспомним послеоктябрьскую бурю (**ветер... на всём божьем свете**); потом холода́ и голода́ нескольких лет, с недугами и тяжкой повседневной работой. После экзальтаций “Двенадцати” (“Черный вечер. Белый снег”, и так до самого конца поэмы, с его “снежной россыпью жемчужной”) пришёл и могильный “черный день”; на этот раз – совсем как у Некрасова:

*Черный день! Как нищий просит хлеба,
Смерти, смерти я прошу у неба...*

Настала и тяжкая кончина; она, конечно, бросает на последние дни Блока тень мрачную. Не будь такого “чёрного дня”, едва ли спорили бы столько, как ныне. А спорят: ибо не наобум ли, не пальцем ли в небо попал поэт со своим нежно-жемчужным финалом “Двенадцати”, где революция чуть ли не живительна, так как

впереди — Исус Христос.

А по сути-то, все смертны, и не обязательно смерть до предела символична. Хотя представим себе – что было бы на устах у борзописцев, и даже сегодня, скончайся лишь кто-то незаурядный и видный как раз 25 октября 1917 года? Гибели Тузенбаха не заметили бы. А скончался Блок – отнесли бы его к прямым и знаменательнейшим жертвам большевизма. Помните ли бродяг, попавших под бронетранспортёр в августе 1991 года?

Случись это с Блоком, его поэмы “Двенадцать” совсем не было бы, как и “чёрного дня” 1921 года, с муками поэта от упомянутых ещё скорбящим Некрасовым “цензоров”. Но и тогда бы мы вспоминали, что ровно 100 лет назад, в 1911 году, было сказано про великую грозу и про подготовку рук к работе.

Случившееся у Блока после этого – тоже знаменательно, но знаменательно не только травлю со стороны всяческих согладатаев и распорядителей. Как Чехов когда-то, то есть ещё с юности, **по капле выдавливал из себя раба** (письмо к Суворину 7 января 1889 года), так, хотя и по-своему, произошло и в судьбе поэта-символиста. Былой Тузенбах в 1918–1921 годах, отдавшись тяжелому ежедневному труду, весь оставленный ему срок **выдавливал из себя дачника и господина**. Это тоже значимо!

Это достало и части “чеховской” интеллигенции, которую буря (или что бы там ни было) застала и оставила в пределах России. Да она и вне России, если заранее не оказалось запасено дачи на Капри, впервые поняла, что работать надо, и она работала – то таксистом, то судомойкой. Вот почему, в частности, и зарубежная Россия ценит Чехова, хотя Блока едва ли до конца понимает, и нашим якобы мхатовским балаганчикам по Чехову даже рукоплещет.

Вчитаемся в то, как герой Николая Островского почти у гробовой черты обозначил своё, если так можно выразиться, кредо. Когда-то мы учили это наизусть, теперь привожу, как могу, на память.

Жизнь дается человеку один раз. И прожить её надо так, чтобы не было мучительно-больно за бесцельно прожитые годы, чтобы не жег позор за подленькое и мелочное прошлое.

Чем не чеховское самосознание, даже если к этому добавлено нечто в стилистике “Песни о соколе”? А именно, **и чтобы, умирая, мог сказать: вся жизнь, все силы отданы лучшему, что есть на земле – борьбе за освобождение человечества...**

Увидеть чеховское в Николае Островском? Впору вмешаться с окриком: **это кто там машет красным флагом?**

Не Чехов, конечно, да и не мы. Разве что Булат Шалвович Окуджава это делал: не когда призывал раздавить “коммунистическую гадину” (1993),

а когда пел комиссаров “той единственной гражданской”. И уж что Чехову едва ли было ещё свойственно, так это чопорность: моё благородство моих героев — не для вас, незаможного лапотника. А так-то чем не “благороден”, при всём отличии от молодого барина Листницкого, шолоховский Бунчук. Его, правда, сюжет романа не располагает раскрывать в себе особую деликатность и всяческую нежность, трепетность и т. п. Но узнай Чехов, что и ещё кто-то взял из его мира в мир “яростный” хоть какую-то долю чистого и лирически “старого”, едва ли он поморщился бы. Такая преемственность едва ли ущемляет что изысканного предшественника, что любого наследника “из низов”.

От интеллигенции старой такие наследники не взяли и увертливости. Что-то ранее невиданное, хотя и по-прежнему “тонкое”, есть в них — включая мозоли на ладонях или сразу уловимую “советскость” на их тогдашних фотографиях (чего коснулся Пётр Палиевский в статье “Последняя книга Михаила Булгакова”).

Как ни казённо назвать эти преобразования “неумолимой исторической логикой роста нового человека”, а факты — предьявлены. Одни выдавливают из себя раба, другие господина. И кто знает: а может, действительно, в послеоктябрьское время вышла на поверхность и обозначила себя ясней, чем раньше, такая часть русской породы, которая несводима совсем ни к чеховскому, ни к горьковскому, ни к блоковскому началу или “элементам”? Глядя из сегодня, только свидетельствуешь одно: от бури, провозглашенной и осуществленной, они не задрожали и не заметались в ужасе, не поддались панике, не возрадовались возможному помутнению вод — чего тоже, не исключено, ждал кто-то. Чувство принадлежности к “господам” никогда Чеховым не владело, труд в поте лица был знаком ему с детства едва ли меньше, чем какому-нибудь Штольцу. И не видел он в пороках человеческого предмета беспощадного и оперативного искоренения — “уничтожить немедленно, повсеместно, в зародыше и без остатка”. Увы, они казались чем-то удручительно неиссякаемым, да ещё и источником, как ни странно, людского самодовольства. И глупость, и низкопоклонство, и вульгарность, и ложь — да, они довольны собой, как обладатель какого-нибудь участка с крыжовником, и не надо ничего больше.

Когда Чехов скончался, кто-то свой крыжовник всё лелеял и лелеял; и в тот же год явился человек, который ни с Чеховым, ни с его домовито-убогим персонажем ничего общего иметь вроде бы даже и не думал.

Об этом едва ли думает и литературная критика. Всё в Павле Корчагине у Николая Островского — запальчивый и бесстрашный, порою неумный и безрассудный напор, раж завоевателя. И всё — упоённая и искренняя, как это только может быть, **пропаганда и агитация**. Боевитый до неумности юноша с шашкой и маузером, с гармошкой и киркой в руках — у Корчагина едва ли какой из этих признаков и качеств можно произвести из чеховского мира. Вспомним, кстати, что в самом начале своего пути, по крайней мере в самом начале романа “Как закалялась сталь”, Павка замешивает в тесто школьному вероучителю не солнечные лучи, а нахальную махорку. Но вспомним и ещё кое-что.

Напоминаем то, что некая эпоха (а каждой эпохе своё) из нашей памяти вытеснила и вытолкнула. Мы учили литературу по неким образцам художественного чистописания? Они уже заново отцензурированы и отредактированы, и Павка исключен из школы вторично.

А ведь, например, отличался же Павка трепетной боязливостью первой своей отроческой любви? **Рука пугливо вздрагивает**, писал об этом Островский, **едва коснётся локтя подруги**. А в конце романа — гнев уже безнадежно больного героя: его сосед по санаторию, некий развязный эстонец, упоённо рассказывает товарищам скабрёзные анекдоты. И Павел затыкает рот наглому прибалту... Нет, строго-целомудренная чистота — это не только какая-то “маргиналия” в натуре Павла. Как он поступил, когда ему забрезжило “личное счастье”? Викинг революции едва ли должен стесняться себя “какими-то там узами брака”, да особенно ещё брака чужого. Викинг, однако, поступил иначе. Он встретил ту женщину, которую когда-то любил и которая давно сочла его погибшим. Она снова двинулась ему навстречу (сама Рита Устинович, а мы о ней, не стала уж целомудренна). И вот не она, а сам Павел отверг теперь союз с нею — с женщиной, уже связанной, увы, судьбою-семьёй.

* * *

Вопросы из классики или, как сейчас чаще говорят, **проблемы**, подкашивают, чем высокое искусство отличается от невысокого. Подходя к этому со своей стороны, один из героев наших заметок писал своему издателю, соратнику по литературе и порою единомышленнику Суворину: **в русской классике поучительно и дорого не то, какие вопросы ей разрешены, а то, что все вопросы поставлены в ней верно***.

Вопросы, так сказать, настраивают на дальнейшую работу с ними – при этом не сбивая с толку.

Но мы заметили, ещё только начиная разговор: они иногда приобретают злободневность особую, приобретают её снова и совершенно неожиданно. Они застают врасплох и совершенно вразрез с хронологией и даже с теориями “устойчивого прогресса” – когда о них забыли, казалось бы, навсегда.

Присмотримся к образам из чеховского времени. Сегодня многое становится гораздо знакомее нам, чем когда это подавалось нам хрестоматиями и учебниками “о старом”.

Доктора-стяжатели вроде Ионыча, полнеющие и богатееющие. Нищие, униженные и оскорбленные сызмальства. Домашние рабы Ваньки Жуковы. Удушающие младенцев в колыбели тринадцатилетние Варьки (как в рассказе “Спать хочется”). Эскадроны распорядительных городских Очумеловых. Одинокий старик, способный поведать горе лишь бессловесной лошади: в рассказе “Тоска” было так, а сегодня страдалец – за рулём, скажем, подержанного автомобиля. Машина, она современной какого-то там сивки-бурки; но с нею по душам уж никак не поговоришь – а душа-то есть, она чего-то ждёт? Как собачку Каштанку, сегодняшнего ребенка всё более настойчиво приучают, что блестяще-шумный, бездумный и бездушный цирк – привлекательнее простого немудрящего дома. Даже горьковская – вспомним и знаменитого современника Чехова – ночлежка с её грязью и голодом, недугами и убийствами становится чем-то всё более, а не всё менее привычным – по нашему собственному и обыденному опыту.

Не хронологически, а эпохально – что значит это наваждение? Легко сказать, что давние трагедии повторяются как фарс. В чаду “перестроек”, в их расхваливании, и верно, было много фарсового. Но повторилась – именно снова – трагедия миллионов и миллионов.

Однако не приучить же нас к такому мраку навсегда хотели давние писатели? Разнясь порою до крайности, Горький с Чеховым в чем-то и смыкаются. Они часто предлагают обдумать сходное и без промедления, пусть и не единодушно.

А попутно-то как не заметить: сами Горький и Чехов сегодня почти насильно и злобно отстранены друг от друга. Как Художественный театр имени Горького – от театра имени Чехова. И хотя занавес у каждого из них сохранил, кажется, и сейчас изображение чайки, он по существу разодран. Сама чайка словно заново подстрелена шальным выстрелом в охоте за “новыми формами”. Да и выстрелы уже прямых охотничков за человеческим мясом становятся всё более обыденным и повсеместным делом. Таково и растление душ с помощью фальсификации Чехова: скажем, в якобы пьянстве, истерической крикливости и беспардонном блудодействе чеховских героев и особенно героинь. Не их ли выводят, оболганными, на иную “современную сцену”?

Повторяется то, что классике ещё давным-давно казалось антипатичным, и это было в ней верно; а чего-то она и в тяжких снах не предполагала.

* * *

Притоны, озверение, мордобой и резня; бездомная бедность и стяжательство; ропот горячих и мрачных, мрачных голов, что толпами на площадях. И литература с избитыми фразами, полная духа античеловечного – как заметил, помнится, Некрасов; и администрация наша с указами о задержании каждого встречного.

* Письмо от 27 октября 1888 г.: Чехов. Полное собрание сочинений и писем в 30-ти томах. Письма. Том III. М., 1976. С. 46.

Было бы ошибкой впадать от этого исключительно в фатализм и растерянность. Ведь слова, что **“вся Россия наш сад”** – и что если **“сад продан”**, то **“мы насадим новый сад”**, – были сказаны загода на любой случай, годятся в любую эпоху. Почему не учесть этого и при диковинных и диких возвращениях прошлого?

Для рубежа двух доставшихся ему веков, девятнадцатого и двадцатого, Чехов, конечно, первопроходец. У него и до **“Вишневого сада”** предложено размышление:

Велика матушка Россия... Всю её исходил, всюду видал не мало лиха; был и в Сибири. Состарился. А помирать не хочется. Значит, хорошего было больше. А велика матушка Россия!

Не такими ли (хоть примерно) словами старика-странника кончается чеховское **“В овраге”**? Если кто-то тогда собирался возводить новое не иначе как на захламленном и диком и потому пущенном под нивелировку и раскорчевку чернолесье или пустыре, то только не Чехов. **Сначала место расчистить, а строить – потом.** (По-базаровски рассуждающий о политике, горьковский Нил неплохой человек и не хилый, но что-то, право... бульдозерно-механическое, что ли). А Чехов спокойно и твёрдо, хотя и как-то украсно-украшенно, повторил прежнюю мысль **“хорошего было больше”** и под занавес своей жизни: в **“Вишневом саде”**, то есть когда уже совсем от нас уходил.

* * *

И вот снова задумываешься, с какими же итогами мог 75 лет назад уходить в ночную тьму Максим Горький. Как часто буревестник смеялся и рыдал невпопад и вразрез со здравым смыслом, которым исполнена добрая русская традиция. Восхитительна бабушка с её сказками, которые мальчик Алёша не зря вспомнил, когда впервые прочел сказки Пушкина (об этом поведано, это подтверждено в безупречной художественности **“Детства”**); и у Горького же – плакатно-евангельский лубок **“Матери”** (впрочем, **“очень своевременно”**, как замечал Ленин, и потому спрос с качества, как получается, невелик); у Горького же, в **“Русских сказках”** лета 1917 года, наша страна, как и наша женщина, высмеяна – она, мол, дебелая нескладеха Матрена.

А так называемые **“религиозные искания”** в их целом (**“богостроительство”** и проч.). Как суетно, напыщенно и даже беспардонно, если ты сам ничего **“горнего”** толком не чувствуешь, и не являлось оно тебе, что называется, ни сном ни духом.

Хорошо и понятно сказано в **“На дне”**: **ложь – религия рабов и хозяев.** Добавлено, что **правда – бог свободного человека.** Ну, что ж: слегка образованный краснослов Сатин так думать и говорить мог. Да, ложь хозяев, со свечками стоящих ныне по храмам, и нам сегодня ли трудно распознать, мы этого уже касались. Но что если это говорит не бездомный Сатин, а сам Горький – да ещё метит он в религию вообще? Если так, то не осталось и без последствий. И безбожие сегодня, прикрываясь какими-то **“успехами естественных наук”** и даже **“марксизмом”**, вооружаясь всеми правдами и неправдами – не оно ли теснит сегодня религию из школы?

Как это и наступательно, и трусливо; как тупо, но и как злокозненно в одно и то же время. И не хочешь, а догадаешься: тут не достоинство свободы, а что-то другое. Тут

*в поле БЕС их водит, видно,
Да кружит по сторонам...*

Каждый ли согласится, что у Достоевского именно **“Бесы”** есть верх художества? Однако как все-таки зорко, и случайно ли именно Горький с Лениным так остерегались **“Бесов”**, когда тех была готова воссоздать мхатовская сцена?

А сегодня среди адвокатов дьявольщины (к православию и они ни на выстрел, ни на шаг) есть, говорят, даже лауреаты-академики. И хоть бы решился и вышел кто в знак протеста – а подобное сделал когда-то академик Чехов ради того же Горького – из такого синклита здравых естественнонаучных художеств.

Сменяют же сегодня веру — повсеместно; и всё искания, искания. Что-то в “исканиях начала века” напоминает Евгения Александровича Евтушенку. Его мы видели воочию: искания то по прописям съездов и пленумов — комсомольские, — а то даже и религиозные. Поэт размышлял когда-то: “а вот я на кресте, распятый, гибну, и до сих пор на мне следы гвоздей” — ну не самозванство ли?

А если вера есть, то зачем тогда её душемутительный какой-то “поиск”? Зачем сбивать с толку честной народ, чья вера себя оправдала?

“Религиозные искания”. Насколько скромнее, благороднее их и насколько — ну, скажем... деликатнее был Чехов. Сама молчаливость его по части оценки догматов, по части их велеречивых обсуждений и проповедей красноречива; красноречива именно она, молчаливость.

Чехов — он, впрочем, тоже безбожник? Ну хотя бы на взгляд мятежного в вере Толстого?

Предпочтем тут умолчание и мы; не нам судить — хотя наверняка кто-то тут же встрепенется и пустится судить, судить и судить. Но именно Чехов оставил нам шедевр “Архиерей”. Он нам известен? Достаточно и этого.

По Горькому же, не тут ли как раз стоило ножичком из матового серебра “ткнуть куда надо”? (Вспомним письмо о Бунине.)

Горький едва ли любил Бунину как художаво-хладного, не без гордыни, дворянина. (Лишь если голубая кровь была в женщине, в какой-нибудь Андреевой — позднее, по Блоку, она “марксистская генеральша”, — или в какой-нибудь Будберг-Бенкендорф-Закревской, то с такими пролетарский писатель сблизился легко; тут Мария Павловна Пешкова бестрепетно отодвигается в сторону.) А стоило писателю-дворянину ткнуть ножиком крестьянина — в повести “Деревня”, — как это оказалось у Горького поддержано и даже чуть ли не обласкано. С нашим сельским народом Горькому совсем не повезло. То народ от земли скопидом, хуже и ниже полуразбойника Челкаша; то революционный разбой ему же и приписан — земляному населению или происхождению России, как в послеоктябрьских заметках о русском крестьянстве...

Сколько горьковские “участия в судьбе” стоили Бунину — сперва озлобленному революцией, потом удрученному эмиграцией. После тыканья ножом куда попало как трудно было вернуться к аромату антоновских яблок и всяческих мирных любовей (хотя аллеи, усадьба, поля и цветы со шмелями — это ещё не собственно деревня и деревня не вся). За эти сложности ответствен и буревестник.

* * *

Счастье — родиться в полях... Гиблое дело — судить писателей по метрическим книгам. Фамилию в паспорте изменить в духе требований времени можно; но только не место рождения, его надо точно знать. Один в усадьбе, один в избе. Бывает ведь, что не само это определяет нам и долю, и заслуги.

Кто-то с Волги, кто-то с русского Севера или из Таганрога, кто из Москвы (называю только те точки, которые указывают на “происхождение” важных для нашего разговора лиц.) Кто-то из Ленинграда или Питера, кто-то из Воронежа, с придонского хутора Кружилина, из Ясной Поляны. Кто-то “не преодолел своего дворянского”, кто-то и не думал подавлять в себе своего крестьянского “гена”.

Кому-то смертная связь с родиной напророчила и погибнуть где-то там, в жгучую крещенскую стужу. Кто-то, заброшенный царскими сатрапами из Петербурга в сибирский Вилюй, сетовал, что здесь и за версту человека, стужающего беседы, не встретишь. (Так горевал Чернышевский. А не русскому ли человеку и народу хотел служить, если “по идее”.) Кто-то не нашёл доброго, сердечного слова и для Архангельщины, оказавшись выслан туда; или кто-то обещал, что непременно вернется помирять на родимый остров — а как пришло время, то горделиво остался в какой-нибудь Венеции. (Обещая, хотел сравняться с Одиссеем, тоскующим по Итаке... А ведь под конец жизни — ему бы явно разрешили вернуться! Да ещё устроили бы такую “помпу”...)

Все, что было уклонениями, назови их “девиациями” или даже диссидентством, мы не будем здесь судить по пятибалльной системе, по прописям. Были же люди, кому с наличием малой родины — усадебной или попросту де-

ревенской — с привязанностью к ней не повезло по непреодолимым обстоятельствам.

А сложись иначе, не было бы множества случайных и ни в чём толком себя не укоренивших пристанищ. Обделила судьба чем-то, что так важно для самосознания простого и оседлого человека. Не это ли значила война?

Однако тем даже яснее: что-то большое — оно, наоборот, приблизилось, связало с особой ещё крепостью и частные жизненные пути, и разные поколения. Наш реванш — в том, что нам заново, дыша и болью и общим теплом, открылась огромность Родины.

Не будь войны 1941–1945 годов, кто-то при малой родине и дольше задержался бы. А что: где родился, там и пригодился. Не будь войны, оказалось бы меньше скитаний и сиротств. И не будь Великой Отечественной — не укрепились бы так, как это произошло с нами, сыновнее чувство ко всему русскому сразу. Во множестве своих уголков оно столько чужих людей кормило хлебом, столько давало кров, звало и принимало на огонёк.

Сиротский смысл семейных фотографий —

слова Рубцова говорят отчасти и о порушенных семьях, и о вдовьей тоске. Но “Русский огонёк” — он и об этом огромном, об этом только в России по-настоящему понятном: о родном для каждого русского, который заброшен судьбой далеко. Частные же такие судьбы только подтверждают то, что прочно закреплено не в последнюю очередь литературой.

В советское время ей не удалось и не поддались облик и мир городского, заводского трудящегося люда. Не явлено, уже по особым причинам, художественно убеждающих, высоких образов из мира другого — из детей коминтерновского начальства. Деятели подземелья и всё производное от них — арбатские мальчишки, школяры и т. п.; литература не совладала и с убедительным, внятным для всех развенчанием их. “Потерянное поколение”? Жалко-нелепый студент, выходец с Дона и погибший где-то на германском фронте, оставлен Шолоховым в дооктябрьских временах. Беспочвенная интеллигентная бесовщина гораздо более поздних лет — она в жизни была, но в книгах ещё ждёт своего Достоевского. Нелишне было бы запечатлеть её: те, давние ещё шабашники только хотели что-то у нас разрушить, а этим — дело вполне удалось; тоже тематика.

Однако то, что мы назвали нашим огромным, кое в чём главным разобралось раз навсегда. Что литература увековечила — так это народ; война-землепашца.

Иван Африканович, старуха Анна, Григорий Мелехов и Андрей Соколов. Измученный бывший десантник — “покойный на постеле” или ворочающийся в бреду. Его жена и его дети; его дело, заботы и особенно заветы. Спасительный для заблудившегося, измаявшегося и одинокого путника русский огонёк в простой избе. Соль земли, хлеб искусства.

За битого же — двух небитых дают. Миллионы семей потерпели поражение. Тысячи Хатыней погребены навсегда. Страна — победила; и заставила по-особому почувствовать и оценить спасительную огромность большой Родины.

* * *

В июне 2011 года — семьдесят лет скорбной дате 22 июня. Все ли силы у нас дошли до того дня — из тех, что могла поставить литература?

В этом же июне 75-летие уходу от нас Горького. В памяти друг с другом способно соотноситься даже то, что вроде бы несопоставимо, а так ли здесь?

Мы потеряли Горького, когда уже делались первые книги в славном московском Институте мировой литературы, когда уже тянулись первые слушатели в задуманный Горьким Вечерний литературный университет (с 1946-го он носит имя наставника-основателя). Это были годы, которые многие и поныне клянут — годы, когда страна, как могла, собирала и наращивала то, без чего “нас сомнут”.

Горький и Россия, Горький и война — вопросы важности серьёзнейшей.

Максим Горький — вблизи такого огромного явления, как наша Родина, пускай и ходил своими путями по Руси как-то вокруг да около. Её он и представил в огромности просторов, в разгуле удалом русского человека, в его сердечной тоске. Горький видел, находил, заставал этого человека по таким углам жизни, куда никто из бывлых русских писателей и не заглядывал. Он и этим вызвал в мире увлечение Россией, влечение к ней (нередко увлечение какое-то стороннее; что-то в таких симпатиях напоминает и “гордый взор иноплеменный”).

И вот спросить писателя перед кончиной 1936 года: осознает ли он те свои вокруг да около и понимает ли, что Чехов держался истины **“хорошего было больше”** и твёрже, и всегда?

Тут можно держаться и истины народной: **не по хорошú мил, а пó милу хорош**. Без неё и полноценного чувства Родины нету. Что-то в чеховской любви к родному пепелищу держится и на этом.

Доказать нельзя, но предположить можно. Если Горький и без оглядки на Чехова размышлял о том, что, бывало, говаривал и думал про Россию он сам, это могло и усугублять невеселость конца. А об этой невеселости, что складывалась из самых разных обстоятельств, как опять же не догадываться. Что сюда прибавляет миф о том, будто какие-то большевики-врачи, или ещё кто из “медперсонала”, били престарелого классика головой о батарею отопления? (Я читал об этом лет тридцать назад в одной американской книге на темы русистики.)

И об одном ещё можно пожалеть, хотя и не без доли гадательности. **Горький не дожил пяти лет до 1941 года**. Голову на отсечение: услышала бы Россия такого публициста-патриота, который оказался б не слабее Ильи Эренбурга. Может быть, впервые Горький — и именно он — обнаружил бы в этой области и на этой стезе абсолютный художественный слух. Скольких это и поддержало бы и спасло. Надо было бы встать словом, встать грудью за народ воинов и земледельцев. Важно знать и характер писателя, и мощь великих обстоятельств. Руководство поняло бы писателя, отечески бы помогло; он и сам своё родство, наконец, всецело вспомнил бы — даже такое, какое и не снилось иному руководству: оно-то само далеко не всегда было русским.

В чем-то Горькому пришлось бы наступать на горло собственным песням; на войне как на войне. А сколько бы в Горьком ещё не высказанного заговорило бы!

Цель оправдывает жертвы. Война это столько заставила понять — понять в России и тех кровавых лет, и лет предшествовавших. Горький жертвы часто и не оправдывал, и со многим неоправданным (как ему казалось) он же житейски-поведенчески, ибо плетью обух не перешибёшь, мирился, хотя в душе бывал растерян и скорбел.

Мы печалимся, что до великого протрезвляющего и спасительного испытания писатель не дожил. При затянувшемся поголовном торжестве буревестников (как мы их теперь-то уж знаем) стране в этом испытании было бы ещё труднее.

Чайки и буревестники. **“Некоторую загадку”** (а сказано такое было Достоевским о Пушкине) — некоторую подлежащую разгадыванию загадку унёс с собою в гроб и Горький.

Мы и в существовании самого классического слова вообще, то есть не только в личных или гражданских судьбах писателей, подчеркнули бы это. Писатель как индивид — он вне своего глагола, он

среди детей ничтожных мира

может быть и самым ничтожным, и совершенно даже и не загадочным, а может и остаться нам незнакомым.

Искусство же таинственно-точно по-особенному. Оно точно ставит среди прочего (вспомним письмо Чехова к Суворину) — и не то что пока неразрешенные, а просто **неразрешимые вопросы**.

Чехов не без усмешки, очевидно, добавлял: а “разрешать” – это пусть делает критика, пусть делает читатель. Хотя принять джентельменски любезное приглашение и для критиков, и для читателей – угроза сильно оконфузиться.

Как – действительно – разрешить поставленные классикой вопросы о суетности или пошлости, о глупости или самодовольстве? Разрешимы ли вопросы Онегина и Татьяны, чеховского Гурова и его дамы с собачкой? Одно ясно: их “постановка” не потакает блуду, оно приносит в душу задумчивый и грустный свет. А где решение? Доктор Чехов умнее Базарова – для того всё есть обмен веществ или рефлексy: или надо их умело подрегулировать, или им отказать, и вопрос разрешён.

Пусть же множество точных наук есть неустанное и героичное порою разрешение вопросов, на которые универсально верный ответ может быть рано или поздно найден. (Так, по крайней мере, считают сами точные науки.) Но в жизни и в подлинном искусстве мы имеем дело с другим.

Проживая эту жизнь всерьёз, мы одновременно видим, что главные вопросы неразрешимы; и они же не становятся от этого ни заумны, ни абсурдны, ни пусты и надуманны. “Неразрешимость вопросов” в ком-то породит расслабленность, апатию или, не без гордыни порою, фатализм (да, я Обломов, я пускай лежебока, однако не глупее вас – а вы, пожалуйста, суетитесь себе сколько угодно). А если по Чехову, то только неразрешимые-то вопросы и надо пытаться разрешать. И что это **надо делать**, нам напоминают и трудолюбие Чехова, и его стойкость, и его коренная “мужицкая”, как он признавал, народность, и лучи высокого света, которые пронизывают откуда-то выше как его собственный художественный мир, так и дела любого простого и незамощного трудового человека.

* * *

Ещё несколько слов насчет “смеется и рыдает”, а также насчет “море смеялось” или “все дремлет, но дремлет напряженно-чутко” и вот-вот, только этого и ждешь, разрешится в “гармонию сладких звуков”. Чехов, недолюбливавший подобные словеса, крепко держался чистоты качества.

Вспомним на минуту его сцену из путешествия на Сахалин. Женщина замешивает в тесто лучи солнца; содействуют друг другу почва, мать-земля, трудовые руки и высокий свет.

Горький славился своей начитанностью, поглощал все от Гомера и Платона. (“Культуры мы от него не ждали”, – писал Блок – и Горький, наверно, чувствовал это не без обиды и не без намерения и здесь рано или поздно, а с таким высоколобием расчесться.) Неужели он читал и чеховские очерки “Из Сибири”? Собственно, почему сомневаться. Странен только отзвук: именно в конце восхищенного рассказа о знакомстве с Чеховым Горький говорит неожиданное.

“Мы все голодны любовью к человеку; а при голоде и плохо пропеченный хлеб сладко питает”*. Житейски, может быть, и так: Горький наверняка знал такое по юности, по булочной Семёнова. Помните “Двадцать шесть и одна”?

Предлагать голодному непропеченный, вязнувший в зубах хлеб, если только речь об искусстве слова (“смеется и рыдает”, “море смеялось”) – это оставлять человека обмороченным и недокормленным. И зачем здесь спешку хлебопёка списывать на “критические обстоятельства”, на какие-то особо “крутые маршруты”?

Тут, мол, не до качества; тут, мол, неким “нам всем” было не до качества. Если это об искусстве, то Чехов ни при чём. Связывать с Чеховым, хоть как-то, непропеченность искусства для голодных и рабов, оправдывать её чеховским контекстом у изготовителя “Песни о буреветнике” едва ли были основания.

Если это и сегодня поучительно, то давняя классика присматривает за нами не впустую.

---

* Розанов В. Сахарна. М. 1998, с. 31.

ЮРИЙ ИЗУМРУДОВ

СЕРГЕЙ КЛЫЧКОВ И БОРИС САДОВСКОЙ

(К 130-летию Б. Садовского)

Спешу сообщить сперва о самом главном для меня: моя книжка “Бова” выйдет с маркой книгоиздательства “Альциона”. Вы понимаете все выгоды от такого изменения: в “Альционе” <...> печатаются самые лучшие силы — как-то: Белый, Садовский, Кузьмин, Блок и многие другие. Я так рад этому, что ничего не могу сказать иного, что именно рад.

С. Клычков. Из письма М. Чайковскому. 1910 г.

...наступила пора Клычковых и Клюевых, подлинных сыновей деревни <...> После бездушной лжепоэзии эстетов из “Аполлона” и наглой вакханалии футуризма, отдыхаешь душой на чистых, как лесные зори, вдохновениях народных поэтов.

Б. Садовской. “О народных поэтах” (“Ледоход”, 1916 г.).

I

Этапным в постижении художественного мира замечательного писателя Серебряного века, земляка-нижегородца Бориса Садовского стало для меня знакомство с творчеством и судьбой Сергея Клычкова. Они очень высоко ценили друг друга, переписывались — и не о пустяках каких-нибудь, не о бытовых мелочах — о смысле Жизни и Творчества, о том, как в этом немилосердном жестоком мире сохранить незапятнанной свою душу, не изменить Божественному Глаголу. И тот и другой как-то очень рано сознали себя творцами, к ко-

---

ИЗУМРУДОВ Юрий Александрович родился в 1957 году в деревне Свириповке Сергачевского района Горьковской области. Окончил филологический факультет Горьковского государственного университета им. Н. И. Лобачевского. Кандидат филологических наук. Доцент кафедры русской литературы XX века филологического факультета Нижегородского государственного университета. Живёт в Нижнем Новгороде.

торым, как к пушкинскому Пророку, “Бога глас воззвал”. Оба в годы молодости вращались в символистско-акмеистской среде, однако писали, ориентируясь на классику, на непреходящие ценности поэзии XIX столетия, на Пушкина. Так, Садовской уже свою первую книгу, “Позднее утро” (1909 г.), выпустил со специальным обращением к читателю, где особо отмечал, что причисляет себя к “поэтам пушкинской школы”, “к неопушкинскому течению” (1). Клычков, отвечая на Пушкинскую анкету журнала “Книга о книгах”, писал: “Чувство влечения к Пушкину, любви к его поэзии – как чувство голода, жажды: почти физическое чувство. В разгар футуризма и поэтического атеизма Пушкин для меня всегда был образом утешения, успокоения и надежды, – надежды, что вся эта шумливость, заносчивость нелепости, самоуверенная непростота и бездумье – пройдёт без следа и заметы в сердце человечества. Если мы ещё не вплотную подошли к Пушкину, то это будет завтра. <...> ...завтра литература будет жить Пушкиным” (2).

Однажды общий знакомый Садовского и Клычкова секретарь издательства “Мусагет” Витольд Ахрамович принялся настойчиво убеждать Клычкова изменить творческую манеру: писать, де, как он, старо, вчерашний день, не лучше ли было бы пойти по пути Клюева. Клычков весьма бурно отреагировал на это, что называется, отбрил Ахрамовича, о чём и поспешил известить Бориса Александровича: “Своим скудоумием в этот раз он (Ахрамович. – Ю. И.) меня окончательно убил, и я впервые за свою жизнь с “литератором” (он же ведь литератор!) возвысил бронхи и отрубил, что я – неисправим и что лучше будет, если он этот разговор кончит. <...> Он мне подарил книгу о сильном человеке! Я теперь знаю только то, что Витольд – слабый полук!” (3). Уж кто-кто, а Садовской знал, что сбить Клычкова с его пути-дорожки – дело безнадежное, и что именно такими, как он, держалась и будет держаться настоящая литература, а не такими, как Ахрамович.

Интересно, что несколько ранее и сам Ахрамович получил аналогичный подарок – “книгу о сильном человеке” – и как раз от Садовского. В контексте клычковского письма – факт символический: как бы в назидание подарок, с намёком: один из рассказов своего сборника “Узор чугунный” (1911 г.), “Сын Белокаменной Москвы”, – о Денисе Давыдове, поистине сильном человеке, легендарной личности, герое войны 1812 года, Борис Александрович посвятил именно Ахрамовичу...

II

На первых порах Садовской, по мере своих сил, помогал Клычкову с публикациями: и постарше был, и солидный редакторский опыт имел, в частности в знаменитых “Весах”, и налаженные литературные связи (доподлинно известно, со слов самого Клычкова, что тот посылал Садовскому свои стихотворения). И кстати тут будет отметить, что и первый, и второй сборники Клычкова – “Песни” и “Потаённый сад”, концептуальные сборники, ознаменовавшие появление нового самобытнейшего лирика, – вышли в издательстве “Альциона”, основателем и руководителем которого был однокашник Садовского по Нижегородскому дворянскому институту А. М. Кожебаткин. В “Альционе” же Садовской напечатал и две свои книги, в том числе знаменитый “Самовар” – с таким вот посвящением издателю-земляку:

*Я стихотворству, ты изданью
От юных лет обречены,
Мы водохлёбь, по преданью
Нижегородской старины.
Струями волжской Ипокрены
Вспоили щедро нас Камены
И Мусагета водомёт.
Теперь фонтан его поёт
В лугах лазурной Альционы.
Заветы Пушкина храня,
Ты отблеск чтишь его огня
И красоты его законы;
За то несущ тебе я в дар
Мой одинокий Самовар.*

Кроме того, Садовской инициировал выпуск “Альционной” “Стихотворений” своего рано умершего друга Юрия Сидорова, “высокоталантливого юноши”, как напишет потом о нем в “Записках”... (4). И наряду с такими авторитетами, как В. Брюсов и М. Кузмин, участвовал в издании “Альманаха” “Альционы” — как постоянный и желанный автор её. И тоже авторитет.

... Подытоживая всё это, замечу: в предварявшем “Песни” С. Клычкова напутственном слове от издательства слышу я и голос Б. Садовского: “Одно из заданий книгоиздательства “Альциона” — ласка и привет молодым поэтам. Книга безвременно погибшего юноши Юрия Сидорова была первой, которую “Альциона” предложила вниманию любителей поэзии. Ныне, выпуская в свет “Песни” Сергея Клычкова, поэта молодого и полного жизни, “Альциона” может только пожелать, чтобы юный весенний побег не засох и стал густолиственной ветвью древа русской поэзии” (5).

И к семье ещё две коротенькие цитаты — из заграничных писем Андрея Белого Кожебаткину: как бы то ни было, они прочитываются в одном контексте, связавшем судьбы наших поэтов.

“Привет Садовскому; скажите ему, что в Италии вспоминал его” (13 декабря 1910 г.). И — “Да здравствуют “Альциона” и “Мусарет” (6). Спасибо за Клычкова: очень интересен (курсив мой. — Ю. И.). Издание превосходно. <...> ... хочется жить, работать, глядеть на Божий мир” (конец марта 1911 г.) (7).

В дальнейшем Садовской и Клычков как бы поменяются ролями: уже Клычков будет на редакторской работе (в журнале “Красная Новь”), а Садовской станет обращаться к нему за содействием. И Клычков не оставит своего давнего товарища без помощи: “Красная Новь” опубликует два его рассказа — “Дневник генерала” и “Аракчеевская шутка” и главу из романа “Карл Вебер”. О последнем произведении Клычков извещит автора специальной открыткой: “Присылай непременно весь роман Вебера, если он у тебя готов. Если не готов — пойдёт отрывок” (8). Поэт и мемуарист В. А. Пяст напишет Садовскому 11 февраля 1927 года: “Могу Вас порадовать, что Ваши вещи в “Красной Нови” очень одобрены. С. Клычков сказал мне: “Так хорошо, что нельзя не поместить” (конечно, как бы ни хотелось забраковать). И в пример мне это сказал Клычков, сообщая о зарезе им моей повести” (9).

О Клычкове как о главной надежде в возможной публикации “Приключения Карла Вебера” написал Садовскому его земляк и литературный воспитанник Дмитрий Кузнецов, немало исходивший по столичным редакциям с ходатайствами по его рукописям — увы, далеко не всегда успешными: ультрареволюционные идеологи объявили Садовского “несозвучным эпохе”: “Вебера” я передал в “Пролетарий”. Случайно в это время, когда я был в редакции, пришёл и Клычков. Он оказал хорошее содействие устройству романа. Я думаю, что отзыв его окажет пользу в этом деле... Шансы очень большие” (10).

... В 1928 году “Приключения Карла Вебера” были изданы отдельной книжкой и полностью. В чём, безусловно, заслуга и Клычкова. Наверняка и далее бы поддерживал он Садовского, да только вот и его самого ослабили несозвучным эпохе, отказали в редакционной работе, запретили печатать оригинальные произведения, обрекли на нищенское существование, — а потом и расстреляли...

III

Ещё в 1913 году, задолго до написания прославивших его романов, в которых современники почувствовали “китежское, потустороннее, нестеровское” (11), Клычков совершил путешествие к озеру Светлояр, в воды которого будто бы погрузился град Китеж, спасаясь от монголо-татарского нашествия. Возможно, одним из побудительных мотивов к этому путешествию явилось общение с Садовским (впрочем, на этом предположении не настаиваю: подтверждающих фактов в изобилующей “белыми пятнами” биографии поэта — “новокрестьянина” не зафиксировано). Клычкову, конечно же, было известно, что Садовской — нижегородец, прекрасно знает места, где возникла китежская легенда, сам немало интересуется стариной. Получить от этого человека совет или просто напутствие — уже многое значило.

Всё путешествие Клычков проделал пешком (от Иванова), с посохом и котомкой за плечами. На Светлояре всё его чрезвычайно заинтересовало, но особенно был он захвачен грандиозным празднеством, собравшим множество

паломников. Записал сказ о спящей в гробу на городской площади Китежа девушке-красавице. Сказ этот потом – в двадцатые годы – вспомнится, когда замыслился роман “Китежский павлин”. Как вспомнится и многое другое...

Сопутником Клычкова по путешествию был его друг, литературовед П. А. Журов. Он оставил великолепную мемуарную зарисовку о светоярских впечатлениях – своих и Клычкова. Стоит процитировать фрагменты из неё, тем паче что в обширной литературе, посвящённой Китежу, имя выдающегося “новокрестьянского” поэта и прозаика и по сию пору не упоминается: “...появились отдельные странники, худые и поджарые, в домотканых одеждах, в лаптях. Потом группы богомольцев, сбившиеся в круг около выбранной берёзы; слышалось пение духовных стихов. Подъехали телеги, нагруженные старинными книгами в толстых кожаных переплётах. Подошли пешие с севера, из Вологодской губернии – осанистые, в чёрном, похожие на монахинь богомолки. К 22 июня (праздник на Светояре, по ст. ст. – Ю. И.) собралось множество паломников и паломниц, разного возраста, преимущественно старообрядцев разных толков и сектантов (“немоляки” и пр.), местных крестьян и приезжих из сёл и городов (в селе Сергею встретился писатель-москвич Ашукин). Около возов с книгами загорелись споры. Отдельные кучки паломников, тесно сбившись, как рой, каждая перед своей берёзой, с подвешенным на ствол образком, служили свои обедни и повечерия или сидя, отдыхая, пели духовные стихи. В широком кругу близ часовни шли споры о вере. Здесь были и православные миссионеры, поражавшие грубым самоуверенным тоном. “С точки зрения науки” они старались разрушить легенду о Китеже. В часовне православное духовенство служило молебны. Вокруг озера вереницами шли богомольцы с зажжёнными восковыми свечами в руках. Обойти трижды озеро значило как бы “соединиться” с градом Китежем. Потом горящую свечу ставили на дощечку или на кусок коры и пускали плыть по воде. К вечеру огоньки светились по озеру. В эти дни никто в нём не купался, оно было как бы священным. Всё в целом представляло необычную, волнующую картину народной мистерии. Тут можно было увидеть иконописных старцев, будто сошедших с картин Нестерова, и молодых девушек поразительной красоты в платочках. Рассказывались легенды о китежском звоне, о возах с пшеницей, перед которыми раскрылись в воде ворота; читали рукописную летопись о граде Китеже, укрытом от злых татар Божию дланию” (12).

Китежская легенда в произведениях Клычкова отразилась весьма необычно – не содержательной стороной, а символично-стилевой, определила саму суть его писательской манеры. Повествование у Клычкова зачастую строится на грани вымысла и реальности, фантастики и сущего: тут и демонологические персонажи и реальные люди; вроде бы рассказывается о сказочном, неправдашнем, – а кажется всё это будничным, обыкновенным. Вроде бы миф, и в то же время не миф. (И читателю, зачарованному всем этим, приходится гадать, “сплетка это иль правда” (13).) Происходит своего рода пульсация, мерцание смысла. Как и в легенде о Китеже: то он есть, этот град, то нет его; то он видимый (праведниками), то невидимый (неправедниками). И не удивительно ли – подобный эффект смыслового мерцания весьма характерен и для прозы Садовского. Это также повествование на грани вымысла и реальности. Свои истории о событиях, которых в действительности не было, Садовской так искусно стилизовал под старину, под прошлое, что это казалось всамделишным, реально происходившим. Не только рядовые читатели попадали под магию таких вдохновенных мистификаций, но и искусственные историки, литераторы. Так, известный норвежский славист Гейр Хетсо принял рассказ Садовского “Две главы из неизданных записок” за действительно существующие мемуары соученика Е. Баратынского по Пажескому корпусу и использовал его – как документ – в своей книге об этом русском поэте (“Евгений Баратынский. Жизнь и творчество”. Осло, 1973 г.). В похожую ситуацию попал и маститый историк, издатель “Русского вестника” П. И. Бартенов. Об этом поведал сам Садовской в своих “Записках”: “Мой рассказ в стиле 18 века <...> очень понравился Петру Ивановичу. Долго не хотел он верить, что это сочинено. “Какой подлог: в Англии вам бы за это руки не подали”. Насилу я убедил его. Старик захромал к шифоньерке, достал автограф Пушкина (вариант к “Русалке”), отрезал огромными ножницами два с половиной стиха и подарил мне. “Вот вам за вашу прекрасную прозу” (14). Садовской в данном случае имел в виду рассказ “Черты из жизни моей. Памятные записки гвардии

капитана А. И. Лихутина, писанные им в городе Курмыше, в 1807 году”. Замечаете? – уже название само “работает” на мистификацию. Приём, весьма характерный для Садовского.

IV

Но произведения Садовского – вовсе не какие-то – пусть и искусные – подделки, не что-то вторичное, как может показаться на первый взгляд, при невнимательном или предубеждённо-пристрастном прочтении (и казалось, кстати, если полистать дореволюционные журналы с рецензиями и критическими откликами. Впрочем, подобное, к сожалению, и ныне имеет место: в частности, в вышедшей в 1995 году монографии И. Корецкой “Над страницами русской поэзии и прозы начала 20 века” рассказы Садовского, печатавшиеся в журнале “Аполлон”, охарактеризованы как “безжизненные подделки под старину”). Это настоящая литература, полновесная, высокохудожественная. Отнюдь не с целью мистифицировать читателя, не для того, чтобы поиграть с ним, слагал свои истории Садовской, а чтобы *показать, воспроизвести* прошлое, каким оно было, в мельчайших деталях, нюансах, *ощутить себя* в нём. И это ему блестяще удавалось. Пожалуй, во всей отечественной словесности немного найдётся у Садовского достойных соперников в излюбленном его жанре – историко-художественной стилизации.

Следует также иметь в виду, что проза Садовского далеко не исчерпывается лишь стилизациями. У него немало произведений и “чисто исторических”, если так можно выразиться, – написанных по всем правилам традиционного исторического жанра – и, как всегда, талантливо, нешаблонно, с изюминкой. К примеру, рассказы, акцентирующие острейшие социальные конфликты в Петровскую и Николаевскую эпохи – “Стрельчонок”, “Бурбон”, “Яблочный царёк”. Вот что, в частности, говорится о последнем из названных произведений в популярнейшем на Западе “Лексиконе русской литературы 20 века” Вольфганга Казака, крупнейшего немецкого учёного-слависта, профессора Кёльнского университета: “В рассказе из жизни русского дворянства “Яблочный царёк” повествование мастерски ведётся с нарастающим напряжением, трагизмом, проявляется глубокое понимание значения внутреннего голоса человека”. По глубокому убеждению Казака, “Садовской – несправедливо забытый, высокоодарённый писатель” (15).

V

У современных исследователей творчества Садовского можно встретить утверждения, что он является литературным предшественником таких, к примеру, исторических беллетристов, как Ю. Н. Тынянов, Л. П. Гроссман... Думается, в таком сопоставлении есть существенная недооценка таланта Садовского. Если уж исходить из критерия художественности, – а ведь именно это главное! – Садовский как прозаик всё-таки интереснее, значительнее и Тынянова, и Гроссмана. Читая последних, чувствуешь в первую очередь почерк филолога, историка и уж только потом художника. У Садовского же всё как раз наоборот. Или точнее – всё вместе. Ну можно ли не восхититься таким вот, к примеру, словесно-образным роскошеством – всё из того же “Яблочного царька”: “Сад, раскинутый на двенадцать десятин, весь искрился и сверкал под солнцем. В весеннюю пору трепещет он под лебяжьим нежным, как одуванчик, пухом и белеет издали, будто вымазанный сметаной. В майский полдень, не шелохнувшись, замрёт в истоме, а над ним так и стонет, так и журчит, распевая, жаркий пчелиный гуд, и переливами сладкими ветер, вея, мчит от него воздушные, дышащие медом волны. К лету ближе начнёт сад темнеть, румяниться, загорать, станет голубоватым, голубым, синим, синелиловым, а там незаметно расцветится весь белыми и красными полосами. Но нет лучше времени, как сейчас: яблоки все до единого спели и налились сладью; тяжёлый апорт сквозит расплавленным янтарём, румянец на красном наливе рдеет, как у новобрачной, круглый анис будто облит кровью, и крепкая зелень антоновки засмуглела, а в украинский сочный малет солнце, брызнув горячим пурпуром, застеклило заставшие ярко пятна матово-белой кожей. За ленивыми листьями яблоки, те, что постыдливей, прячутся, тайком улыбаясь хозяину, как красные девицы, а другие напоказ обнажают

смело свою красу. И дрожит, переливается сад под зеркальными утренними лучами, и далеко, куда глаз ни хватит, в светлой тишине всё те же нежные колышутся переливы, всё тот же пурпур, и отблески, и сверканья, и ярь медяная, и золото, и янтарь” (16).

А до чего же хороша повесть “Лебединые клики”! Её не читаешь – смакуешь! И трудно удержаться, чтоб не привести хотя бы вот этот фрагмент из неё – о русских песнях:

“– А любите вы песни русские?

– Обожаю, кузина.

– Так слушайте. – Княгиня подняла точёную руку; гребцы переглянулись.

Чистый прозрачный звук полетел, извиваясь, над озером к синему лесу; не успел ещё домчатся до тростников, как подхватили его два других и, обнявшись, они втроем полетели плавно; то отставая, то расходясь, то перегоняясь, слились в одно и несутся звонкою, изнемогающей птицей. Немного ещё – и, кажется, упадут они, усталые, в озеро, но тут три новых голоса подоспели им на подмогу, и вынеслись все шестеро, далеко, далеко, к зубчатым верхушкам лиловых сосен:

*За окошком роща
Всю ночь прошумела,
А я, молодешенька,
Всю ночь пропряла.*

Уносили голоса в ледяное царство, в овражные сугробы, где холодная алмазная полночь одна сторожит заснеженную деревню; в избе, при свете робкой лучины, пряха ночная поёт, изнывая, и бормочет веретеном. В лучинном свете, бледном и мерцающем, вся Русь неоглядная, широкая снится, мерещится, стелется, дремлет над сугробами и блистает в звёздах. Одна родимая вековая пряха, Христом обречённая петь и грустить бессловесно” (17).

VI

Написанное Б. Садовским невольно пробуждает в памяти и многие страницы прозы С. Клычкова – его чарующие пейзажи, трогающие душу картины родного деревенского быта. Малая родина видится – и Клычкова, и Садовского, – да и моя тоже.

“...и Двина уж будет не Двина, а наша тихая, тёмная, заросшая на берегу ивняком и осокорем, трубачом да хлыстьями, в зелёной ряске с белыми по ней, словно вышитыми цветами речных лилий и с жёлтыми бубенчиками, – наша лесная красавица, под месяцем с лёгким ночным шепотком бегущая в Волгу, Дубна...”

На дубенском зелёно-муравном крутом берегу встанет в полночь наше большое село Чертухино, разойдутся избы перед глазами по берегу, отойдут в сторону сараи, сараюшки и вся холостая постройка, в тумане белом потонут и дыме наши овины. Над Чертухиным распушатся по небу столетние липы, берёзы, серебристые тополя и ветлы, и тогда похожи они в своих расшито-зелёных, кисейно-туманных уборах на наших дородных чертухинских баб, которые смотрят с берега в реку, охорашиваются и оправляют на себе дорогие наряды...”

По-за селом, в стороне, из-за ветел и лип, в берёзах вся, в тополях, поднимет к небу высоко-высоко наша сельская церковь, туда, где проходят облака-полуночники, синих пять куполов, и звёзды на них смешаются с звёздами в небе, и будет тогда и купол церковный, и синее-синее под месяцем небо – одно.

Слышно всё и видно в эти часы куда лучше, чем наяву.

Каждый разглядит свою крышу, увидит свой дом, в каком бы порядке он ни стоял, а если уж очень тоскливо в тот день было на сердце, то привидится плачущая жена у крыльца, а возле неё куча играющих в салки ребят...” (18).

И да простит читатель за пространное цитирование, – но как тут и ещё фрагмент не привести – из “Сахарного немца” опять же, первого из китежских романов Клычкова, – где вдохновенные строки о милой сторонке своей, о доме, с образом самовара сопряжены, всеопределяющим образом-символом, – как и у Садовского тоже:

“Зайчик вдруг почувствовал себя весёлым и бодрым, увидя отца и мать с самоваром: видно, всё же отдохнул в огородной ограде, отдышался от порохового дыма на мяте и божьей траве, глотнувши всласть домашнего уюта и тишины.

Мать водрузила на стол самовар, как роту расставила блюдца и чашки, а посредине поставила блюдо, в котором по крутым краям взбирался Афон, нарисованный очень искусно, в блюдо положила печёных яиц, которые Зайчик очень любил, свежий ломоть душистого хлеба на яйца, сбоку поставила большую чашку снежной сметаны, а на спинку от стула повесила колбасинный круг домашнего изготовления, сочный, душисто скопченный самим Митрием Семёнычем и большой, как лошадиный хомут.

Смотрит Зайчик прямо в лицо самовару и в самоварной начищенной к такому случаю меди видит своё лицо, такое красивое, здорово-ядрёное, но скорбное и нежное, затаившее где-то в глубине засиненных под чёрной ресницей глаз такую печаль и тревогу, которым, кажется, нет и не будет конца.

– Ну вот и дело, видишь, на лад пошло: ишь, Миколаша – как огурчик с гряды, – сказал Митрий Семёныч, – лежи... лежи... Лёжа и чаю попьёшь, а я начал за тебя положу.

– И то, батюшка, полежу! – улыбается Зайчик.

Митрий Семёныч встал под икону, подкинул к ногам подрушник, осенился, затрусил бородой на икону и скоро бухнул в землю три раза.

– Я, Миколай, каждый день сорок поклонов кладу за тебя... да мать тоже столько...

Улыбается Зайчик отцу.

– На старости лет ты бы спину себе не трудил, – говорит.

– Э, что за труд: родительская молитва со дна моря достанет. – Подошёл к столу Митрий Семёныч, потирая руки и оглядывая всё повеселевшими глазами: – Ну, давай-ка колбаски!..

– Хорош у нас самовар, – говорит Зайчик.

– Король, одно слово, – гладит бороду Митрий Семёныч. И правда: Зайчик взглянул на камфорку – корона!

Корона и есть! <...>

Зайчик блюдечко допил, держит в руках пустое блюдце и на окошко глядит:

“Ах, Боже мой, Боже, какая прекрасная, светлая наша страна!

Какие по взгорьям её, по полям и овражкам раскинуты тонкие-тонкие шали, с каким нежным-нежнейшим и замысловатым рисунком!

Вышивала, узорила их золотая рука, и краски все эти нашло и взлелеяло доброе, чистое сердце!

Кому непонятна любовь к ним?..

Кто может прожить без любви к ним?..

Кто может обойти их с презреньем, насмешкой оскаливши зубы, кто может насмеяться над этой сыновней любовью?..

Если уж есть у нас эта любовь, так берёзовой болоны она твёрже – тверже и крепче, – но зато растёт на прямом стволу нашей великой судьбы, как болона растёт на берёзе, и самих нас уродит!

Насмеяться же над этой любовью – пусть над этим уродством – может преступник, лиходей поневоле или в душе душегуб по рождению!

Как, как не любить, как не верить, как не ждать, не томиться?..

Не плакать подчас беспричинно: ведь плакать всё больше и больше причины!”

...Думал так Зайчик и всё глядел за окошко. <...> ... всё Чертухино как на ладони.

– Хорошо же наше село, Миколаша! – говорит Митрий Семёныч в раздумье.

– Хорошо, батюшка... очень, потому что родное и такого другого нигде не найти, – Зайчик ему отвечает.

– Да и нету... Гляди. Миколаша, любуйся... на родное место посмотришь, и на сердце станет складнее и всё кругом веселей!

И Зайчик любит.

По засельным взгорьям рассыпано золото, лес за селом отряхает парчовую одежду, как будто кончился пир и веселье, теперь пора на покой до нового вешнего звону!

Над лесом голубой покров, и будто лес опрокинул себе на склонённую голову большую чашу и из чаши льётся голубое вино.

Льётся оно, льётся ему на разоблачённые плечи, на скошенный луг возле леса, на жёлтую ленту дороги, которой повязаны всходы на взгорье зелёные, яркие, как будто умытые первым зазимком, растаявшим с первым лучом из-за тучи, которая, верно, теперь в Чагодуе, а может, и дальше и из окошка только краем видна!

Из тучи бежит торопливое солнце: и верно, надо спешить – в овраге лежит белый горох ворохами, не время ещё доставать белую шубу, ещё Никита-Гусе-Пролёт не вспугнул с озера уток, не пронёс высоко над полем венцы журавлей и сам ещё не уехал на первой туче со снегом, растянув и разбросав с неё по всему необъятному небу гусиные стаи, как плетёные вожжи с раскатыстых дровней, для людского глаза похожих на тучу.

– Чудесная у нас, батюшка, сторонка! – говорит Зайчик в полузабытьи.

– Ворона и та свою сторону любит, не токмо что человек, – отвечает Митрий Семёныч, а Фёкла Спиридоновна и Пелагушка смотрят на них и молчат” (19).

...Сопоставим с этим строки из уже упоминавшегося альционовского сборника Садовского “Самовар”, ставшего самым известным из всех его книг, своего рода визитной карточкой его: “Самовар в нашей жизни, бессознательно для нас самих, огромное занимает место. Как явление чисто-русское, он вне понимания иностранцев. Русскому человеку в гуле и шёпоте самовара чудятся с детства знакомые голоса: вздохи весеннего ветра, родимые песни матери, весёлый призывный свист деревенской вьюги. Человек, обладающий самоваром, уже не одинок... Сельскому жителю самовар несёт возвышенный эллинский хмель... И конечно, не чай в собственном смысле рождает в нас вдохновение; необходим тут именно самовар, медный, тульский, из которого пили отец и прадед... Потребно иметь в душе присутствие особой, так сказать, самоварной мистики...” (20).

VII

Закономерно, что они – и Клычков, и Садовской – потянулись друг к другу. И слово это здесь – друг – не только из стилистического оборота. Именно друг с другом были их отношения. Так Клычков в письмах своих, столь задушевно и нежно, обращался, пожалуй, только лишь к Петру Журову, самому сокровенному своему человеку. Адресат для него “милый друг”, а сам он – “твой Сергуня”.

...Ещё в пору первого знакомства Клычков посвятил Садовскому стихотворение “Теремок” (“В овраге под горою...”), которое потом включил в сборник “Потаённый сад” (автограф стихотворения Садовской сохранил в своём архиве):

*В овраге под горою
За дымкой бирюзовой
Стоит мой теремок...
Вечернею порою
У окон вьются совы,
Над кровлею дымок.*

*Я одинок, как прежде,
С надеждою земною
В далёкой стороне,
И месяц надо мною
В серебряной одежде
Плывёт по старине.*

*И прежний сон мне снится,
И так я счастлив снова
В останний, может, раз:
У окон плачут совы,
Над кровлею зарница,
У окон звёздный час.*

*Так всё вдруг стало близко,
И нет конца и краю:
И я в стране другой
Тебя, друг, не узнаю,
Друг, друг мой дорогой.
Тебя я не узнаю (21).*

...Нет, и в другой стране, в другом времени, когда Потаённого сада и в грёзах уж не стало, не утерялось узнавание, не утеряли они друг друга.

“Дорогой Борис! Рад и счастлив за тебя, что ты жив и пишешь! И как пишешь!” (22).

Весточка эта в 1926-м прислана в Нижний, на Тихоновскую, где жил больной, прикованный к инвалидному креслу, позабытый многими, а кем-то и похороненный уж Садовской...

VIII

Для лучшего понимания того, на какой ценностной базе строились отношения Клычкова и Садовского, многое даёт книга последнего “Озимь” (1915 г.), взорвавшая общественное мнение, потому как на всеобщий авторитет покушалась, на самого Валерия Яковлевича Брюсова, в поэтическом да-ре ему отказывала: “Божия милость не осенила чела его... В Брюсове-художнике не чувствуется совсем творца: даже не архитектор он, а планировщик, декоратор” (23). Несмотря на осуждение книги большинством современников, были и слова поддержки. Главное – Блок поддержал! Блок, которого Садовской считал “моцартнейшим из русских поэтов”, достойным преемником Афанасия Фета (как никто сумевшего “выявить чистую гармонию стиха” (24)), – нет, не за критику, конечно же, Брюсова (тут, надо признать, Садовской уж слишком пристрастен), а за то, во имя чего была критика (за что, кстати, шестью годами ранее Блок и дебютную книгу Садовского поддержал, поэтический сборник “Позднее утро”. “Читаю “Позднее утро”, многое полюбил, особенно деревенское”; “Может быть, ещё многое придётся сызнова переоценивать Вам самому. Вероятно, для окончательных оценок ещё не настало время; но то, что Вы пишете о деревне русской, останется незыблемым” (25). (Курсив мой. – Ю. И.) В книге, изруганной многими, Блок увидел то, что и следовало увидеть, – действительно достойное, нетленное – идущую от самого сердца сыновнюю любовь к России, неподкупную пламенную веру в неё – истинную, исконную, патриархальную. Блоку, до мозга костей человеку города, рожденному и воспитавшемуся в условиях, воспринимавшихся им как “страшный мир”, были по-особому близки заветные мысли Садовского, что великая их родина всегда держалась и будет держаться деревней, провинцией, ценностями старорусского быта, традиционной культуры. Вот поистине вещи, пророческие строки “Озимь” (из обращения к “господам футуристам” в статье “Футуристы и Русь”): “Там, за вашими столицами, где родились и выросли вы, как корабельные крысы в трюме, за миром редакций, кабачков, кулис, авансов, бульваров, за эстрадами, где плюёте вы в великих художников и выкликаете свои дырбулщурь, – там стелется и шумит хлебным океаном старая, святая, великая наша Русь, которая вас не знает и знать не хочет. Ведь это вы к нам пойдёте, в нашу родную глушь, в трущобы наши лесные, в провинцию, к уездным лампадкам, к монастырским колоколам, к прадедовским могилам, в Михайловское, на Светлое озеро, в Ясную Поляну, туда, где

*Всю землю, грустно-сиротлива,
Считая родиной скорбей,
Плакучая склоняет ива
Везде концы своих ветвей.*

И не дай Бог, лопнет вдруг шина на моторе или бензину не хватит, что тогда? Ведь Гоголевская тройка вас перегонит. <...>

Там где-то, в деревенской глуши, в городках уездных, на постоянных дворах, на родительских погостах, сидят те, кому дано двинуть, обновить Россию и освободить её искусство и язык. Добро пожаловать, дорогие гости! На пле-

чах своих благоговейно принесёте вы из заповедного захолустья те самые древнего письма дедовские иконы, что похваляются здесь побросать в воду столичные авиаторы и шоферы” (26).

В подобном же духе было выдержано и вступление ко всей книге. Сообщая, что пишет его “в деревенском глухом затишьи, среди занесённых снегом полей, в глубинах чистейшей тишины и легкого одиночества”, “в родных дебрях”, где первейшие ценности – “старорусская культура и здравый смысл” (27), автор демонстративно отсекал себя от всех этих футуристических “авиаторов и шофёров” и показывал, что он всем сердцем с теми, кто “там, во глубине России” вершит неброскую, но такую нужную подвижническую работу, за кем *Будущее*.

Вдумчивые читатели, давно следившие за произведениями Садовского, – среди них и Блок, – конечно же, видели и в нём самом одного из таких подвижников.

В контексте “Озими”, связавшем в нашем представлении имена Клычкова и Садовского, и ещё одна отмеченная Блоком книга Бориса Александровича “Русская Камена” – в частности, за мысль “о творцах эпохи, эпиграфом жизни которых служит: “береги честь смолоду” (28) (в очерке о поэте Денисе Давыдове): “Великолепна была сама внешность событий: Бородино, Москва, Париж, гром оружия, орлы, лавры, живописные герои, имена которых сразу сделались народными. А в сущности, главными деятелями великой эпохи были скромные Белкины и Гринёвы, повесть жизни которых начиналась эпиграфом: “Береги честь смолоду”. Воспитанные в здоровых условиях подлинного, ещё не тронутого, старорусского быта, Гринёвы и Давыдовы воспринимали настоящую, нормальную жизнь, не подмененную никакими теориями. <...> Давыдов был одним из ростков этого старого культурного быта, умершего вместе с ним, с Пушкиным, с романтизмом, с “преданьями простонародной старины”. <...> В своей удивительно написанной “Автобиографии” Давыдов <...> рассказывает о своём воспитании. <...> Так или почти так воспитывался и пушкинский Гринёв, находясь в постоянном общении с природой, развивавшей свободу и широко все его духовные свойства. И из пухлого дворянского недоросля вышел человек долга, для которого “беречь честь смолоду” являлось высочайшим заветом жизни” (29).

IX

Творческие судьбы С. Клычкова и Б. Садовского – это движение навстречу друг другу двух Россией, крестьянской и дворянской. Их многое разделяло, но и многое сближало – и прежде всего жажда обретения Града невидимого, Китежа. Традиции поместно-усадебной, провинциальной культуры предопределили тональность, художественные особенности произведений Клычкова и Садовского. О чём бы они ни писали, главным для них всегда была Природа – чарующая, влекущая к себе, целительница и спасительница – Природа как Заповедный мир, Потаенный сад, которому, увы, грозит разорением и опустошением человеческая цивилизация... Но если Клычков как бы родился с этой темой, с ней пришёл в литературу, то Садовской в полном смысле выстрадал её, она стала для него итогом жизненных и творческих исканий. Показательным в этом отношении стал его “срединный” сборник, с символическим названием “Полдень”, – самая объёмная из всех изданных им книг, в три сотни страниц, – и самая противоречивая, неровная по составу: наряду с превосходными лирическими стихами немало откровенно слабых, раздражительных, риторических, которых не следовало бы включать в книгу – и, найдись придирчивый редактор и ужми её наполовину, многим выиграла бы и, возможно, стала бы одной из лучших книг Серебряного века. Всё так – и однако ж то, в каком виде предстал “Полдень”, позволяет нам с исчерпывающей полнотой судить об эволюции Садовского-лирика, о предпочтениях его, о глубинном тяготении к теме природы. Ведь именно так – “Природа” – и озаглавил он первый, композиционно самый сильный раздел сборника, да и в других разделах довольно стихов на эту тему – и они зачастую наиболее интересны и выразительны.

Именно через Природу – заповедность, естественность, гармоничность, всеединство – через Природу – Китеж – и сблизились, исторически примирились, породнились – сужу это на примере сопоставления творчества Клыч-

кова и Садовского — крестьянство и дворянство. И послереволюционные катаклизмы эту связь только упрочили, при том что семнадцатый год они встретили по разные стороны баррикад; в советские 20-е — 30-е многие представители двух основных российских сословий — опоры Отечества — лучшие представители стали изгоями, но время показало: на их стороне, с ними была историческая правда.

...Так, открывая для себя Клычкова, я открывал и Садовского. И благодарю за это судьбу.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Садовской Б. Позднее утро. М.: Скорпион, 1909. — С. 3.
2. Клычков С. А. Собр. соч.: В 2 т. — М.: Эллис Лак, 2000. Т. 2. — С. 489.
3. Литературное обозрение. — 1987. — № 5. — С. 110.
4. Садовской Б. А. Записки // Российский архив. Вып. 1. — М.: Студия “ТРИТЭ” — “Российский архив”, 1991. — С. 162.
5. Клычков С. А. Песни: Печаль; Радость; Лада; Бова. — М.: Альциона, 1911. — С. 3.
6. В издательстве “Мусагет”, кстати, и Садовской, и Клычков также напечатываются.
7. Лица: Биограф. альманах. 10. — СПб.: Феникс; Дмитрий Буланин, 2004. — С. 149–150, 163.
8. РГАЛИ, ф. 464, оп. 1, ед. хр. 69.
9. РГАЛИ, ф. 464, оп. 1, ед. хр. 109, л. 1.
10. РГАЛИ, ф. 464, оп. 2, ед. хр. 114.
11. См. письмо С. М. Городецкого С. А. Клычкову от 3.03.1925 г. // Встречи с прошлым. — М.: Советская Россия, 1988. Вып. 6. — С. 184.
12. Журов П. А. Две встречи с молодым Клычковым // Русская литература. — 1971. — № 2. — С. 150–151.
13. Клычков С. А. Чертухинский балакирь: Романы. — М.: Советский писатель, 1988. — С. 441.
14. Садовской Б. А. Записки. — С. 163.
15. Казак Вольфганг. Лексикон русской литературы XX века. — М., 1996. — С. 360.
16. Садовской Б. А. Лебединые клики. — М.: Советский писатель, 1990. — С. 276–277.
17. Там же. — С. 136.
18. Клычков С. А. Чертухинский балакирь: Романы. — С. 36.
19. Там же. — С. 78–82.
20. Садовской Б. А. Самовар. — М.: Альциона, 1914. — С. 3.
21. РГАЛИ, ф. 464, оп. 1, ед. хр. 69.
22. РГАЛИ, ф. 464, оп. 1, ед. хр. 69.
23. Садовской Б. А. Осень. Статьи о русской поэзии. — Пг., 1915. — С. 16.
24. Садовской Б. А. Лебединые клики. — С. 380.
25. Литературное наследство. Т. 92. Кн. 1–5: Александр Блок. Новые материалы и исследования. Кн. 2. — М.: Наука, 1981. — С. 309.
26. Садовской Б. А. Осень. — С. 25–26.
27. Там же. — С. 8.
28. Блок А. А. Собр. соч.: В 8 т. — М.—Л.: Художественная литература, 1963. — С. 322.
29. Садовской Б. А. Лебединые клики. — С. 342–343.

ЛИДИЯ СЫЧЁВА

СИЛА ТАЛАНТА

*Да, были люди в наше время, Не то, что
нынешнее племя: Богатыри — не вы!*

Есть родные люди, а есть — родственные души.

За глаза я звала его “дед-художник”. Мы познакомились в 1994 году. Ему шёл 82-й год.

Я была тогда молодая, тонкая, с тревожными большими глазами. Жила в Москве, и внешне моя жизнь выглядела почти благополучной — семья, дочь, работа по специальности. Внутренне же я была как сжатая пружина — я не стала собой, не состоялась, не вышла на дорогу своей жизни, а главное, я не понимала — каков мой настоящий путь. Брела, как в тумане. Но я настроилась “терпеть”, тащить эту лямку беспричинного, непонятного для окружающих, несчастья.

В столице мне было неуютно — я трудно приживалась на асфальтовой земле. Зато в родительском доме я будто бы находила защиту, и весь свой длинный учительский отпуск проводила здесь. Я любила наш сельский дом без удобств, любила “беседку” во дворе — времянку-шанхайку, любила по вечерам после трудового дня записывать в тетрадку “надуманное” — разрозненные, летучие мысли, “состояния”. Чувства мои были остры и сердечны, а слово “творчество” казалось бесконечно далеким, недосыгаемым — оно даже не приходило мне в голову.

Я сумками носила из районной библиотеки книги, и это было иное, чем сейчас, чтение — оно впитывало и запах сена, которое складывали днём в сарае, и ночной, звонко-неожиданный стук падающих яблок в палисаднике, и вечерние закатные дали, созерцаемые с лавочки у ворот — в этих видах было много неуловимой, сердечной грусти. Молодость моя была чистой, красивой и мучительной — ещё не появилось даже и предчувствия перемен, ещё не брезжила заря иной, неоткрытой жизни.

Как-то в библиотеке я взяла альбом “Художники Третьяковской галереи”. В тот день мне нужно было позвонить в Москву, и я зашла на переговорный пункт, где, как всегда, собралась небольшая очередь — в пять-шесть человек. Я заказала разговор, и не выдержала, достала из сумки альбом и сразу же “отключилась” от действительности, вглядываясь в красочные иллюстрации.

— Нравится?

Подняла голову: дед в серых портах, в заношенной рубашке, в тапках на босу ногу — пятки голые, хитро, с прищуром глядит на меня. На коленях у него — парусиновая кепка. Кажется, еще при Хрущеве такие носили. В общем, затрапезный дед в очках (дужки — с резинками, с верёвочками), без каких-либо черт интеллигентности или номенклатурности. Кажется, даже с палкой в руках, наподобие тех, которыми утром у нас выгоняют коров в стадо.

Как можно проще, популярней я объяснила деду, почему такие картины не могут не нравиться и зачем они нужны людям.

Выслушав мои снисходительные речения, дед качнул головой и одобрительно хмыкнул:

— А ты приходи ко мне, я тебе много интересного покажу, — и на обратной стороне квитка, что выдавали нам телефонистки, он написал крупным, чуть угловатым почерком: “ул. Герцена, 41. Ткачёв Михаил Евдокимович”.

Тут раздался голос в динамиках, и нас развели по разным кабинкам — дед звонил в Ленинград. Пока я докрикивалась до Москвы, пока выправляли связь, пока я толкалась у кассы, чтобы доплатить за новые минуты, дед уже ушёл. Но мы, конечно же, встретились...

Много раз потом я поднималась вверх по этой белёсой от глины улице, известной всем местным пьяницам — в угловом доме находился медвырезатель... Всегда это было лето, чаще — жара, зной, дрожание прозрачного воздуха. Серая, густая, тяжёлая пыль по обочинам дороги. Словно застывшая обыденность провинциальной жизни — тяжеловесная, скучная. Только редкая машина проедет по сонной улице, или кошка пробежит. Но вот я миную проулок, вот эта скромненькая неприметная калитка, сбитая из некрашенных, серых от времени штакетов, вот дорожка вверх — вся в розовых цветущих мальвах, тропка огибает груду огромных камней, слежавшихся, тронутых мохом, вот старое абрикосовое дерево — сучковатое, раскидистое, несколько оранжевых тыкв на маленьком огорожке, а впереди уже весело сияет голубенькими ставнями старый домишко (наверное, самый маленький в нашем городке), а под деревом, в тенике, старый мольберт, и здесь на самодельном столе — модельного стола старый дед-художник что-то строгаёт ножичком... И всё в один миг волшебно менялось — я будто переносилась в совершенно другой мир. Это было пространство свободы, творчества и душевного отдохновения.

Наши отношения установились сразу, с первого моего посещения “мастерской” — так Михаил Евдокимович называл свой двор. Огромная разница в возрасте, в опыте жизни, а главное, в количестве сделанного не разделила нас. Мы познакомились, когда за душой у меня не было ничего, кроме двух “импрессионистских” заметок, напечатанных в центральной газете. Дед же, напротив, написал столько, что с лихвой хватило бы на нескольких хороших художников. Что-то он во мне увидел, почувял, угадал, или я была такая самоуверенная — от постоянной неуверенности в себе?!.. Как бы то ни было, но наши разговоры почти с самого начала носили равный характер.

Моя мама поощряла эти походы и всегда расспрашивала о них подробно. Она была натурой сильной, художественно одарённой и видела мир иначе, чем окружающие.

Сама же я, занятая своими внутренними метаниями, не сразу оценила драгоценность наших встреч. Только сейчас, вглядываясь в прошлое, я понимаю: без знакомства с дедом-художником вся моя жизнь могла сложиться по-другому. Он был первым выдающимся человеком из мира искусств, который встретился на моём пути, и, конечно же, вольно или невольно повлиял на моё становление. Я увидела богатство его духовной жизни, скромность его повседневного быта, его картины, которые рождались здесь же, во дворе или у нашей небольшой, затиненной речки. Я почувствовала, что творческая работа может приносить не только мучение, но и счастье — зримое, материальное, чудесным образом запечатленное на его холстах. Я поняла, что счастье это возможно и для меня, если я буду идти к своей, пока ещё смутной цели, преодолевая постоянные сомнения и бытовые “баррикады”, возникающие на этом пути.

Наконец, дед в чём-то повлиял и на моё письмо — мне легко стал даваться жанр, “этюды”, короткие зарисовки с натуры. Это было похоже на то, как работал Михаил Евдокимович — запечатлеть настроение солнечного утра, или

яркость летних красок, или осеннюю щедрость земли – тут ему не было равных; он писал эти картины быстро – “а-ля прима”, за один приём, чем всегда удивлял коллег-художников. И, как правило, в этих работах уже нельзя было что-то поправить, изменить, точно так же, как невозможно “улучшить” прожитый день. Это качество – восторг перед мгновениями красоты и стремление их запечатлеть – нас роднило. Мне тоже хотелось выхватить из потока повседневности яркий диалог, или передать изумление щедростью вишнёвого дерева, осыпанного зрелыми плодами, или поделиться настроением ликующей, напитанной созерцанием высокого неба, души... Так рождалось – через хаос красок, смешанных на палитре, – новое понимание счастья – непередаваемая, ни с чем ни сравнимая радость, которую дарило воплощенное вдохновение.

Конечно, и “дедовское” искусство, и мои первые “картины” с натуры – всё это было бесконечно далеко от того, что считалось в середине 90-х годов модным и передовым в живописи и в литературе. Мне, разумеется, хотелось “шагать в ногу со временем”, и я честно пыталась постичь логику “нового искусства”. Но вот я приезжала домой, видела постаревшие лица родителей, гладила по спине заматеревшего кота – хвост трубой, гибкая спина, крепкие лапы с перламутровыми когтями; задумчиво смотрела на тополь, который неторопливо потряхивал серебристой гривой листвы, и чувствовала себя совершенно счастливой, до краёв наполненная беспричинной любовью, обнимающей всю округу. Всё “модное” таяло без следа – оно не выдерживало сравнения с подлинным...

В домике у деда (низкая притолока, земляной пол, крохотная прихожая – она же кухня, и зальчик-горница с маленькими окошками, тут художник хранил свои работы) несколько лет висел его старый – 80-х годов – автопортрет. Без рамы – холст прибит к стене гвоздями. С картины смотрел высокий, статный мужчина, с густой седой шевелюрой, с горьким, чуть надменным взглядом. Художник, похоже, не особо ценил эту работу, если оставлял её на зиму в домике (хибарку почти ежегодно обворовывали местные бомжи и пьяницы; уносили они, впрочем, не произведения искусства, а посуду, утварь, подушки, одеяла – всё, чем могли воспользоваться сами и что представляло интерес для их приятелей). Потом картина исчезла – кажется, Михаил Евдокимович подарил её кому-то из местных.

На шестом или седьмом году нашего общения у меня мелькнула мысль: придёт время, и мне обязательно придётся писать “портрет” деда, так что не худо было бы загодя сделать заметы для памяти, письменные зарисовки... Но я отогнала эту идею – мне не хотелось омрачать наше общение ничем “профессионально-корыстным”. Да и что, в сущности, нового могла сказать о нём я, если сам он сделал так много?! Дед даже толком не мог сосчитать свои работы – по одним прикидкам получалось девять тысяч, по другим – девять с половиной... Гигантское, фантастическое число! Картины его скупались часто за бесценок – и здесь, в Калаче (“этюды в обмен на продовольствие”), и в Ленинграде, где его коммерческие дела вела дочь Наташа. Он отнесился к этому благодушно, хотя иногда – незлобиво, скорее, философски – ворчал, жаловался мне. Но дед знал цену своим работам, и теперь, когда ничего нового он уже не напишет, картины его продаются недёшево – в одной из интернет-галерей “Весенний пейзаж” 60-х годов (хорошая работа, но у Михаила Евдокимовича есть и намного лучше!) выставлен на торги за 20 тысяч долларов...

Жил он скромно – не от жадности (напротив, дед был на редкость щедрым человеком), а от того, что главным для него была работа, творчество. Я никогда не видела на нём роскошной одежды, и это не вызывало у него особой тоски; переживал он за другое – ему не хватало холстов, привезённых из Ленинграда. И тогда в дело шли картонки, крышки от посылочных ящиков (один из этюдов, подаренных мне, как раз на такой основе). Он сам сбивал рамы для картин – чуть ли не из расщеплённых пополам черенков для лопат (получалось здорово!), сам варил клей для грунтовки из рыбьих костей и чешуи... Его бытие на улице Герцена – гимн труду и житейской стойкости: представить только – 80-летний, а позднее и 90-летний старик сам себе готовил еду, стирал, сажал и убирал огородик, а главное, творчески работал – и как!..

Каждое новое лето, шагая к его домику после годового перерыва, я внутренне напрягалась – вдруг живопись деда стала немощной и старчески-беспомощной, и мне придётся его хвалить и подбадривать из вежливости?!

И каждый раз он опровергал мои сомнения – среди двух-трёх десятков этюдов и картин, наработанных к августу (обычный месяц наших встреч), всегда находилось несколько безусловных шедевров. Да, это были повторы или вариации привычных калачевских тем – “Родной домик”, “Мой двор”, “Летний натюрморт”, “Старое дерево”, “У реки”, – но всё это было свежо, живо, неповторимо, будто бы написано впервые и ни на кого не похоже! Картины его дарили радость и особенное наслаждение полнотой жизни. Его пейзажи и натюрморты были одушевлены, сделаны как бы на одном вздохе, и потому от лучших его работ трудно было отвести взгляд. С годами – так мне казалось – он даже как будто стал лучше писать – и это на пороге своего 90-летия!..

Через несколько лет после нашего знакомства, когда я уже закончила Литинститут и выпустила первые книги, я попросила свою петербургскую сокурсницу встретиться с Михаилом Евдокимовичем и сделать с ним интервью для журнала “Сельская новь”. Наташа Алексютина побывала у деда, написала очерк “Солнечный мастер” – он вышел потом в нескольких изданиях. Работа получилась яркая, жизнерадостная, но мне она говорила, что ей дед жалко: “У него был такой несчастный вид...”.

Мне не верилось: в Калаче дед был совсем другим!.. Он и его жизнь в уютном домике у меня рождали не чувство жалости, а, скорее, здоровой зависти. Но, может быть, Наташа и права – “зимний дед” в Петербурге и “летний дед” в Калаче – это два разных человека. Для него, как и для меня, родные места были пространством свободы, “мастерской”, где мы создавали свои самые лучшие работы. Здесь ему никто не мешал, а помогало многое – родная земля, родное солнце, родной дом, в который он возвращался в начале мая и уезжал в октябре, с первыми холодами.

Он, конечно, звал меня проведать его в Ленинграде (на новое название он так и не перешёл), но дороги мои обходили этот город. “Посмотришь, какая у меня квартира, мастерская...” Я кивала, погруженная в свои мысли; обычно мы сидели на улице, под деревом у самодельного стола, на который я выкладывала из сумки свои гостинцы – помидоры, яблоки, груши, арбуз, дыню, огурцы – разноцветные, напитанные солнцем, дары лета. Они шли в дело – сначала Михаил Евдокимович писал натюрморт, потом всё потихоньку съедалось... Арбузы всегда будили в художнике воспоминания детства:

– Бывало, отец везет кавуны на телеге, а я сразу определю, какой красный. Много раз проверяли – ни разу не ошибся. И с людьми так же. Пустого человека сразу вижу. А откуда у меня этот талант – не знаю...

В особо жаркие дни мы перемещались в домик, дед показывал мне фотографии, вырезки из газет с публикациями о себе, каталоги зарубежных выставок, где экспонировались его картины. Мне было легко с ним, свободно. Надеюсь, что и ему тоже.

Говорили мы о разном. Иногда дед с сожалением ворошил “мысль семейную”. Зимой, когда он в городе, жизнь его такая: жена встает в час дня, садится к зеркалу и приводит себя в порядок – массаж, макияж, маникюр. Потом идёт по магазинам – за покупками или “на экскурсию”. Вечером до одури читает детективы, разгадывает сканворды или смотрит телевизор – до полной его отключки.

У деда – совсем другое расписание: он встает в шесть утра и тюпает до одиннадцати вечера. Днём никогда не отдыхает – если не идет работа, то натягивает холсты, читает, слушает радио, думает. (“Художник должен много думать!”, – часто говорил он мне.)

Это его вторая жена. Она моложе деда, зовут её Маргаритой. Портрет, написанный в 1954 году, запечатлел крепкую, властную женщину в бордовом сарафане. Сильные плечи открыты, голова чуть наклонена над шитьём, лицо сосредоточено, без улыбки.

Дед не жаловался, а, скорее, констатировал: понимания между ними не было. Что ж, обычное дело. Многие творческие люди равнодушны к мирскому, к богатству и даже к славе; взамен они требуют сущих пустяков – признания и душевной гармонии. Но такая скромность притязаний редко находит понимание: обыватели искренне недоумевают – как это, иметь такой дар и не грести деньги лопатой!.. А дед, в свою очередь, не мог постичь: разве можно жить только материальными, бухгалтерскими расчетами?! Ему-то Бог

отмерил щедро – так много, что мастерскую его в Ленинграде обворовывали четыре раза! Особенно тяжкий удар настиг его в 90-м – украли больше двух тысяч работ, лучшее, наработанное после войны, от многих картин не осталось даже фотографий...

Первая жена и ребёнок Михаила Евдокимовича погибли в войну, в блокаде. Я никогда не расспрашивала его на эту тему – из деликатности. Казалось, сколько лет прошло, и то давнишнее горе могло и поразветаться, но он, похоже, так и не смирился с потерей. Несколько лет подряд во дворе у него стояла незаконченная картина “Последнее свидание”. В полутьме комнаты на серой подушке виднелось бледное лицо молодой женщины, на постель к ней присел моряк, в руке у него бескозырка. Бедная обстановка, сгущающаяся атмосфера беды, несчастья, близкой смерти. Картина шла медленно, тяжело. Кажется, художник её всё-таки закончил...

Он иногда рассказывал мне эпизоды из военной жизни, но я слушала вполуха – знала, что дед пишет воспоминания, даже вроде бы какого-то литографчика ему дочь нашла. (“Один искусствовед приехал записывать мой рассказ, потом принес рукопись на вычитку. – А Пастернака вычеркни, – сказал я ему, – я тебе про него ничего не говорил”). Дед любил вспоминать, как в 1936 году он на армейских учениях, будучи кавалеристом, с блеском взял все препятствия, но при этом сильно ругался матом. Командир полка дал ему 5 суток ареста, а присутствующий на учениях Тухачевский отменил наказание и наградил пятьюдесятью рублями. Это поощрение и спустя десятилетия грело ему душу... А я за годы нашего общения ни разу не услышала от него нецензурного слова, более того, вопреки распространённому мнению о художниках и “богеме”, он вообще не пил и не курил, терпеть не мог алкашей. Это тоже нас роднило – грубость, развязность, болезненная подчинённость низким страстям – эти качества казались мне невозможными в людях, стремящихся запечатлеть прекрасное, и я радовалась, что дед укреплял меня в этом мнении.

Его, казака по рождению (отец – казак донской, мать – казачка кубанская), морского пехотинца (две войны прошел – Финскую и Отечественную, тяжело ранен под Кенигсбергом), влекли батальные темы – они вошли в его жизнь с раннего детства. Ещё мальчишкой он видел Буденного – в родном домике, тогда ещё крытом соломой, в 1918 году располагался штаб красных. Дед посвятил этому сюжету в 70–80-е годы несколько больших полотен: многофигурных, с дальними панорамами. Помню “фреску” в домике – карандашный рисунок на белой стене в горнице, роспись акриловыми красками – всё тот же сюжет с будённовцами, с тачанками.

В войну он служил разведчиком, командиром взвода бригады морской пехоты. В одном из первых боёв добыл себе немецкий автомат, с ним и воевал. Рассказывал:

– Десантировали нас однажды с самолета, а у меня парашют не раскрылся. Сто пятьдесят метров падал и прощался с жизнью. Дело было зимой, выручила воронка от бомбы, снегом заполненная. В неё я бухнулся, сознание потерял. От страха – жить-то охота! Очнулся, обглядел себя – всё целое. Пошел своих искать... А вообще на войне весело было! Сколько мы смеялись! Молодые потому что. А страшно – в первой атаке. Ты видишь врага, он тебя. Все поджилки трясутся. А потом привыкаешь, конечно...

Из тягостных воспоминаний: однажды он стал свидетелем прямого попадания мины в командирский блиндаж. Их комиссару оторвало обе ноги. Он тоже мог погибнуть и внутренне был к этому готов. И всё равно в каждую свободную минуту делал наброски в блокноте, мечтал: “Если выживу, буду рисовать”.

Это чудо, что он – защитник Невской Дубровки, выжил. Самое кровопролитное место боев на Ленинградском фронте, число погибших здесь достигло трёхсот тысяч человек. Уже после войны историки подсчитали – кубический метр земли с “Невского пятачка” содержит около 10 килограммов металла – пули, гильзы, осколки... А рядом – блокадный Ленинград, где каждый день под бомбёжками, в муках голода умирали женщины, дети. Враг наступал, топтал и жёг русскую землю. Казалось, нет силы, которая могла бы остановить эту страшную армаду.

Михаил Евдокимович говорил мне:

– На войне я убил 37 фашистов. Когда демобилизовался, попросил записать это число в военном билете.

В жизни его сошлись три местности, три территории: наш Калач с окрестностями — его родина, неиссякаемый источник вдохновения, кубанский город Армавир, где прошла его юность и где он получил своё первое образование живописца, и Ленинград — с Академией художеств, с Русским музеем и Эрмитажем, где его дарование приобрело настоящую огранку. Его творческий путь — из глубокой провинции в культурную столицу — можно было бы назвать “подарком судьбы”, если бы не гражданская война и лишения, на которые пришлось его детство, если бы не голод 30-х годов, совпавший с началом его самостоятельной жизни, если бы не две войны и ленинградская блокада, в которой он потерял семью, если бы не распад СССР и торжество чужебесия — на телеэкранах, сценах, в выставочных залах и галереях.

Дед не был коммунистом в смысле принадлежности к известной партии, но он был образованным русским человеком, достаточно начитанным, он работал всю свою жизнь, ценил прекрасное, и он, конечно, сильно переживал за происходящее в России. Казалось бы, всё у тебя лично относительно устроено — ну что тебе за дело до политики?! Тем более что пишешь ты преимущественно пейзажи и натюрморты из деревенской жизни. Но не потому ли такими достоверными и живыми получались эти картины, что дед жил честной и думающей жизнью?! Будь он социальным трусом, эгоистом, конъюнктурщиком, не помогло бы ему наработанное мастерство и природный талант, и его работы выглядели бы лживыми, “зализанными”, мёртвыми, в лучшем случае, рядовыми, обычными. Но мысль, рука и кисть связаны — не только натура отражалась на холстах деда, но и его душа.

Он был политизированным человеком — изрядное время наших встреч уходило на обсуждение текущей обстановки в стране. Ельцина, Горбачева, Гайдара, Чубайса, еврейских олигархов иначе, чем “твари” и “подонки”, дед не называл. Разговоры наши были далеки от политкорректности — в нас кричала боль за происходящее. Помню, к деду иногда захаживал местный коммунист с неизменной “Советской Россией” в руках, с ним они тоже вели дискуссии о спасении Отечества. Дед был пессимистом:

— Через 50 лет России не будет, и русские, как народ, растворятся среди других наций.

Неужели он прав?! . . . Потому что в моём поколении таких “орлов”, как он, мне уже не довелось встретить. Во всяком случае, среди писателей и художников.

Пока позволяло зрение, дед много читал, я ему тоже подкидывала что-нибудь интересное. Помню, в одну из наших встреч подарила несколько стихотворных сборников “Басни и сказы про ельцинские проказы” — политические сатиры, сочинённые Валентином Сорокиным. В следующее моё посещение Михаил Евдокимович выражал бурные восторги:

— Ты меня порадовала! Думаю, надо людям раздать, пусть знают. А себе я басни переписал в тетрадку.

Он с громадным уважением относился к Михаилу Шолохову. В советские времена выпросил себе командировку в Союзе художников и отправился в Вёшенскую, чтобы запечатлеть писателя. Но никакой договорённости о позировании, разумеется, не было. И тогда он подрядился привезти Шолохову лук от колхоза, чтобы исподволь рассмотреть “модель”. Конечно, в станице такие новости не скроешь — вскоре художник был разоблачён... Но казак казака всегда поймёт, и целую неделю Михаил Евдокимович жил у своего знаменитого тёзки. Шолохов сказал, что не будет ему специально позировать: “Я буду работать, а ты пиши”. Так появилось несколько портретов писателя, этюды на темы гражданской войны, которыми дед очень дорожил. Часть этих работ можно увидеть в музее в Вёшенской.

Он рисовал с детства, и первый решительный шаг к творчеству сделал в 17 лет на базаре в Армавире — в этот город их семья перебралась в 20-е годы. Увидел своего сверстника Колю, который бойко торговал картинками, намалёванными на фанерках. Набрался смелости и спросил, где тот берёт краски. Оказывается, неподалёку была мастерская, где рисовали вывески. И использованные банки из-под краски выбрасывали, но на дне ещё можно было кое-что наскрести. Он сразу насобирал мешок банок, на четырёх кусках фанеры изобразил море, берег, парус. Дед вспоминал:

— Я был бравый, тонкий, весёлый. В черкеске, с кинжалом, на голове кубанка. Хожу, кричу: “Вот оно, вот оно, ночью работано, днём продаётся,

чуть-чуть не даром отдаётся”. Вот берут, так берут – сколько было, столько есть!.. Народ хохочет, подбадривает”.

Картинки его с первого дня имели “рыночный успех”, а после уже и заказчики появились. Как ни странно, но в базарной истории у нас с дедом тоже были точки пересечения. Ещё не помышляя о рассказах, но уже робко подумывая о журналистике, я понимала: будучи жутко стеснительной, скромной, не преодолев барьер общения, я никогда не смогу поменять работу. И тогда я отправилась торговать огурцами и ранней капустой на базар. Хотя овощи были с нашего огорода, “трудовые”, а не спекулятивные, я испытывала сильнейшее чувство неудобства – в любой момент меня могли здесь увидеть знакомые, одноклассники... (Оглядываясь на прошлое, я думаю: какая же нравственная пропасть лежала между так называемым “простым народом” и теми, кто форсировал “залоговые аукционы” и прочие “приватизации”, кто торговал не огурцами, а островами и шельфами – национальным достоянием страны!..) Чтобы ускорить продажи, я перешла на шутки-прибаутки, и товар быстро разобрали. Две базарных “сессии” на калачевском рынке не только изменили мой взгляд на торговое дело (в нём нет ничего мудрёного), но и добавили мне недостающей уверенности в общении с незнакомыми людьми.

А Коля подсказал своему молодому “коллеге”, что в Армавире есть художественная школа и что туда можно поступить учиться. “Когда я вошел в это здание, поднялся на второй этаж, где находился большой зал с колоннами и висели картины настоящих художников, я замер, очарованный... Забыл, зачем пришёл”. В те восторженные минуты в нём окрепла мечта – стать живописцем, писать классику. Четырехлетнюю профтехническую школу в Армавире он закончил с отличием за два года и получил направление в подготовительные классы Всероссийской Академии художеств.

Дед особенно любил вспоминать, какое нетерпение его жгло – поскорее очутиться в Ленинграде, в Академии, так что он подделал число на билете, чтобы не ждать еще три дня до отправления поезда. (Талант безусловный: мог бы деньги “рисовать” и жить безбедно, а этот юноша рвался учиться!) Но в горячке он перепутал составы и через сутки вышел на перроне в Тбилиси... Без гроша в кармане, голодный, в багажном ящике добрался он-таки до Ленинграда и прямо с вокзала помчался в Академию. С горящим взором, в черкеске (за поясом – кинжал!), без стука широко распахнул дверь приёмной комиссии. “За столом сидели два пожилых человека, и они еле вымолвили: – Что вам нужно?.. – Поступать приехал!..” Недоразумение счастливо разрешилось (академики перепугались, приняв лихого абитуриента за разбойника), документы для поступления оказались в порядке, но вот только жить – целый месяц – Ткачёву было негде. Возвращаться домой?!.. Ну уж нет, не такой характер! Ровно месяц он скитался по городу: ночевал под эстрадой Соловьёвского садика, на Балтийском вокзале, на бревнах, что лежали на Лермонтовском проспекте, и даже в одном из склепов Александро-Невской лавры. “И тепло мне было, и с неба не капало. Страшно? Честно говоря, не очень. За день уставал – работал, рисовал виды Невы, баржи разгружал, добывая на пропитание, поэтому падал и засыпал как убитый”.

Не помню, чтобы мы с дедом обсуждали религиозные вопросы – мистицизм его не увлекал. Я видела много его работ, и ни на одной из них не было изображений храма или креста как центральных фигур композиции. По-моему, он всё-таки был атеистом, хотя Бог его берёт. Но его безрелигиозность не была воинственной или пренебрежительной по отношению к верующим, в его атеизме чувствовалось нечто глубокое и много передуманное. Вера в нём жила, но она была иной, не обрядовой, и верил он не в Бога, а в труд, искусство и красоту. За свою долгую жизнь он перепробовал множество жанров – рисунок, промышленная графика (плакаты), скульптура малых форм (на столе в домике у него была отличная ваза для кистей с античными мотивами из глазурированной глины). Каково же было моё удивление, когда дед как-то обмолвился – он писал иконы! По-моему, речь шла о “застойных” временах, о неофициальных заказах.

Жизнелюбие его проявлялось и в том, что деду нравилось писать обнажённую натуру, и в этом жанре у него были серьёзные достижения. До войны он на речке слепил из глины обнажённую девушку, погрузившую ноги в воду. Народ на противоположном берегу подумал, что это – утопленница, вызвали

милицию. Такова была сила достоверности его искусства! В годы нашего общения редкое лето у него обходилось без картин, запечатлевших обнажённые женские прелести. Натурщицы жили рядом, чуть ли не на соседней улице, но дед умел рассмотреть в них красавиц, и более того, как-то убеждал их позировать!.. Работы эти были свежи, как всегда неожиданны по композиции, естественны, и опять же, в них не было ничего вульгарного. Восхищение молодостью, радость жизни, скорее даже – сама жизнь! Он всегда шёл от природы, легко, чуть пружиня, будто проходя по деревянным мосткам через речку (ещё один сюжет его этюдов), и потому ухитрялся не впадать в натурализм – словно внутри, в нём самом, горела волшебная “лампочка”, которая совсем по-иному освещала мир.

Правда, что-то мне подсказывает, что на заре его творческого становления именно “телесное” сделало “подножку” духовному. Поступив на рабфак Института живописи, скульптуры и архитектуры Ленинградской Академии, молодой художник не смог закончить курс – его отчислили по решению товарищеского суда. Дед так объяснял это своё жизненное крушение: “Один из парней, поступавших вместе со мной, не прошёл по конкурсу. Его оставили служить в пожарной команде, он мог пользоваться академической библиотекой. И тогда парень открыл свой “бизнес” – вырывал из книг цветные репродукции и продавал студентам. При обыске две картинки нашли и у меня”.

Мы не обсуждали с дедом, что было изображено на репродукциях. (Возможно, “Даная” или “Венера” каких-либо европейских мастеров.) Но, кажется, он был не вполне виноват в случившемся, потому что ему, художнику-изгою, ютившемуся в подвале Академии, студенты несколько месяцев носили еду. И это при том, что хлеб тогда давали по карточкам!

Шел 1933 год. Летом он поехал в Калач, куда к этому времени вернулась с Кубани их семья, но мать его встретила лепёшками из лебеды – голод был страшный. Тогда он вернулся в Ленинград, устроился на фабрику-кухню оформителем, там же питался, жил. Ночевал на столе, зимой ходил в пиджаке и кепочке – на теплую одежду не было денег. И всё равно учился – в Таврическом художественном училище. Молодой человек, один в большом городе, без родни, без “блата”, и какая целеустремлённость!.. Поразительно!

Вскоре его призвали на военную службу. Был в этом существенный плюс – способному бойцу разрешили посещать изостудию Дома Красной Армии им. Кирова. Преподавали там педагоги из Академии художеств. Среди них Михаил Иванович Авилов, автор знаменитых картин “Молодой царевич и бояре-воспитатели”, “Опричники в Новгороде”, “Прорыв польского фронта Первой конной армией”. Дед относился к Авилову с глубочайшим уважением, считал, что он сильно повлиял на его творческое становление.

Здесь, в изостудии Дома Красной Армии, судьба его могла ещё раз круто измениться: “Однажды рисую, подсаживается ко мне профессор. Как хорошо, говорит, у вас получается, вы учились где-то? Лицо мне ваше знакомо. – Да вы же, Павел Семенович, меня и выгнали из Академии...” Это был известный художник-педагог Павел Наумов. В Первую мировую он вместе с Есениным служил санитаром в Царском Селе, оставил нам карандашный портрет поэта того времени. (“Вот, – думала я, – и у меня обнаружилась прямая связь с Есениным – через деда, который много общался с Наумовым”.)

Профессор оценил творческое упорство изгнанника и предложил Ткачёву вернуться в Академию. “Я отказался. Лучше уж пойду в ЛениЗо, где можно и учиться, и зарабатывать”. Дед, наверное, лукавил – дело было не только в материальных выгодах (копиистам из ЛениЗо хорошо платили), но и в оскорблённом самолюбии – казачий характер, нравный!

Может быть, вот эта его порывистость, темперамент и определили со временем главную черту его творчества – импрессионизм, безусловно, русский, самобытный (и по материалу и по технике), и в то же время “советский” – по своему свободному, жизнерадостному мироощущению. Он жил во времена, когда человек был хозяином своей судьбы, своей страны и своего творчества. И это чувство счастливой соединённости с миром неуловимо передавалось на его полотнах: плывёт ли лодка по реке, или склоняются к водам ивы, пегая корова щиплет траву у забора, или цветут жарки в степи, девушка позирует у весенней яблони, или дразнят краснощёкие яблоки в белой эмали-

рованной чашке – всё в зрителе рождает сопричастность, здоровую зависть. В лодку хочется сесть, а в теньке под ивами полежать; корова, видно, своя, справная, домашняя, и хозяева у неё крепкие, а степные жарки, что ж, они быстро отходят, оттого грустно; да и яблоню сколько ни обнимай – юность прошла, одна радость – спелым яблочком насладиться, зрелостью жизни...

Дед говорил мне:

– Сапоги сшить – тоже искусство. Или табуретку сколотить, если в это душу вкладывать. Но сложнее всего – искусство образное, то, что создает образ.

Из всех своих книг я подарила ему только первую – “Предчувствие” – в которой не разочаровалась и поныне. Для меня она тоже была “персональной выставкой” – этюдов, жанровых сценок, настроений. “Я прочитал твою книжечку, – сказал мне дед. – Мне понравилось!” Я кивнула, из самоуверенности принимая его оценку как должное.

Мы сидим на дворе, в теньке. Под вербой столетней, на брёвнышке. Красота – лето в самой макушке! Грустнее всего от полного счастья: что тепло, что деревья зеленые, небо синее, земля изо всех сил родит – вчера вон какой дождь пропорол... А после, когда тепло начнет убывать: ну, не то... А жизнь?! Ужас как летит, и сладкие денечки в сундук не положишь, с собой не возьмешь...

Деда, конечно, угнетало, что его, члена Союза художников с 1952 года, принимали и признавали в Питере как бы “сквозь зубы”. И это при том, что картины его были во многих музеях – Русском, Военно-Морском, Обороны Ленинграда, не говоря уж о провинциальных собраниях. Особенно к Ткачёву тянулись зарубежные коллекционеры и галерейщики – англичане, немцы, американцы, японцы, французы, финны. Лучшие его работы потихоньку перекочёвывали за рубеж, а наши музеи тем временем заполнялись копиями “чёрных квадратов” и прочим сомнительным “новаторством”.

У деда была только одна персональная выставка в Ленинградском отделе Союза художников – в 1988 году, и это грандиозное событие грело ему душу всю оставшуюся жизнь. Он часто возвращался к нему в своих воспоминаниях: “У академика Моисеенко (прославленный живописец выставлялся в соседних залах) было тридцать отзывов, а у меня триста!” Михаилу Евдокимовичу в пору выставки стукнуло 75 – признания он дожидался долго.

Обладея большой работоспособностью и не получая десятки лет официального признания (звание “Заслуженного художника РФ” ему присвоили только в 1997 году, на 86-м году жизни!), он не скатился в коммерцию, в “штамповку”, в кич и самоповтор (то, что диссидентство и модернизм – не его стезя, думаю, понятно). Художник в нём победил все соблазны. Какой же внутренней силой, убеждённостию надо было обладать, чтобы так упорно торить свой путь! Многие творцы “из народа”, обладающие ярким дарованием, не выдерживают, поддаются конъюнктуре – не всегда из материальных выгод, скорее из хитрости, в надежде добиться большей известности. Михаил Евдокимович на это не пошел! А ведь мог бы!.. Но искусство было ему дороже славы.

Теперь, спустя годы, вглядываясь в его внешне простую жизнь, которая протекала на моих глазах, я невольно вспоминаю ещё один его автопортрет – замечательную акварель 1946 года. На ней запечатлен роковой красавец, покоритель морей. Синие полоски тельняшки, алый платок завязан на затылке на пиратский манер, но главное – не одежда “с вызовом”, а выражение лица, глаз. С акварели внимательно смотрит умный, много повидавший человек, уверенно держащий в руках штурвал жизни. И этот внутренний стержень, скрытый за простотой его калачевского быта, сохранился в Михаиле Евдокимовиче до глубокой старости. Жизнь его словно бы таила в себе несколько других миров, но они не разрушали его цельности, а делали его ещё сильнее.

И всё-таки он дождался своего “звёздного часа”, и мне тепло на сердце от того, что к этой его радости я оказалась причастной. В 2002 году в издательстве “Вече” выходила книга “Самые знаменитые живописцы России”, составляла которую искусствовед Капитолина Кокшенёва. Сборник охватывал огромный период – восемьсот лет развития русской живописи, и в самом конце его, после творческих биографий Андрея Рублева, Василия Тропинина, Ивана Айвазовского, Ивана Шишкина, Архипа Куинджи, Василия Сурикова и других прославленных живописцев был небольшой раздел, посвященный современ-

ным художникам. Я попросила составителя разместить там информацию о Михаиле Ткачёве. Жаль, что в те времена у меня не было под рукой достойной иллюстрации, и в дело пошёл один из “дедовских” домиков – по правде говоря, не самый лучший. Но всё равно: справедливость таким образом восторжествовала! Я знаю, что в Питере Михаилу Евдокимовичу многие звонили, поздравляли, книгу эту он увидел даже раньше, чем я, несколько экземпляров привозил летом в Калач, с гордостью показывал издание своим гостям.

В общем, я пролила бальзам на его душу, и в этом событии было много чудесно-невероятного. Прежде всего для меня – как быстро, оказывается, был пройден этот путь – от альбома “Художники Третьяковской галереи”, который я рассматривала на переговорном пункте, до книги “Самые знаменитые живописцы России”, где уже есть и частичка моего влияния...

То был счастливый для деда год – год его 90-летия, к юбилею было приурочено ещё одно знаменательное событие – выход альбома “Михаил Ткачёв. Живопись. Графика. Мелкая пластика” под общей редакцией Савелия Ямщикова.

Альбом собирала и готовила к печати дочь деда Наташа. Помню, как мы вместе перелистывали страницы издания, сидя в домике и рассматривая репродукции. Это было удивительное чувство: некоторые работы из последней части книги я видела “живьём” в это же комнате, а теперь они “отчуждены”, официально признаны произведениями искусства.

И снова дед меня удивил: альбом ему не понравился. Даже в преклонные годы он не потерял зоркости художника, умел оценить сделанное по достоинству. С формальной стороны работа была выполнена добротнo: толковый биографический очерк, живопись и графика в хронологическом порядке, фотографии персональной выставки, отзывы посетителей, каталог... Но, во-первых, печать оставляла желать много лучшего, а во-вторых, сам подбор работ был не шедевральный, даже я понимала, что такой состав не передаёт всех достижений художника.

Дед ворчал: “Наташа продала несколько картин, собрала альбом, насовала в него всякого... Я прибаловал, не мог всё отследить”. Он мечтал выпустить ещё одно собрание репродукций – “такое, как я хочу”. И рассказывал мне про свои картины, которые висят у него дома: “Умру, делайте что хотите, а пока живой, продавать не дам. Ни за какие деньги”.

Что ж, мой рассказ приближается к неизбежному финалу... С годами дед стал плоховато слышать: я приходила к нему в домик, видела, как, лёжа на кровати, застеленной байковым одеялом, он прижимает радио к уху, слушает новости. Но это ничего, страшнее было другое – он начал слепнуть! Старость и катаракта отнимали у него то, что составляло его жизнь – возможность творчески работать! В последнюю нашу встречу – кажется, летом 2005-го – он подарил мне грубоватый, незаконченный этюд: “Писал по памяти, на догадку, почти ничего не видя...”

Зимой его домик в очередной раз обворовали. Дед стал совсем старым, беспомощным.

И я к нему тоже пришла не то, чтобы обворованная, но сильно обиженная жизнью – я похоронила сестру, маму; на душе было смутно, меня всё больше захватывала житейская непогода, я стремительно теряла уверенность в себе, все прежние опоры шатались, меня начинала кружить, захватывать стихия саморазрушения. Всё казалось ничтожным, мелким перед этими потерями, ничего не спасало – ни искусство, ни творчество. “Зачем он сюда приехал?” – с тоской думала я, глядя на деда, понимая, как тяжело ему тут придётся.

А он, словно отвечая на мой мысленный вопрос, говорил:

– Зов родины, родина зовёт!

И я, молодая ещё, здоровая, в очередной раз позавидовала ему – глухому, полуслепому старику, поразила его сила жизни и сила таланта. Сила жизни земли часто не освящена никакой религией, только инстинктом. А сила смирения перед ударами судьбы иногда готова нас подвинуть навстречу смерти, к лёгкому согласию “на всё”.

Я спустилась вниз по улице Герцена, в руке у меня был незаконченный, беззащитный этюд, сердце моё щемило. Но я не плакала, ожесточившись перенесёнными потерями. Я шла и смотрела не под ноги, а на высокий, похожий

на каравай, купол неба. И, как не раз уже бывало со мной в трагические минуты, я опять остро ощутила торжественную красоту этой большой и всё-таки неподвластной нам жизни. В тот день в храме природы был праздник, она ликовала и, возможно, что-то хотела сказать мне в утешение... Но я прислушивалась только к себе и чувствовала, что с дедом мы больше не увидимся.

Он умер на 97-м году жизни, не исполнив своей шутилой мечты – дожить до ста лет.

Но пусть на моей “картине” художник Михаил Ткачёв будет живым, красивым и сильным, каким он и остался в моей памяти. Пройдут годы и годы, и искусство его – солнечное, щедрое, запечатлевшее частицу его большой души – так же будет радовать нас, как и прежде. Настоящее – остаётся. И мы остаёмся в нём...

Леониду Леонтьевичу Кокоулину, нашему постоянному автору, исполняется 85 лет.

Родившийся в Красноярском крае в 1926 году, он в отрочестве и юности был землепашцем и охотником, в годы войны красноармейцем, после войны строителем многих знаменитых сибирских гидроэлектростанций, а во второй половине XX века и по настоящее время его призванием стала история Сибири, описанная в повестях и романах талантливой рукой прозаика.

Друг и соратник Кокоулина по сибирским стройкам Илья Константинович Комаров с радостью предоставил журналу свои воспоминания о встречах с ним.

ИЛЬЯ КОМАРОВ

МОЙ СТАРИННЫЙ ДРУГ

Впервые с Леонидом Леонтьевичем мне пришлось встретиться в посёлке Манзурка, лежащем на Качугском тракте на полпути между Иркутском и нынешним городом Качуг, бывшим старинным посёлком, известным тем, что его жители рубили из брёвен мощные карбазы – подобия тяжёлых лодок, поднимающих до 10 тонн груза каждая, и сплавляли их вниз по Лене, вплоть до Ледовитого океана, обеспечивая северный завод.

В Манзурке находится прорабский строительный участок гидростроителей Иркутской ГЭС. Они возводили здесь машинно-тракторную станцию, тогда широко признанный центр деревенской механизации. В соответствии с решением съезда партии о подъёме сельского хозяйства каждой стройке поручалось в своей зоне построить капитальные здания МТС.

Прораба Ивана Новохатько я хорошо знал, он моему приезду обрадовался и начал уговаривать меня остаться на ночь. Подошёл ещё какой-то строитель с красивой чёрной цыганской бородой и стал так активно поддерживать Новохатько, что неудобно было отговариваться. Строитель с бородой оказался известным специалистом-монтажником и рабочим корреспондентом Леонидом Кокоулиным. Была суббота, в те годы суббота – рабочий день. Но Лёня куда-то скрылся, а через пару часов появился и пригласил нас на уху. Он оказался неутомимым рассказчиком, умелым рыбаком и прекрасно знал секреты строительства в условиях вечной мерзлоты, с особенностями которой мы впервые тогда сталкивались, знал особенности сварочных работ при низких температурах, когда отметка термометра опускалась далеко ниже 30°C. Так за ухой и разговорами пролетела ночь.

Вторая встреча с Кокоулиным состоялась спустя два года, когда меня снова направили строить МТС в верховья реки Лены.

Были возведены основные здания, котельная, все теплотрассы и другие инженерные коммуникации. Надо было установить дымовую трубу для котель-

ной. Сейчас это можно сделать за пару часов. Подогнал кран, поднял и ставь её на подготовленное основание. В тех же условиях в нашем распоряжении вообще никаких кранов не было. Тем более кранов высокой грузоподъёмности, способных поднять двадцатиметровую металлическую трубу метрового диаметра.

Приехала бригада монтажников – специалистов по подъёму таких труб. Подъём они решили провести методом падающей стрелы.

Но мощной лебёдки у нас тоже не было. Поэтому прикрепили натяжной конец к трактору. Трактор малосильный – ДТ-54, я засомневался, сумеет ли поднять трубу одним трактором. Бригадир заверил: “Сумеет”.

На схеме всё понятно. Каждый занимает своё место. Дается команда трактористу. Трактор начинает медленно передвигаться. Трос натягивается, конец трубы медленно отрывается от земли.

Вроде всё идёт по плану. Труба, как и положено, одним концом ещё упирается в землю. Ещё одно усилие, но мотор завывает, его мощности не хватает. Тракторист переключает скорость, колёса на миг останавливаются, труба стремительно опускается, таща за собой трактор, как пустую коробку.

Все попытки поднять трубу успехом не увенчались. На трубе образовалась вмятина, выправить её нельзя. Надо вырезать звено с вмятиной, сваривать трубу заново, а верх наращивать. Клянусь на чём свет горит монтажников. Пишу записку Кокоулину, который в это время находился в Верхоленске. Прошу, чтобы тот приехал на помощь.

Лёня приехал через пару дней. Ещё два дня ушло на то, чтобы восстановить трубу, вырезать повреждённое звено, сформовать его по лекалу, установить на место, и вновь монтаж. На этот раз уже под руководством Кокоулина.

Следующая встреча с Кокоулиным состоялась несколько лет спустя, когда я после пуска первых агрегатов на Иркутской ГЭС отправился на учёбу в МИСИ. После первого курса поехал в посёлок Мухтуя – тогда небольшой Ленский порт, вокруг которого развёртывалась перевалочная база строителей будущей Виллюйской ГЭС. Ныне это город Ленск.

Меня зачислили начальником участка, который возводил сразу десяток объектов. А главное – вызвали причалы для приёма мощных энергопоездов, для снабжения посёлка электроэнергией.

Кокоулин появился, когда шла перегрузка вагонов энергопоездов и барж на построенный причал. Сразу нашёл кучу огрехов, костерил нас на чём свет стоит. Но когда перегрузка была более-менее завершена, пришёл навесить меня.

– Так ты где сейчас работаешь-то?

– Ты что, забыл, как после пуска первого агрегата в 1957 году меня направили учиться в Москву?

– Да, подзабыл. Всё думаю, где Илья. Здесь, на Виллюе, о тебе не слышно, подумал, что, наверное, уехал на Красноярскую.

– Да нет, учусь в Москве. Вот закончил первый курс, приехал подзаработать.

– А как стипендия-то?

– Ну, какая там стипендия – 180 рублей в месяц.

– Да ты что, паря, на неё разве проживёшь?

– Ну, как видишь, я и подрабатываю, чтобы прожить.

– Нет, Илья, так не годится. Давай договоримся, пока ты учишься, я тебе буду посылать по 500 рублей в месяц. Ты же видишь, здесь мне всё равно их некуда тратить, все на магарыч уйдут. – Я его от души поблагодарил, но от дополнительной стипендии твёрдо отказался.

Много легенд ходило о Лёне, когда он строил Виллюйскую ГЭС и был начальником монтажного участка, а по совместительству и. о. редактора районной газеты, пока настоящий редактор был в отпуске, а неиспользованных отпусков у него накопилось более года. Правда, с газеты Кокоулина через полгода с выговором сняли, однако за время его правления популярность газеты среди местных жителей достигла небывалой высоты. И позже, вспоминая тот или иной номер газеты, мы чуть ли не наизусть цитировали опубликованные заметки с собрания колхозников, его беседы с читателями и другие материалы Кокоулина, которые он приводил без всякой правки. Как собеседник отвечал, в таком виде Лёня и излагал речь, ни капельки её не редактируя. Все якуты говорили на русском языке, а мысли строили по-якутски.

Когда Кокоулину пробовали разъяснить, что нельзя такой разговорный язык запускать в официальной печати, он не соглашался: “Вы не понимаете сути происходящего. Люди хотят говорить и говорят по-русски в том виде, в каком умеют. Очень важно, чтобы газета отражала все эти отклики. Тогда народ Якутии быстрее придёт к своему литературному языку, и это будет особый язык, объединивший русские и якутские слова, хорошо понятные самим собеседникам, лучше выражающие их мысли, чем казённый перевод”.

В середине 70-х годов открывали памятник знаменитому строителю сибирских ГЭС Андрею Ефимовичу Бочкину на Ваганьковском кладбище в Москве. На открытие приехали иркутяне, от которых я узнал, что Кокоулин живёт в Москве. Дали его телефон. По номеру вижу, что Лёня работает близко от моего места работы.

Звоню. С последней нашей встречи прошло почти 20 лет. Но отвечает голос знакомый. Говорю: “Лёня, здравствуй! Ты что делаешь в Москве?”

– А меня отправили учиться. Оказался самым старым студентом Литературного института. Окончил Литинститут. Написал один роман, Затем другой. Затем мне позвонил Георгий Мокеевич Марков – секретарь Союза писателей, пригласил к себе и, как я ни упирался, запряг меня в работу.

– Лёня, а ты где сидишь-то?

– Знаешь, где Госстрой СССР находится?

– Знаю.

– Так рядом с Госстроем стоит маленький двухэтажный домик, выходит фасадом на улицу Пушкина, как раз против Театра оперетты.

Так мы встретились с Кокоулиным снова через 20 лет.

К этому времени уже вышли его книги “Табак Хороший” о строителях города Мирного и добытчиках якутских алмазов, “Колымский котлован” – книга, удостоенная премии ВЦСПС и Союза писателей СССР за лучшее произведение о рабочем классе, романы “Сибирский посад”, “Пашня” и другие.

Запомнился мне роман “Огонь и воды”, посвящённый судьбе отслужившего армию солдата Ивана Ленцова, человека, сумевшего в борьбе с обстоятельствами преодолеть одиночество, безысходность и найти своё место в жизни.

О бродягах бичах, по разным причинам оказавшихся за бортом жизни, забытых и родными и обществом, в те времена много писалось на страницах газет. Сами себя одни называли тогда “бывший интеллигентный человек” (бич), другие “матросами, отставшими от корабля”. А среди них было много талантливых, смелых, честных.

Настоящее художественное открытие Кокоулина – это образ бывшего капитана Константина Антоновича по прозвищу Хрипатый, представленный в романе “Бичи”.

Прекрасно описаны во всех книгах Леонида Леонтьевича пейзажи Сибири. Они рисуют неповторимое лицо русской земли. В повести “Затески к домку своему” раскрывается великое умение русского человека жить в ладу с природой. Сын с отцом уходят в тайгу на зимний промысел. Сын исподволь перенимает от отца не только навыки трудной, но полной радости жизни в таинственной и неповторимой Прибайкальской тайге, но ещё и восприятие красоты природы. Раскрываются десятки удивительных в своей точности подробностей охотничьего быта. Западают в душу неторопливые разговоры отца и сына о корнях своего крестьянского рода, о смысле жизни. И возникают между отцом и сыном доверие и дружба, и ведут таёжные затески к домашнему очагу, к духовному единению.

Позднее в романах появляются нотки более глубокого осмысления социальной жизни сибиряков. В романе “Не плачьте, волки” описываются неисчислимыя беды, которые принёс человек в таёжные края, бездумно нарушая вековые устои природной среды, живёт предчувствие большей беды, которую предстоит пережить народу в результате абсурдной экономической перестройки, затеянной безграмотными экономистами новой волны.

В начале наступившего века вышла книга Кокоулина “Колымчане” – летопись строительства уникальной гидроэлектростанции в необычайно трудных природных условиях загадочной Колымы, вдали от магистральных дорог, в условиях нехватки баз стройиндустрии, жилья, источников электроэнергии, профессиональных кадров и массовой системы неурядиц, вызванных перестройкой.

В книгу включён пятистраничный эпизод “Сто часов подвига”.

“В ночь на шестое января 1973 года ртутный столбик упал в посёлке на пятьдесят пять, а на реке — все шестьдесят ниже нуля. На речке Анманнчан, обеспечивающей водой посёлок гидростроителей, около поселкового водозабора стояла и водозаборная будка с насосами для заправки водовозок. К этой насосной в тот день и перемело дорогу. Послали туда бульдозер. Старательный бульдозерист потрудился “на славу” — очистил не только проезд, но и пространство вокруг будки водозабора, то есть снял со льда снежный покров — “тёплое одеяло”, предохраняющее от промерзания речку. И шестидесятиградусный мороз выморозил её до дна. Посёлок остался без воды. Лишь в русле Колымы под толстым слоем снега была живая вода. Требовалось немедленно переключиться на забор воды отсюда — весь коллектив был брошен на борьбу за выживание.

Несколько часов — и врезка готова. Струя воды поднялась по трубопроводу. Ожили котельные. Но река за ночь изменила своё течение, как бы оставила своё русло, с левого берега ушла на правый, а мороз зашкаливал за шестьдесят. Магистраль без напора воды полностью сковало льдом. Один за другим потухли два котла. Оставшийся в живых котёл держался на голодном пайке водовозками. Отопительные радиаторы в домах трещали и лопались.

Силуэт посёлка в мутной непроглядной дымке, всего из одинокой трубы чёрный дым косо падает к земле и бурлит, смешиваясь с колючей позёмкой, закрывая посёлок и Колыму с прибрежными гольцами. Со всех концов по заснеженной мари, словно ручейки, мутылят фигурки людей. Они сливаются в один поток, и он стекает к реке, где берёт начало водопровод.

Вспыхивают вначале одиночные костры, через некоторое время от самой реки тянется километровая лента огня до котельной.

Люди работают в масках, обмотавшись до глаз шарфами, никого не узнавать — разве только по голосу, и то не всегда — голоса уже охрипшие.

Тягачи, тыкаясь подслеповатыми фарами, волокут сварочные аппараты, бочки с соляжкой, трубы. *Всё привезённое нарасхват.* Главный механик, прикрывшись от ветра задубенелой рукавицей, будто по секрету:

— Температура падает, вот-вот за шестьдесят перевалит.

Но начальник стройки его не слушает.

— Ты лучше вырезай участками трубы и стыкуй рядом, понял? — стараясь пересилить ветер, кричит он в ответ.

Вдоль трубопровода кишит развороченный муравейник: таскают дрова, соляжку ведрами, разгребают снег, подносят куски труб. Всюду огоньки сварки. И так уже сутки — греют, режут, варят. Подвезли утеплитель.

Все хорошо понимают: целиком трубопровод отогреть — надо море соляжки, тысячу возов дров. Потому и режут магистраль, куски укладывают в штабель и греют костром. А пока стыкуют трубы, привезённые со склада. Отогретые куски также пристыковывают к магистрали.

— Успеть надо закончить трассу, пока у насосной врезку сделают, успеть, друзья, успеть! — не приказывает, просит начальник стройки.

В борьбе проходят вторые сутки. Девятое января. В этот день в посёлке не осталось ни души, кроме детей. Старшие школьники тоже пришли на водовод с лопатами, ломом расчищать снег, долбить лёд. Счёт начался на минуты.

На участке, где идёт стыковка со встречной трубой, тесно — машины, люди, тягачи. Железный хребет магистрали обрастает “серым мясом” изоляции. Знобко верещат сварочные аппараты, и что-то в распадах ухает со стоном.

Прошла ещё ночь. “Линия огня” редеет. Иссякают силы, есть обмороженные. Начальник стройки то на одном, то на другом конце водовода, подбадривает, просит, уговаривает, приказывает. И опять по всей магистрали вспыхивают огни электросварки. Сварщики будто припаялись к трубам, видны только согнутые спины. Полощутся по снегу голубые сполохи.

Через некоторое время в окнах появляется свет.

Сварщики требуются на врезку к насосной. Мы стремглав туда. Начальник уже на месте.

— А как ваши дела? — спрашивает механизаторов. Они в самом горле реки. Отсвет костров выхватывает посиневший лёд. Река будто похудела, торчат обдугые ветром камни.

— Слива нет, — говорит бригадир сварщиков, словно вывернувшийся со дна реки. Лицо у него землистое. Уже четвёртые сутки механизаторы переде-

львают врезку насосов, отогревают всасывающие трубы, исковерканные морозом, долбят майну. – Разрешите вот эти заменить.

Бригадир сварщиков топает в унтах прямо по наледи. Он обводит мелом на трубе места вырезов, мел не слушается, крошится в руках. До удушья обдаёт палёным войлоком, соляркой. А тут ещё разморозилась водоприёмная задвижка, лопнула.

– Давайте, ребята, – сделав разметку, обращаюсь к сварщикам, слесарям, – нагреем задвижку – которая “живая”.

Отогреваем! Здесь, на середине Колымы, ветер нестерпимо пронизывает до костей. Если на берегу шестьдесят, то здесь с гаком...

В будке на санях жарко полыхает малиновыми боками печка. Греться бегают по очереди: двадцать минут – больше не выдержишь на морозе.

Под утро метель отяжелела, стала припадать, зазвенела серебром по застывшей наледи. Из-за тучи высунулся острый клык луны, и мороз прибавил ещё два градуса.

Ушитой из досок насосной долбят майну. Лёд уже поголубел, блеснули первый промоины. Близко подо льдом заворочалась Колыма.

Успеем с трубами, пока продолжают лёд?

Ещё бы пару “пушечек”, – отвечают сварщики (что значит – сварочных аппаратов).

Начальник стройки даёт команду. Вскоре подтягивают ещё один сварочный аппарат, но он задыхается, не тянет на морозе. Сварщик снимает с себя брезентовую робу и закутывает мотор. Сам остаётся в телогрейке. Кабели стоят колом, ломаются. Парни осторожно, как хрустальную нить, переносят их к очередному стыку.

Змеей ползёт на гору чёрная плеть труб в посёлок, к котельной. С расцветом костры бледнеют, но солярка в бочке по-прежнему блестит антрацитом. Её берут лопатами и бросают в костёр. Подвозят и подвозят утеплитель. Его буквально расхватают.

– Спокойно, спокойно, не вали как попало!

Десятки рук обволакивают трубы. Осталось уже немного, вот последние сто метров. Ещё сильнее ветер подул, сразу потемнело. Мутная замять бьётся серыми крыльями в лучах прожекторов, ставших вдруг узкими. По цепи пронеслось: механизаторы готовы запустить насосы! Наваливаются на последние метры, и уже больше никто не уходит греться.

На косогоре, словно споткнувшись, останавливаются большегрузные самосвалы. В карьерах экскаваторы вскинули ковши, да так и остались, как с поднятыми кулаками. Мороз схватил и зацементировал смазку. Металл не выдюжил, сдал... А люди выстояли. Трубопровод ожил! В алюминиевых вагонах-общезитиях захлопали двери, люди поздравляли друг друга. Действительно, радость победы на всех одна”.

Вот что такое в те времена было русско-советской самоотверженностью, чувством долга, патриотизмом, взаимовыручкой!

Когда Кокоулин после выхода книги “Колымчане” приехал на Колымскую ГЭС и после всех официальных встреч остался в близком кругу строителей, её построивших, он у каждого спрашивал, что больше всего запомнилось от стройки, чем могли бы они гордиться. Каждый второй не сговариваясь ответил, что в жизни был случай, которым он гордится, – участие в борьбе за спасение погибающего города.

К написанию романа “Красноярский волок” Кокоулин готовился много лет, по крупницам собирая материалы о сибирских первопроходцах. При вечерних чаепитиях, которые у нас всегда бывали, если удавалось выбраться в деревню Абрамово, где большую часть своего рабочего времени проводил Леонид Леонтьевич, он делился со мною своими наметками, показывая собранные обширные материалы по освоению Сибири.

Чувство уважения к земле у него привито с детства, как у многих из нашего поколения. Свой участок земли считает своим бастионом. В начале перестройки деревню Абрамово признали неперспективной и наметили к сносу. Кокоулин организовал жителей, и они деревню отстояли и сохранили.

В свои 85 Леонид Леонтьевич по-прежнему работает на земле.

Искренне переживает, если где-то на его делянку остался необработанный клочок. Когда урожай собран, он тщательно укладывает его на зиму, в объёме, необходимом для своей семьи, а все остатки развозит по друзьям и знакомым.

И мне, бывало, возвращаясь со своего сельского подворья, завезёт по пути несколько тыкв, кабачков, всяких других овощей.

В случае необходимости оказать соседу какую-либо помощь Кокоулин безотказен. Всегда поделится последним инструментом, поможет выполнить трудную работу. В этом я многократно убеждался, когда по его приглашению начал строиться рядом с его дачным участком.

Однажды весной мне потребовалось перенести метров за 500 от места складирования до места укладки два десятка труб. Трубы асбестоцементные, каждая имеет длину метров 15 и весит килограммов по двадцать. Одному не унести. Обратился к Лёне за помощью. Лёня говорит: сейчас уже вечер, начинать надо рано утром, вдвоём мы быстро их перетаскаем. Приходи часиков в пять. Пришёл к назначенному времени. Лёня пьёт чай. Чувствуется, ещё не выспался, усталость так и проступает. Пожалел, что рано его разбудил, однако он сам время назначил и не любил, когда кто-то опаздывал. Я от чая отказался. Пошли за трубами. Смотрю, на какое плечо Лёня приспособливается брать трубу. Готовлюсь на эту же сторону взять свою часть. Лёня говорит, да одну трубу вдвоём нести неудобно. Давай, поднатужься, возьмём каждый по трубе, скорее будет, а там и времени поменьше затратим, быстрее отдохнём.

Слежу, как тяжело поднимается на спину у Лёни труба. Но вот поднял, сбалансировал, пошёл.

Свою трубу мне, кажется, не осилить. Но нет, приподнял её край, подлез плечом под середину, побалансировал немножко и пошёл вслед за Лёней, рассуждая про себя, донесу – не донесу без остановки. Думаю, донесу, вон Лёня уже у края дренажа, ну и мне немного осталось. Однако Лёня минует край дренажа и, не останавливаясь, идёт к его концу. Стыдно останавливаться, я чертыхаюсь про себя, но упрямо тащу свою тяжёлую ношу туда, где, уже освободившись от трубы, стоит Лёня. Я подхожу, смотрю, куда сбросить трубу. Свободен только конец дренажа, надо положить последнюю трубу. Все остальные Лёня уже принёс, пока я ещё спал.

Он нередко устраивал такие розыгрыши, хотя был ранен в коленную чашечку и всякие тяжести перемещать было ему непросто. Но мог, при случае, и по-дружески ткнуть носом: “Можешь сам, не дрейфь, глаза бояться, руки делают”. Сейчас Леонид Леонтьевич заканчивает роман о сибирском первопроходце Семёне Дежнёве. Пожелаем ему успеха. С юбилеем тебя, наш друг, академик, заслуженный экономист России!

“БЬЮТ ЖЕНЩИН...”

— А был ли мальчик? Может мальчи-
ка-то и не было?

Максим Горький.
Жизнь Клима Самгина

I

Сколько известнейших негодяев, а вместе с ними и достойнейших людей за двадцать “рыночно-демократических” лет “Великой криминальной” — по словам Станислава Говорухина — революции погибло от рук наёмных убийц! — Кого только нет в этом скорбном списке: губернаторы, банкиры, спортсмены, генералы, депутаты, популярные журналисты... А уж людишкам помельче — счёту нету, поскольку это не элитные и не государственные существа. У них своя братская безымянная Кущёвка.

И главная причина этой всенародной беды в том, что “бешеные деньги” вырвались из социалистической неволи, как преступники из мест заключения, чтобы воплотиться в оружие, в гексоген, в пластид, в яды, в пояса шахидов, в зарплату убийцам, в банковские счета заказчиков, в продающийся и покупающийся компромат, словом, во все самые коварные и подлые приёмы взаимоистребления людей.

Помню, как в начале “перестройки” всех поразило изощрённое убийство банкира с греческой фамилией Кивилиди, которому через телефонную трубку запустили в ухо смертельную дозу яда. Ну, прямо, как отцу Гамлета! Двух следующих банкиров — Когана и Козлова “замочили” простейшим способом — из пистолета с глушителем, так же, как депутатов Госдумы Ющенкова, Головлёва, Старовойтову, как журналистов Листьева и Политковскую, как генерала Рохлина. А журналиста Холодова взорвали, как генерала Романова и двух крупнейших московских чиновников Шанцева и Орджоникидзе, впрочем, двух последних не до смерти. А вспомним Виктора Поляничко, спортсмена Квантришвили, авторитета Япончика... Пуле всё равно, кого продырявить. Лишь бы хозяину этой пули было заплачено бешеными деньгами.

Каждый раз после каждого оглушительного убийства кто-нибудь из высшего руководства страны от президента до премьера или генерального прокурора выступал на людях и клялся на всю страну, что убийцы будут найдены. Помнится, одним из первых давал такую клятву Чубайс над гробом своего подельника по питерской приватизации Маневича. Ельцин поклялся, что за смерть Холодова и Листьева преступники дорого заплатят. Наш нынешний президент, возмущаясь терактами последнего времени и гарантируя уничтожить “уродов”, одновременно твердит, что, несмотря ни на что, мы должны жить в “открытом обществе” и что “свобода лучше несвободы”... А бешеным деньгам ничего не нужно, кроме полной свободы.

В советское время в нашей стране совершалось десять тысяч убийств в год. Сегодня в России с численностью населения вдвое меньшей, чем в Советском Союзе, ежегодно убивают 30 тысяч человек. А это означает, что количество убиваемых возросло аж в шесть раз! Не дорогая ли цена за “открытое общество” и за “свободу”? Вот самоубийственный итог ельцинско-гайдаровско-чубайсовских реформ, выпустивших из государственной клетки стадо зверей под названием “бешеные деньги”, которые овладели умами, прессой, властью, страной, народом... За такие деньги можно купить жизнь и смерть почти любого из нас.

* * *

Не обошла эта криминальная напасть и нашу писательскую жизнь. Перед самым Рождеством 2009 года в знаменитом Переделкино произошло циничное, наглое и загадочное преступление, первое описание которого появилось в “газете Ru” от 24.12.09.

“В ночь с 23 на 24 декабря около 3.30 неизвестные преступники совершили нападение на дачный дом главного редактора “Литературной газеты” и известного российского прозаика Юрия Полякова. Злоумышленники, перебравшись на придомовую территорию через высокий забор, угрожая оружием, отобрали ключи у помощницы по хозяйству, ночевавшей во флигеле, избили её, связали и заткнули рот. Затем один из бандитов, предположительно, остался снаружи вести наблюдение за территорией, а другой проник в дом.

Со слов Полякова, его жена Юлия* в это время читала в кровати. Один из нападавших вломился в комнату, где находилась супруга Юрия Михайловича, и, набросившись на супругу Полякова, рукояткой пистолета нанёс ей множественные повреждения в области головы, в результате чего женщина была госпитализирована с переломами черепа. Юрий Поляков находился на втором этаже и крепко спал. Когда он услышал, как кричит жена, то предположил, что у неё опять заболела спина, беспокоившая Юлию последнее время.

Но спустившись на первый этаж, он нос к носу встретился с вооружённым бандитом, скрывавшим половину лица под шапкой. Быстро сориентировавшись в ситуации, Юрий Михайлович кинулся бежать наверх, чтобы взять свой десантный нож, который ему подарен сотрудниками спецподразделений в ходе его поездки на Северный Кавказ в зону боевых действий. Однако, вооружившись холодным оружием и спустившись вниз, писатель уже никого не застал”.

Одновременно с “Газетой. Ru” 24 декабря “Московский комсомолец” поместил на первой полосе фотографию подушки, облитой кровью Юлии–Натальи, и фотоснимок скромного одноэтажного сарайчика с подписью **“Особняк Полякова, в который проникли грабители”** (на самом деле это был флигелёк для домработницы). А сам материал “МК” имел заголовок “ЧП российского масштаба” – не больше не меньше. Под фотоснимком следовал текст, почти идентичный тому, что был напечатан в “Газете. Ru”, но с небольшими разночтениями: о проникшем в дом “головорезе” на этот раз было сказано точнее: **“Славянин в надвинутой на самые глаза вязаной шапочке, в каких избображают бандитов, со стволом в руке”**. После поляковских слов идёт текст журналиста, написанный со слов хозяина дачи: **“Рукояткой этого самого пистолета налётчик бил по голове жену Юрия Михайловича”**. Картина – жуткая! По всем законам мужского поведения что должен делать муж, на глазах у которого убивают жену? – Конечно же, не теряя ни секунды броситься на злодея, а то ведь ещё один-другой удар рукояткой – и конец! Но произошло нечто неестественное: муж на крики жены бежит по лестнице вниз, “нос к носу” сталкивается с бандитом и вдруг разворачивается, взмывает снова на второй этаж за “десантным ножом”, полученным в подарок не где-нибудь, а на Кавказе “в зоне боевых действий” (мужественный человек – не побоялся туда поехать!), опять бросается вниз в надежде, что бандит ждёт его там, и не

* Известно, что жену Полякова зовут Натальей. Может быть, “Юлия” это другая жена или просто другая женщина?

страшно храбрецу, что бандит вооружён пистолетом, против которого нож бессилён! Но слава Богу, что бандит не дождался, пока Поляков вернётся вооружённым ножом, и не пристрелил отважного “десантника” и верного супруга окровавленной, полумёртвой Юлии, не добил её, пользуясь тем, что защитник помчался разыскивать нож, а великодушно удалился, исчез, как сон, как утренняя туман. Как сказано в “МК” – **“Злодей успел ретироваться”**...

Дальше идёт описание, от которого холодеют члены: несчастная Юлия – Наталья потеряла столько крови, что **“кровь на полу в её комнате отмывали до утра”** (“МК” 24.12.2009), **после чего Поляков поехал в милицию, составлять фоторобот преступника**. (В одном из материалов сказано, что в милицию позвонила домработница.)

... На другой день после “Московского комсомольца” душераздирающий репортаж о переделкинском кровопролитии появился на первой странице “Комсомольской правды” под решительным заголовком: **“Жалею, что у меня не было помпового ружья”**.

В репортаж была вмонтирована идиллическая фотография: Юрий Поляков, крупный мужчина с могучим торсом, с крепкими кулаками (этот даст – не то что “черепно-мозговая травма” – голова отлетит!) и его жена с маленьким внуком Егором на руках. Жена названа уже “Наталья”, а не “Юлия”, а фото мальчика на её руках, видимо, должно взволновать сердца читателей, потому что Поляков воспроизводит разговор со злодеем, который успел перед исчезновением сказать (непонятно только – ему или его жене?): **“Сейчас – жена, есть ещё дочь, внуки и т. д.”**. Следовательно, налётчик не только не прятал своего лица (**“я увидел налётчика, одетого, как в фильмах, во всё чёрное, в чёрной вязаной шапке, без маски”**), даже этническую принадлежность писатель разгадал: **“Славянин”**), но и успел поговорить со своими жертвами! Да и жена имела возможность разглядеть налётчика во время душевного с ним разговора: **“Жена, когда он на неё наставил пистолет, сказала, что если нужны деньги, пожалуйста, я вам всё отдам”**. Но благородный разбойник, словно Дубровский или какой-нибудь Робин Гуд, наотрез отказался от этих меркантильных предложений. Странные налётчики орудут в Переделкино! Долго возятся с прислужкой – связывают, затыкают рот, отбирают ключи, словом, делают всё, чтобы как можно больше следов оставить и чтобы прислуга хорошо их запомнила. Открывают ключами двери хозяйского особняка, хотя, казалось бы, согласно здравому смыслу хозяева должны закрывать дверь изнутри: мало ли что может случиться с прислужкой? Кто им тогда утром дверь откроет? Бесстрашный бандит в одиночку (!) врывается в дом, где люди не спят (горит свет!), где находятся двое взрослых людей, где живёт сильный, молодой, мужественный хозяин. Бандит, прежде чем проломить хозяйке голову, вступает с ней в разговор, грозит, что доберётся до детей, внуков и т. д. Непонятно, почему они затыкают “кляпом” рот домработнице (“МК”), ведь жена Полякова и он сам имеют возможность орать на всё Переделкино. Короче говоря, профессиональный киллер ведёт себя глупейшим образом: сталкивается с хозяином “нос к носу”, лицо у киллера открыто, следов и всяческих отпечатков он оставил в доме Бог весть сколько для того, чтобы его опознали по лицу, по голосу, чтобы фоторобот можно было сделать точнейший, чтобы его как можно скорее поймали.

Заканчивается репортаж из “Комсомолки” совершенно замечательно: **“Единственное, о чём я жалею, – негодует храбрый муж, – что у меня в доме не было помпового ружья, и я не застрелил эту скотину. Теперь я надеюсь на помповое ружьё, которое в ближайшее время куплю”**. Впрочем, за ружьём, как и за десантным ножом, если что случится, надо подняться на второй этаж, вытащить его из специального металлического короба, который по инструкции запирается (ружьё по закону в открытом месте нельзя хранить), потом надо патроны в магазин вставить (держать ружьё заряженным в доме запрещено), и только потом стремглав бежать вниз навстречу злодею. Из ружья от волнения и промахнуться можно. И попасть в кого-нибудь из своих ближних. Поэтому надёжнее покупать “Калашникова”. Прицеливаться не надо... А лучше бы вспомнить Юрию Михайловичу, как в 1936 году агенты Ягоды решили арестовать Будённого и окружили его дачу. Усатый маршал-казак не растерялся, выбил ствол “Максима”, стоявшего у него на чердаке, слуховое окно, выпустил по энкавдэшникам очередь и тут же заорал в телефон Сталину, что он дорого продаст свою жизнь. Сталин яко-

бы ответил ему, что, мол, не горячись, Семён, это пришли не к тебе, а к Якиру, ребята дачу перепутали!

* * *

Подобно тому, как после нью-йоркской провокации 11 сентября 2001 года американские власти двинули свои войска в Ирак и Афганистан, так же все средства массовой информации, поддерживающие Полякова, начали после этой кровавой драмы обстрел позиций Международного Литературного фонда.

По Рен-TV страшная история была изложена вечером 24 декабря; по телеканалу "Культура" в 23.45 минут 25 декабря в передаче Флярковского с комментарием самого владельца десантного ножа:

"Это была акция устрашения. Ранее был избит Зайцев, был избит Мухин. Они исключили нас из Литфонда, мы с Битовым рассказывали об этом Путину, мы передали письма главе МВД Нургалиеву и Генпрокурору Чайке". 26.12.2009 г., выступая по московскому радио, Юрий Михайлович, ставший за эти два дня легендой криминальных сводок, ещё раз красочно рассказал о покушении на его семью и выдвинул новую версию о заказчике:

"Сам Переверзин вряд ли бы решился на такое, а может, и не додумался, чтобы нанести такой удар".

А кто же додумался?

Кто решился? Об этом Ю. М. скромно промолчал, видимо, чтобы не влиять на ход следствия. В один из этих же дней сюжет кровавой ночи перед Рождеством был озвучен по "Радио ФМ" с упоминанием фамилий "Ганичева, Куняева, Переверзина". В ночь с 29-го на 30 декабря 2009 г. Поляков вместе с Зайцевым снова появились на канале "Культура", где на своей пресс-конференции говорили не только о покушении, но и о продаже Переверзиным Дома творчества в Малеевке и детского сада. О нападении на дачу Полякова питерским "откликом на переделкинскую авантюру" была гневная телеграмма, присланная Путину от друзей Полякова и напечатанная 15.01.2010 г. в "ЛитРоссии":

"Писатели Петербурга потрясены разбойным нападением на жену главного редактора "Литературной газеты" Наталью Полякову. Мы видим в этом бесчеловечном акте попытку запугать нашего коллегу, заставить его отказаться от своей гражданской позиции в деле защиты городка писателей Переделкино. Само нападение, совершённое в тот момент, когда о криминогенной ситуации, сложившейся вокруг писательского городка, уже осведомлены первые лица государства, придаёт ему вызывающий и дерзкий характер. Мы просим Вас взять под личный контроль действия компетентных органов, занятых поимкой налётчиков и их заказчиков.

А. Битов, Д. Гранин, А. Житинский, Д. Каралис, А. Кушнер, И. Фоянков, И. Штемлер и др."

Мало им, что дело на контроле у министра МВД, подавай им Путина. Перечень подписантов впечатляет, ведь Гранин, Битов и Кушнер вошли в историю, оставив автографы на позорном письме от 5 октября 1993 г., призывавшем к репрессиям после расстрела Белого Дома.

Естественно, что Путин не обратил никакого внимания на страстную кляузу своих земляков, и постепенно шум в прессе о переделкинском кровопролитии утих. Лишь один Поляков, появляясь в течение 2010 года на TV, постоянно напоминал, чаще всего не к месту, о своём ночном кошмаре.

Последний раз это было в программе Владимира Соловьёва "К барьеру!" 18 ноября 2010 года, когда Поляков, будучи закулисным экспертом, совершенно не связав свои слова с сюжетом передачи, вдруг забормотал: **"Я сам пострадал, был акт устрашения за то, что "Литгазета" стала печатать материалы о махинациях с имуществом в Литфонде"**.

Однако присутствующие на съёмках статисты ничего не поняли из этого монолога, поскольку переделкинские события к тому времени подзабылись, а Владимир Соловьёв с недоумением посмотрел на своего эксперта и, по-моему, даже покрутил пальцем у виска.

Но для чего же тогда столько сил было потрачено Ю. Поляковым, чтобы раскрутить кровавый сюжет и сделать его “ЧП российского масштаба”?

Для чего в каждом из сообщений подчёркивалось, что не бытовое ограбление было целью негодяев?

“Стоит заметить, что преступники не планировали похищать деньги, технику или какие-то другие материальные ценности, поскольку ювелирные украшения Юлии Поляковой лежали в открытом доступе” (“Газета.Ru”).

То же самое “бескорыстие” бандитов отмечается и в “Московском комсомольце”, и в “Комсомольской правде”, и репортажах, прошедших по каналу “Культура” и по Рен-TV.

Одновременно – и это, видимо, главное – везде утверждалось, что это месть нового руководства МЛФ главному редактору “Литературной газеты”: **“Журналист связывает нападение со своей профессиональной деятельностью: в последнее время “Литературная газета” регулярно публиковала материалы о расхищении земель в писательском городке”** (“Газета.Ru”).

“Это было сделано неделю спустя после того, как мы в ОБЭП передали документы, подтверждающие финансовые махинации нового руководства международного Литфонда <...> Кстати, в этот день мы должны были встречаться с сотрудницей Счётной палаты, куда тоже должны были передать документы. То есть понятно, что это была акция устрашения” (“Комс. правда”).

“Это связано с многочисленными публикациями на страницах “Литгазеты” о попытках разбазаривания и распродажи писательской собственности <...> во время недавней встречи наших писателей с премьером Путиным я ещё раз поднимал вопрос о попытке рейдерского захвата недвижимости в Переделкино, которое инициировало руководство международного Литфонда” (“МК”). **“Незадолго до нападения Поляков передал в управление МВД по борьбе с экономическими преступлениями материалы, якобы изобличающие нового главу Литфонда Станислава Куняева”** (“газета Ru”). В чём изобличающие – не сказано. И так без конца. Жуткая картина нападения на семью Поляковых, раскрытая во всех СМИ, должна была убедить президента, премьера, Генерального прокурора, Счётную палату, ОБЭП и весь российский народ, что новое руководство МЛФ не просто разворовывает писательскую собственность, но и готово на любое уголовное преступление, чтобы запугать честного и отважного журналиста.

... С той поры прошло более года, в течение которого руководителям Литфонда пришлось побывать во многих кабинетах ОБЭПа, прокуратуры, МВД, куда приходили жалобы Полякова и его компании **“об экономических и финансовых преступлениях в Литфонде”**. Ни одна из них не подтвердилась. Более того, Ю. Поляков и “Литгазета” несколько раз по искам И. Переверзина были осуждены по статьям о клевете, о моральном ущербе, об оскорблении чести и достоинства и были вынуждены выплачивать различные штрафы. Счётная палата РФ, два месяца проверявшая по жалобам Полякова и К^о деятельность МЛФ, не нашла никаких серьёзных нарушений и причин для возбуждения уголовных дел против руководства МЛФ. Поэтому у Полякова и его сторонников в борьбе с новым руководством Литфонда оставалась лишь одна козырная карта – кровавая провокация в Переделкино. И они разыграли эту карту... но, к сожалению для себя – бездарно. Однако, растиражировав на всю Россию по всем СМИ историю избиения своей жены и обвинив в газетах, радио и телеэфире в преступлении руководство международного Литфонда, Поляков не повторил свои обвинения в заявлении, написанном в милицию. Опытный пиарщик, видимо, понял, что пиар пиаром, а строгое милицейское расследование – жанр более серьёзный, что доказать причастность руководителей Литфонда к нападению на дачу дело и бесполезное и опасное для него самого. За болтовню в телеэфире и в газетах не осудят, а за клевету, написанную в заявлении пером, ответственность нести придётся. Вот почему ни Переверзина, ни Куняева следователи ни на какие разговоры по этому делу не вызывали. И все поляковские крики о том, что дело находится на контроле у ми-

нистра МВД Нургалиева и Генерального прокурора Чайки, оказались блефом.

Весь год оно пылилось на полках Ленинского районного отдела МВД при Переделкино. На все вопросы руководителей МЛФ, которые сами не менее Полякова желали знать, что же произошло на его даче в ночь перед Рождеством, следователь Царёв унылым голосом отвечал, что следствие не закончено, что перспектив у него нет никаких, что найти заказчиков и исполнителей, видимо, никогда не удастся.

Поэтому приходится нам самим разбираться в этом преступлении. Оно было совершено, если верить Полякову, в 3 часа ночи, и женщина **“с переломами черепа”, “изуродованная” и “изувеченная”** (слова из СМИ), ждала до 9-ти часов утра, когда муж наконец-то **“поехал в милицию составить фоторобот преступника”**. Но что же делали обитатели имения с 3-х до 9-ти часов? Судя по словам хозяина, уничтожали следы преступления: **“кровь на полу в её комнате отмывали до утра”**. Кто отмывал? Домработница? Жертва избияния? Сам хозяин? И как ему было не страшно, что в результате **“переломов черепа”** без срочной медицинской помощи бедная супруга может отдать Богу душу? Почему не сразу же после того, как преступник смылся, по горячим следам не была вызвана милиция, не был объявлен план-перехват? Объяснить эту затыжку времени до утра можно лишь по двум соображениям: или **“переломов черепа”**, грозящих смертью, не было, а были какие-то неопасные для жизни побои, или в эту ночь на даче произошло нечто таинственное, требующее времени, чтобы сочинить правдоподобную версию случившегося для СМИ, для “скорой помощи”, для милиции... Да и домработница, не видевшая всего, что произошло дома, должна была досконально выучить роль, если её будет допрашивать следователь. Но не может быть, чтобы автор многих детективных сюжетов сочинил всё в своём воображении и потом выдал за действительность! Травмы на голове женщины были? – Были. Соседи видели её с перевязанной головой, фотография с окровавленной подушкой в газете была. Десантный нож в действительности существует? – Существует.

К сожалению, пока дело не расследовано до конца, невозможно ознакомиться с “историей болезни” Натальи-Юлии, невозможно узнать, опросил ли следователь безымянную домработницу и что она ему сообщила, невозможно выяснить, была ли проведена экспертиза крови на подушке и кому принадлежит эта кровь.

В получении всех этих сведений руководство Литфонда крайне заинтересовано, но до завершения следствия, длящегося уже полтора года, ни милиция, ни больница этих сведений сообщать кому бы то ни было не имеют права...

А следствие, как выясняется, несмотря на то, что дело, по словам Полякова, находится **“на контроле у высшего руководства страны”**, не закончится никогда, потому что всё происшедшее на поляковской даче похоже на то, что происходит в шотландских средневековых замках, где бродят призраки... А может быть, бедная женщина оступилась на высокой лестнице после домашнего застолья? Может быть, не поладила со своей домработницей или ещё с кем-нибудь и дело дошло до рукоприкладства?

Ходит среди переделкинцев ещё одна версия случившегося. Незаконным строительством второй дачи для дочери, по свидетельству многих соседей, занималась сама мадам Полякова.

Не раз якобы она была недовольна работой гастарбайтеров азиатского происхождения, скандалила с ними во время денежных расчётов, а порой и просто выгоняла их, не заплатив за работу.

Если это так, то вполне возможной была месть с их стороны. Не для того ли, чтобы отвести подозрение от этой некрасивой версии, сам Поляков в одном из интервью заявил, что у преступника было лицо **“славянина”**? Впрочем, трудно поверить тому, что узкоглазые нищие гастарбайтеры, накалавшие хозяйку за невыплаченную зарплату, не прихватили бы с собой деньги и драгоценности, которые предлагала им перепуганная женщина. Так что эта версия, на наш взгляд, неправдоподобна. Соседи по Переделкино рассказывают, что Юлия–Наталья быстро оправилась **“от переломов черепа”**, помолодела и выглядит так, будто ей сделали пластическую операцию.

Поэтому какой-то циник из переделкинских дачников сострил, что избияние это пошло хозяйке на пользу, так же как в своё время якобы помогло Ющенко в его политической карьере отравление диоксином.

А другой из дачных остроумцев пожал плечами и озвучил русскую поговорку: “С большой головы на здоровую”, потом этот якобы знаток фольклора добавил: “Знает кошка, чьё мясо съела”.

Третий, настроенный миролюбиво, изрёк древнюю народную мудрость: “Бьёт – значит любит”.

А желчный интеллектуал, не имеющий дачи в Переделкино, похожий на Крупина и всегда желающий показать свою образованность, вспомнил роман Горького “Жизнь Клима Самгина” и совершенно не к месту буркнул в редкую бородёнку: “А был ли мальчик? Может, мальчика-то и не было?”

Возможно, что под “мальчиком” он подразумевал “славянина в чёрной шапочке”.

II

Восьмого июня 2010 года на первой полосе “Литературной газеты” вышла статья с кричащим заголовком “Бьют женщину!”.

В ней сообщалось, что якобы **“небезызвестный Переверзин избил известную поэтессу Надежду Кондакову, избил в Савёловском суде на глазах изумлённых истцов, ответчиков и служителей Фемиды”**.

Но одного сенсационного факта “избиения женщин” “Литгазете” показало мало. В той же статье в очередной раз было рассказано ещё об одном кошмарном происшествии, когда в декабре 2009 года **“вооружённые налётки, не взявшие почему-то никаких ценностей, проникли ночью в дом и избili Наталью Полякову, жену главного редактора нашей газеты, публикующей разоблачительные материалы о “художествах” Переверзина... идёт следствие, его под личный контроль взял министр Нургалиев”**.

Словом, в писательском обществе началась какая-то эпидемия – “бьют женщин!” Однако вскоре выяснилось, что версия о Кондаковой – полная ложь (сенсация лопнула на другой день после мифического “избиения”), а “дело об избиении Поляковой” находится под личным контролем отнюдь не “самого Нургалиева”, а всего лишь следователя Переделкинского районного отделения милиции, который сообщил нашему корреспонденту, что, поскольку в течение целого года не найдены ни заказчики, ни исполнители покушения на супругу главного редактора газеты, пожелтевшей от таких сообщений, то дело положено на дальнюю полку, где и будет лежать, покрываясь пылью. Все попытки “ЛГ” убедить общественность и власть в том, что в “избиении женщин” замешано новое руководство международного Литфонда, с треском провалились.

Однако атмосфера коллективного психоза, нагнетаемая всей мощью жёлтой прессы – “Литгазетой”, “Новой газетой”, “Московским комсомольцем”, “Комсомольской правдой”, а также и многими телеканалами, не прошла даром для самих её устроителей и, словно заразная болезнь, поразила самые впечатлительные и художественно одарённые натуры из среды нашей переделкинской либеральной тусовки.

Четвёртого марта 2010 года на Неглинке в офисе российского ПЭН-клуба состоялось заседание его исполкома. Вёл заседание президент этой правозащитной организации потомственный питерский интеллигент Андрей Георгиевич Битов. Одним из первых на заседании выступил Ю. Поляков, который, к удивлению многих своих товарищей, в том числе и Феликса Кузнецова, оказался членом ПЭН-клуба, причастного во всех странах СНГ к подготовке всяческих “цветных революций”. (Ф. Кузнецов и его окружение всегда считали Полякова крутым патриотом, а он, оказалось, как ласковое теля, всех маток сосёт!) Пафос речи этого “ласкового теля” заключался в том, что переделкинские дачи должны в той или иной форме стать собственностью всех нынешних арендаторов, чтобы впоследствии перейти к поколению писательских детей, а за ним к поколению внуков. Не преминул Поляков вспомнить и об избиении своей супруги и в связи с этим сказал, что с Переверзиным надо кончать, но как – не уточнил. Может быть, он имел в виду нанять киллеров, потому что как иначе избавиться от человека, которого все конференции МЛФ постоянно выбирают одним из руководителей организации? А ещё, как говорят, он добавил, что председатель Союза российских писателей С. Василенко “не демократка”, поскольку поддерживает Переверзина, и её надо исключить из ПЭН-клуба. Ему возразил А. Симонов, сказав, что такое исключение не предусмотрено Уставом.

Выступление Полякова, встреченное с восторгом, сыграло злую шутку с деятелями ПЭН-клуба. Их души воспламенились от речи Полякова, и когда член исполкома ПЭН-клуба Светлана Василенко после завершения официальной части тусовки предложила собравшимся отметить рождение в её семье долгожданного внука, то случилось нечто из ряда вон выходящее.

Андрей Битов подсел за стол, хлопнул несколько рюмок коньяка и произнёс страстный монолог о том, что в Переделкино прошла вся его жизнь, что здесь он создал все свои гениальные творения, что здесь умерла его мать и выросли внуки, а поэтому дача и кусок земли при ней должны принадлежать роду Битовых. Словом, выболтал всё, что у трезвого на уме, а у пьяного на языке.

Светлана Василенко резонно заметила, что задача ПЭН-клуба не заниматься спорами о переделкинской собственности, а защищать писателей от бюрократии, помогать им в их праве свободно излагать свои взгляды, защищать их от несправедливых судов. И тут кумир либеральной интеллигенции загворил настоящим русским языком:

– Вы с Переверзиным хотите забрать у нас дачи и распродать их! Ты – б...ь, продавшая Переверзину! – И в следующее мгновение “всемирно известный писатель” (так его всегда в своих литгазетовских опусах и в письмах на имя президента, премьера и генпрокурора аттестует Ф. Кузнецов) молниеносно хуком с правой в лицо отправил кроткую Светлану Василенку в нокаут. Женщина рухнула на пол и потеряла сознание. Человек пять благообразных пэнклубовцев, не пожелавших быть свидетелями кулачной разборки, сразу же смылись из офиса, остальные повели себя по-разному. К рухнувшей на пол Светлане бросились поэты Вадим Рабинович и Максим Амелин, помогли ей встать и сесть на стул, стали успокаивать женщину, плачущую от боли и оскорбления. Обернувшись к Битову, Амелин холодно и твёрдо сказал:

– После этого я не могу вас уважать. Как вы могли ударить женщину?

На что пьяный классик в истерике завопил:

– Она не женщина! Она секретарь! – А на Амелина огрызнулся: – И ты дрянь!

Заодно досталось и Рабиновичу, в адрес которого Битов изрыгнул что-то антисемитское... Вот ведь как оно бывает: каркали целый год в “ЛГ” о том, что “бьют женщин”, и накаркали. Прав был великий поэт: “нам не дано предугадать, как наше слово отзовется”. Может быть, масла в огонь подлило письмо на имя председателя Верховного суда РФ В. М. Лебедева, опубликованное 31.01.2011 г. в “Новой газете”, в котором был такой провокационный пассаж: **“Мы опасаемся за наших товарищей, непосредственно противостоящих в данном конфликте И. И. Переверзину и его команде. Тем более, что уже имели место случаи физической расправы с ними”**. Письмо было подписано Д. Граниным, Е. Евтушенко и, что знаменательно, Андреем Битовым. Возможно, что слова о **“случаях физической расправы”** запали в нездоровое сознание Битова и спровоцировали его на хулиганский поступок. С психически возбудимыми натурами такое “самовнушение” случается. А возможно, всё произошло по Фрейдю: кричали, лгали в пропагандистских целях, что кругом “бьют женщин”, довели себя до иступления, сами себя зазомбировали. Да и в “Московском комсомольце” незадолго до этой драмы (№ 21, январь 2011 г.) была опубликована беседа с Г. Зайцевым, который заявил, имея в виду свои судебные иски к МЛФ: **“Вся эта история – сюжет для сериала “Бандитский Петербург”**. Если иметь в виду то, что Битов коренной петербуржец-интеллектуал и гуманист, то, конечно, кадр со Светланой Василенко мог бы стать украшением знаменитого сериала. Вот на какой мистике замешана вся наша жизнь. Ничего лишнего болтать нельзя...

Заместитель главного редактора “Новой газеты”, поэт и тоже гуманист Олег Хлебников, чуть более пьяный, нежели Битов, подошёл к пришедшей в сознание Светлане и как достойный ученик своего шефа по ПЭН-клубу повторил его матерную фразу:

– Продажная переверзинская тварь! Ты получила от него 200 тысяч!

К счастью, Хлебникова, готового пустить в ход кулаки, более трезвые и здравомыслящие ПЭН-клубовцы догадались оттащить от Василенко, вывели на улицу, остановили такси и, заплатив шофёру двойную цену за перевозку нетрезвого человека, отправили на переделкинскую дачу.

Кстати, в Переделкино, кроме Хлебникова, незаконно пристроившего очередной дом к сторожке, арендуют дачи ещё две семьи, члены которых

работают в той же “Новой газете”, постоянно клеветущей на руководство международного Литфонда, — это Ю. Латынина, семья которой без разрешения возвела ещё один дом на участке, и С. Тарощина, вдова писателя Юрия Давыдова.

Все три семьи ведут себя, если вспомнить басню Крылова, как домашние животные под дубом, подрывающие его корни. Знаменательно и то, что Ю. Поляков принял на работу в “ЛГ” некую Марину Кудимову, которая недавно попыталась по схеме, разработанной Поляковым и Евтушенко, через суд стать владелицей переделкинского имения. Но суд она проиграла. Однако совершенно ясно, как эта поэтесса будет освещать переделкинскую эпопею.

* * *

Борьба за собственность в нашем алчном рыночно-капиталистическом мире страшна. Но то, что случилось в ПЭН-клубе — это ещё цветочки. Справедливо пишет “ЛГ” в статье “Бьют женщину”: **“Трудно себе представить Константина Федина, Николая Тихонова, Георгия Маркова или Сергея Михалкова, избивающих, допустим, Римму Казакову или, скажем, Агнию Барто. Более того, если разгул насилия в литературной среде сохранит свою зловещую динамику, то недалеко, простите, и до смертоубийства”** (08.06.2010 г.)

Да, всех наших вышеперечисленных руководителей СП СССР **“трудно себе представить”** в роли, которую блестяще сыграл президент российского ПЭН-клуба Андрей Битов. А что касается **“смертоубийства”**, то хочется предостеречь главного редактора “ЛГ” от того, чтобы он разбрасывался такими словами. Слова, как мы убедились, материализуются.

Грязная клевета на Переверзина, грубо организованная провокация на даче Полякова, хулиганские выходки Битова и Хлебникова свидетельствуют об одном: эти люди способны на всё, и потому судьба знаменитого на весь мир Переделкино под угрозой.

С. Славянин

История со Светланой Василенко получила широкую огласку. Яркая публицистика по этому поводу приходит к нам даже в стихах. Поэтический репортаж Н. Е. Дачника — наглядное тому подтверждение

“БИТОВЩИНА”

Поэтический репортаж

“Бьют женщину!”

А. Вознесенский

I. Бывшему сотруднику “Пушкинского дома” и автору одноимённого романа

*Пэнклубовским пиштам
прозаик фору дал:
побил Светлану Битов
и б...ю обозвал.
Какой язык народный,
какой талант природный!*

*Знать, в Пушкинском доме
он обучён всему.*

II. Прощёное воскресенье

*Побита Битовым Светлана...
Стоял в пэнклубе пьяный ор,
и вместо вешнего тумана
лёг несмываемый позор
на переделкинские дачи...
Светлана не хотела сдачи
воздать хмельному удалцу —
ей, христианке, не к лицу
ни плюнуть в битовскую харю,
ни жаловаться государю.*

III. “Что позволено Юпитеру”...

*А Хлебников хотел добавить
Светлане, чтобы окровавить
еёный лик... Но тут друзья,
что потрезвее, подскочили,
сказали, мол, “тебе нельзя,
что можно Битову”, скрутили
и с криком: “Господи, спаси!” —
заткнули в частное такси,
уговорили шоферюгу,
чтобы на дачу вёз зверюгу.*

IV. Нравы деревни Переделкино

*А Битовым избита
беспомощная Света,
но Битову не будет
ни капельки за это.*

*Он шибко гениален,
он кореш Полякова,
ну, в глаз ударил бабу —
так что же в том плохого?!*

*Ведь были в деревушке
похлеще заварушки:
главред своей подружке
вломил по черепушке.*

*Наш Битов — знаменитость,
он президент пэнклуба,
и нам его позорить
рискованно и глупо!*

*Тихонько плачет Света,
но Битов стих поэта
твердит: “Пускай поплачет,
ей ничего не значит”.*

V. Подруги по несчастью

*Как в Переделкино порой
писательские жёны стонут,
когда им темя в час ночной
проломают — но колье не тронут!*

*Когда в твой дом пришла беда,
то не спасёт тебя богатство,
оно не защитит, когда
алкаш твой
впал в рукоприкладство...*

*Светлана впала в забытьё,
но слышала в ночи суровой,
как тень несчастной Поляковой
вздыхала около неё.*

VI.

*Чужая душенька — потёмки,
В. Рабинович пожалел
Светлану...*

*Знают пусть потомки,
что он рождён для добрых дел.
Но взвился Битов:*

*“Ах, ты, сволочь,
ты никакой не либерал!”
Жидом был назван Рабинович
за то, что под руку попал.*

VII.

*Андрюша Битов петербуржец
во гневе всем внушает ужас,
он террористам лучший друг,
ему в пэнклубе славы мало,
ему бы роль из сериала
“Бандитский город Петербург”.*

Н. Е. Дачник

.....

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ!

Вышла из печати книга Станислава Куняева “Жрецы и жертвы Холокоста”. Книгу можно приобрести в редакции — цена 220 руб. Для иногородних читателей стоимость с пересылкой 270 руб., для зарубежных — 340 руб. (доставка по ж.д.), 400 руб. (доставка авиа).

Деньги перечислять по адресу: 127051, Москва, Цветной бульвар, дом. 32, стр. 2, “Наш современник”, Евдокимовой Елене Николаевне с пометкой “Холокост”.